

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 10

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 10

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Абрамовой И.О. - директора Института Африки РАН 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Коргун И.А., Нгуен К.Х. (Вьетнам). Российско-вьетнамские отношения
в условиях международных санкций против России 6

Васильев А.М. Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация» 15

Муратшина К.Г. (Москва), **Бородина Е.А.** (Екатеринбург). Культурные связи Китая и Индии:
битва «мягких сил»? 27

Кассае Н.В.М., Ивкина Н.В. Основные этапы становления и развития концепции
панафриканизма: история и современность 34

Садовская Л.М. Неправительственные организации в Африке: роль и место в мировой
политической трансформации 41

Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. Развитие экосистемы цифровых инноваций Кении 49

Дробница И.К. Современное состояние и особенности рынка наручных часов Японии 57

ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНОГО ЭКСПЕРТА

Cheng Guo (China). China's Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry:
Implications and the main US response 65

Трибуна соискателя

Макаревич Г.Г. Энергетическая безопасность как один из ключевых факторов
внешней политики Пакистана 73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets. Africa in the 21st century: New insights
into the problem of security 81

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66, 691-02-70

E-mail: asaf-today@mail.ru

Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

To the anniversary of Prof. Irina O. Abramova, the Director of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences **5**

POLITICS, ECONOMICS

Irina A. Korgun, Quoc Hung Nguyen (Vietnam). Russia-Vietnam cooperation under international sanctions against Russia **6**

Alexey M. Vasiliev. Saudi Arabia. The time of troubles: Both repression and “liberalization” **15**

Ksenia G. Muratshina (Moscow), **Evgenia A. Borodina** (Yekaterinburg). China - India cultural interaction: The competition of “soft powers”? **27**

Kassae N.V. Mikael, Natalya V. Ivkina. The main stages in the formation and development of the concept of Pan-Africanism: History and modernity **34**

Lybov M. Sadovskaya. Non-governmental organizations in Africa: Role and place in the global political transformation **41**

Lyudmila N. Kalinichenko, Zinaida S. Novikova. Kenya’s digital innovation ecosystem development **49**

Igor K. Drobnitsa. The current state and features of the Japanese watch market **57**

FOREIGN EXPERT VIEW

Cheng Guo (China). China’s Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry: Implications and the main US response **65**

POST-GRADUATE COLUMN

Gleb G. Makarevich. Energy security as a crucial Pakistan’s foreign policy determinant **73**

SCIENTIFIC LIFE

Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets. Africa in the 21st century: New insights into the problem of security **81**

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

К юбилею И.О. Абрамовой - директора Института Африки РАН

Ирина Олеговна Абрамова только что отметила свой юбилей. Были горы цветов, добрые слова коллег, поздравления от Председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко, от министра иностранных дел С.В. Лаврова, от его заместителя - почетного доктора Института Африки М.Л. Богданова, от Министерства образования и науки, от столпов нашей Академии. То есть юбилей отмечали так, как заслуживает директор Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, член президиума РАН.

Может быть, кто-то скажет: «Везёт Ирине Олеговне». А я бы ответил: «Везёт тому, кто везёт».

...В 1984 году в аспирантуру нашего института пришла молоденькая Ира Абрамова и приняла не без сопротивления мое предложение поработать над темой «Урбанизация арабских стран». Она с блеском защитила кандидатскую, которая стала основой последующих фундаментальных работ, посвященных африканским миграциям, а потом защитила и докторскую диссертацию. Молодой ученый от публикаций к публикациям улучшал и углублял качество работ. Она исследовала роль африканских стран в мирохозяйственных процессах XXI века, роль африканских ресурсов, развитие человеческого потенциала континента, значение российско-африканского сотрудничества. Десяток монографий и более сотни научных статей о многом говорят.

Потом И.О. Абрамова «потасила воз» заместителя директора по науке. Получив абсолютное большинство голосов, она стала руководителем нашего института и уже второй срок остается на этом посту. Откровенно скажу, что сейчас, во время растущей бюрократизации, формальных (ненаучных) забот директора института стало вчетверо больше, чем в тот момент, когда я передал ей капитанский мостик нашего корабля.

И еще очень важное дело. Наконец-то руководство страны решило всерьез «возвращаться в Африку», свидетельством чего стал первый российско-африканский саммит в Сочи. В его подготовке и проведении Ирина Олеговна играла действительно важную роль. Нужный человек в нужное время оказался на нужном месте. Так что Ирина Олеговна с достоинством «тащила» и «тащит» воз научных, административных и политических забот.

С днем рождения тебя!

Африка нужна России, как и Россия нужна Африке, а, соответственно, нужен и Институт Африки.

*Почетный президент Института Африки
академик Алексей Васильев*

Российско-вьетнамские отношения в условиях международных санкций против России

© Коргун И.А.^{a,b}, Нгуен К.Х.^{a,c}, 2022

^a Институт экономики РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-1496-4375; irinakorgun@yandex.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-8752-0222; hunghoiluatgia@gmail.com

Резюме. На основании статистических данных в статье анализируется влияние международных санкций на взаимоотношения России и Вьетнама в области торговли, инвестиций и стратегического сотрудничества. Авторы отмечают, что, несмотря на отказ правительства Вьетнама присоединиться к неправомерным и односторонним санкциям Запада, двусторонние отношения проходят непростой период адаптации. Под угрозой оказались экспортно-импортные операции, реализация инвестиционных проектов. По большинству торговых позиций наблюдается сокращение товарных потоков.

Наиболее пагубное влияние оказало отключение российских банков от системы расчетов *SWIFT* и отказ международных морских перевозчиков обслуживать поставки на российском направлении. Это заставляет вьетнамскую сторону искать альтернативные рынки сбыта и источники закупок ресурсов.

В статье отмечается, что на фоне растущего экономического давления Запада на Вьетнам его правительство вынуждено учитывать стратегические императивы нарастающей конфронтации между США и Китаем в регионе. С этой точки зрения присутствие России в ЮВА крайне важно для соблюдения баланса интересов, поэтому Вьетнаму не выгодно сокращение сотрудничества с нашей страной.

Наряду с негативным воздействием санкции предоставляют новые возможности в двустороннем сотрудничестве и предлагают направления для развития взаимодействия.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, экономическое сотрудничество, международные санкции

Для цитирования: Коргун И.А., Нгуен К.Х. (Вьетнам). Российско-вьетнамские отношения в условиях международных санкций против России. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 6-14. DOI: 10.31857/S032150750022718-1

Russia-Vietnam cooperation under international sanctions against Russia

© Irina A. Korgun^{a,b}, Quoc Hung Nguyen^{a,c}, 2022

^a Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-1496-4375; irinakorgun@yandex.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-8752-0222; hunghoiluatgia@gmail.com

Abstract. This paper analyses a preliminary impact of the international sanctions against Russia on Russia-Vietnam bilateral relations. Authors use trade data for the first five months of 2022 to understand trade flows between Russia and Vietnam. The data reveal a sharp decline both in volume and value across all major categories of export and import. The decline comes as a reaction towards the disruption of payments following SWIFT ban on the Russian banks. Also, the ban on shipments to Russia by international marine companies deepened the negative impact in the first months after sanctions had been introduced.

In terms of geopolitical consequences of the sanctions, Vietnam is increasingly worried about the growing strategic presence of the US in Southeast Asia because this presence can lead to a confrontation between America and China which are both important economic partners to Vietnam. The US strategic presence in the region is somewhat undesirable for Vietnam and several other countries because it can damage their military cooperation with Russia. From this perspective, Vietnam views Russia's presence in Southeast Asia as a crucial element in balancing rivalries and maintaining operational capabilities of strategic forces of several countries of the region, including its own. Vietnam has to act very carefully to avoid damaging its economic momentum obtained through closer linkages with the West and keeping its national strategic interests.

The paper concludes with a review of economic opportunities for Russia and Vietnam under the current circumstances and offers several aspects that need to be reinforced to develop the bilateral cooperation in the near future.

Keywords: Russia, Vietnam, economic cooperation, international sanctions

For citation: Korgun I.A., Nguyen Q.H. (Vietnam). Russia-Vietnam cooperation under international sanctions against Russia. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 6-14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022718-1

ВВЕДЕНИЕ

Вьетнам - важный стратегический партнер России в Юго-Восточной Азии. Он мог бы сыграть важную роль в так называемом «повороте России на Восток». Несмотря на то, что «поворот на Восток» обычно понимается в контексте отношений с Китаем и Индией, это вполне может быть применимо и к Вьетнаму, который благодаря экономической трансформации через политику интеграции в мировые производственно-распределительные цепочки, смог укрепить свои позиции и превратился в важного регионального игрока. В 2020 г. темпы экономического роста Вьетнама составили 2,91%. Хотя это самые низкие темпы экономического роста за многие годы, Вьетнам был одной из четырех экономик (Вьетнам, Тайвань, Египет и Китай) с положительными темпами роста [1].

России необходимо использовать свои наработанные за советский период связи с Вьетнамом для закрепления в регионе ЮВА и для преодоления экономической блокады, в которую её пытаются заключить страны Запада. Если потенциал сотрудничества с Вьетнамом по-прежнему будет недоиспользоваться, как это происходило на протяжении последних лет, весьма вероятно ускорение процесса девальвации советского «наследия», которую выпукло обозначила специальная военная операция (СВО), и дальнейшей ослабление позиций России в регионе ЮВА.

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отношения России и Вьетнама носят стратегический характер, что подразумевает тесное сотрудничество в различных сферах, включая экономическую.

Российско-вьетнамский товарооборот в 2021 г. достиг \$7,14 млрд (рост на 25,9% по сравнению с 2020 г.): российский экспорт во Вьетнам составил \$2,24 млрд, увеличившись на 38,3%), импорт из Вьетнама - \$4,89 млрд (+20,9%). Вьетнам занял 21-е место среди основных торговых партнеров России и стал крупнейшим торговым партнером в АСЕАН¹.

Вьетнам - единственная страна в ЮВА, которая подписала соглашение о свободной торговле с ЕАЭС. Благодаря данному обстоятельству транснациональные корпорации, имеющие производственные мощности во Вьетнаме, имеют возможность экспортировать товары на рынки России и ЕАЭС по льготным ставкам таможенного тарифа.

По состоянию на 2021 г. Россия реализовывала во Вьетнаме 150 инвестиционных проектов преимущественно в энергетическом секторе. По объему накопленных ПИИ это ставило её на 25-е место среди 140 стран и юрисдикций, осуществляющих ПИИ во Вьетнам.

Однако складывающиеся реалии указывают на то, что торгово-инвестиционное сотрудничество между двумя странами не достигло желаемого уровня. Несмотря на то, что статистические службы фиксируют значительное увеличение двустороннего товарооборота по сравнению с 2010 г., когда он был равен \$1,83 млрд², поставленная руководством двух стран задача по его увеличению до \$10 млрд в год не была выполнена.

Сравнение темпов роста торговли Вьетнама с Россией с темпами роста торговли Вьетнама с другими странами показывает, что в первом случае он был крайне неравномерным - с резкими спадами и подъемами. Первый спад произошел в 2014-2015 гг., второй - в 2019 г. Торговля Вьетнама с другими партнерами характеризовалась сравнительно большей стабильностью.

Доля России и Вьетнама во взаимной торговле друг с другом намного уступает Китаю и ЕС в случае России и Китая и США в случае Вьетнама. Так, доля Вьетнама во внешней торговле России в 2021 г. была равна 0,9089%, при этом доля Китая во внешнеторговом обороте России в 2021 г. составляла 17,9% (\$140,7 млрд), а на ЕС пришлось 36% всего внешнеторгового оборота (\$282 млрд).

По данным Главного таможенного управления Вьетнама, в 2021 г. объем внешней торговли Вьетнама был равен \$668,5 млрд, из них торговый оборот с Китаем составил \$165,9 млрд, или 24,8%, а с США - \$111,6 млрд, или 16,9%. На торговлю с Россией приходилось в 2021 г. 1,06%, т.е. объемы торгового сотрудничества не соответствовали стратегическому характеру взаимоотношений.

Более того, за 10 лет, с 2010 по 2020 г., торговый баланс России изменился с положительных \$10 млн на отрицательные \$2,6 млрд, и произошло ухудшение структуры торговли. В российском экспорте во Вьет-

¹ См.: <https://moit.gov.vn/tin-tuc/thi-truong-nuoc-ngoai/tong-quan-ve-ngoai-thuong-cua-lien-bang-nga-nam-2021.html> (accessed 07.16.2022) (In Viet.)

² См.: <https://camau.customs.gov.vn/index.jsp?pageId=442&tkId=307&group=Ph%C3%A2n%20t%C3%ADch&category=Th%E1%BB%91ng%20k%C3%AA%20qu%E1%BB%91c%20t%E1%BA%BF> (accessed 07.15.2022) (In Viet.)

нам стали превалировать сырьевые товары, а во вьетнамском экспорте - промышленные товары. Та продукция с высокой добавленной стоимостью, что ранее поставлялась из России, замещается поставками из других стран.

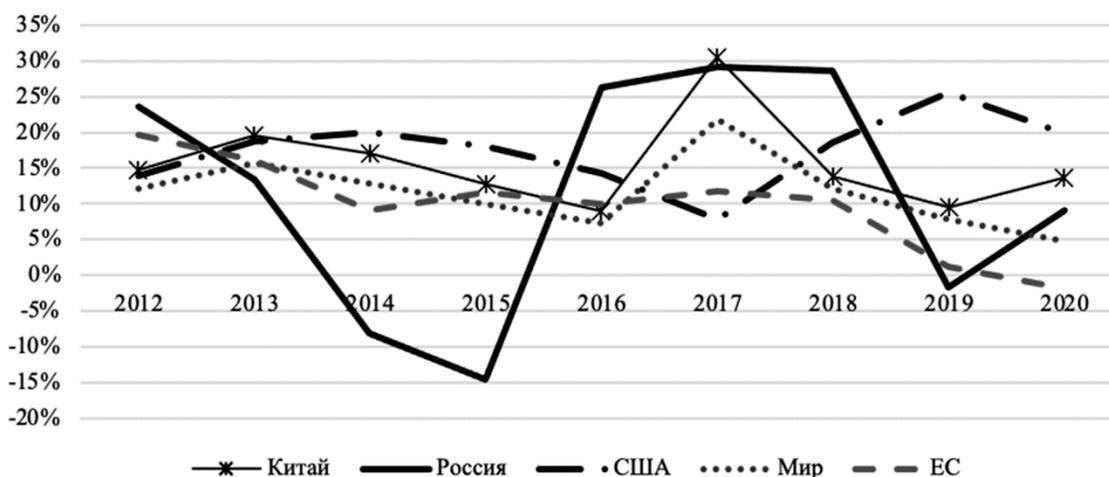

График. Темы прироста внешнеторгового оборота Вьетнама с Россией, Китаем, США, ЕС и миром в целом в 2010-е гг., %.

Graph. Growth rates of trade turnover between Vietnam and Russia, China, USA, EU and the world in 2010s, %.

Составлено по: UNCTADstat. <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed 12.07.2022)

В инвестиционной сфере результаты также оставляют желать лучшего. Многие важные проекты так и не были реализованы. Среди них можно назвать: строительство АЭС «Нинь Тхуан», модернизацию и строительство скоростных железных дорог Вьетнама при участии ОАО «РЖД», строительство линии метро до аэропорта Лонг Тхань в Хошимине³. Нужно признать, что возникающие проблемы часто связаны с медленными бюрократическими процедурами с обеих сторон, отсутствием встречного капитала и недостаточной подготовкой площадей под застройку.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ И ПОЗИЦИЯ ВЬЕТНАМА

За годы помощи, которую СССР оказывал Вьетнаму, в этой стране сформировалось дружеское отношение к России. За более чем 30 лет, прошедшие с распада Советского Союза, положительный настрой, в целом, удалось сохранить: часть населения знает русский язык, его продолжают преподавать в старших классах школы.

Официально Вьетнам не участвует в антироссийской кампании, запущенной западными странами. Лаос и Вьетнам стали единственными странами-членами АСЕАН, которые воздержались от голосования по резолюции ГА ООН, осуждающей действия России на Украине. Вьетнам выступил против резолюции о приостановке членства России в Совете по правам человека ООН, резолюции об исключении России из Всемирной туристской организации. Вьетнам пытается демонстрировать свою независимость в вопросах внешней политики и старается держать нейтралитет в пользу России.

Но параллельно с тенденцией поддерживать Россию на государственном уровне общество неоднозначно отнеслось к СВО на Украине, особенно в её первые месяцы. Произошедшая «вестернизация», вызванная расширением экономических связей с США, привела к тому, что часть молодежи ориентировалась на западные СМИ в получении информации. На негативном восприятии России в первые месяцы СВО сказалось также и то, что во Вьетнаме много людей, учившихся и работавших на Украине еще в советский период. Тот факт, что российская армия проводит спецоперацию на Украине, оказал на них большое эмоциональное влияние и вызвал неприятие ситуации.

³ См.: <https://vn.sputniknews.com/amp/20200918/nga-de-xuat-voi-viet-nam-tai-xay-dung-tuyen-duong-sat-giong-nhu-sapsan-9491485.html> (accessed 07.15.2022) (In Viet.)

Ограниченные контакты между российскими и вьетнамскими СМИ, которые в первые месяцы после начала событий на Украине в феврале 2022 г. практически не сотрудничали, привели к тому, что при освещении СВО использовались в основном западные и украинские источники⁴. Постепенно властям удалось переломить ситуацию: в настоящее время вьетнамские СМИ обеспечили сбалансированное и объективное освещение конфликта. Но пока рано говорить о том, как изменится и изменится ли вообще образ России во Вьетнаме.

Сильное давление со стороны США и ЕС, ставших важными экономическими партнерами Вьетнама за последние 10 лет, существенно повлияло на уровень коммуникации с Россией в 2022 г. Вьетнам, как и многие другие страны, обеспокоен вторичными санкциями США и Запада. Личные наблюдения авторов показывают, что с марта 2022 г. обмен делегациями между двумя сторонами значительно сократился, хотя эти контакты были регулярными даже в условиях локдаунов *COVID-19*. Основная причина связана с остановкой прямого авиасообщения, которое наносит ущерб двусторонним контактам на многих уровнях.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА СОТРУДНИЧЕСТВО ВЬЕТНАМА С РОССИЕЙ

Жесткие экономические санкции, политика изоляции затрудняют сотрудничество России с Вьетнамом. Для Вьетнама Россия и Украина являются традиционными и важными торговыми партнерами в евразийском регионе. Хотя в общем объеме вьетнамской торговли доли России и Украины невелики, связи с ними давали ему важный доступ на рынки других постсоветских стран ввиду действия Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Вьетнамом.

В текущих условиях происходит разрушение цепочек поставок. У многих вьетнамских экспортных предприятий были остановлены заказы, сорваны поставки сырья. Поэтому во Вьетнаме готовятся к тому, что конфликт на Украине сильно повлияет на двустороннюю торговлю между Вьетнамом и двумя странами, о чем говорят вьетнамские эксперты Ву и Нгок в своем исследовании [2].

В результате отключения основных российских банков от системы обмена финансовыми сообщениями *SWIFT* появились сложности с получением оплаты вьетнамскими поставщиками. Данная мера имеет долгосрочные последствия для торгового сотрудничества России и Вьетнама в целом, затрагивает российские инвестиционные проекты во Вьетнаме. Например, под санкции попали проекты крупнейшей российской компании по производству электроники «Ростех», одного из крупнейших и старейших российских инвесторов во Вьетнаме. На протяжении последних лет компания расширила свои инвестиции в такие секторы, как здравоохранение, автомобилестроение, сельское хозяйство и др. Однако 28 июня Минфин США установил 11 августа 2022 г. как крайний срок для завершения сделок с подпадавшим под американские санкции Ростехом⁵.

Отдельно следует сказать о торговле сельскохозяйственной продукцией. В 2021 г. вьетнамский экспорт сельскохозяйственной продукции в Россию составил \$550 млн, или 8,9% от совокупной стоимости экспорта. Из них на морепродукты приходилось \$164 млн, на кофе - \$173 млн, перец и орехи кешью - около \$60 млн. Вьетнамские СМИ сообщают, что после начала СВО экспортные операции в Россию были остановлены из-за финансовых рисков, отсутствия судов для морских перевозок и высоких затрат на логистику⁶. По итогам первых 4 мес. 2022 г. экспорт в Россию орехов кешью упал на 42%, морепродуктов - на 35%, овощей и фруктов - на 42%, чая на - 28%. В результате Вьетнам лишился важной статьи валютных поступлений.

При этом Вьетнам ежегодно тратил \$500 млн на импорт сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукции из России [3]. Поставки многих исходных материалов для сельскохозяйственного сектора, такие как пшеница (около 1 млн т, что составляет 20% от общего объема импорта пшеницы), кукуруза (составляет 3% от общего объема импорта кукурузы) в качестве корма для животных; удобрения (более 10% от общего объема импорта удобрений) были приостановлены. Таким образом, сельскохозяйственный сектор Вьетнама испытывает серьезные сложности с закупкой сырья и реализацией части своей продукции.

Негативные тенденции наблюдаются и по другим товарным позициям. По данным Главного таможенного управления Вьетнама, экспорт в Россию в апреле 2022 г. составил \$78,8 млн, что на 67,9% меньше,

⁴ Нужно заметить, что этот тренд проявился еще до начала СВО. В частности, крупный эксперт по Вьетнаму Колотов В.Н., выступая на одной из конференций, отметил, что «на двусторонние отношения влияет риторика антироссийской направленности во вьетнамских СМИ и переориентация внешней политики Вьетнама в области безопасности на США». Цит. по: [10].

⁵ <https://www.interfax.ru/amp/849331> (accessed 07.12.2022)

⁶ The War between Russia and Ukraine: the export of agricultural products to Russia was temporarily stopped. *Vietnamnet*. 04.03.2022. <https://vietnamnet.vn/chien-tranh-nga-ukraine-xuat-khau-nong-san-sang-nga-phai-tam-dung-820173.html> (accessed 07.16.2022) (In Viet.)

чем в марте 2022 г. За первые 4 мес. 2022 г. экспорт товаров в Россию составил \$621,9 млн, что на 43,9% меньше, чем за аналогичный период 2021 г. Одним из главных факторов стало снижение поставок телефонов и комплектующих. За 4 мес. 2022 г. экспорт этой категории в Россию сократился на 63,6% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. и составил \$138,1 млн. Также сократились поставки текстиля (на 34%), пластиковых изделий (на 21,9%), чемоданов и сумок (на 53%)⁷.

Некоторые предприятия отмечают, что экспортные заказы в Россию не могут быть выполнены из-за опасений относительно транспортных и платежных рисков. Многие партии товаров, прошедшие экспортные процедуры на Россию, были вынуждены отменить; даже предприятия, поставки которых находились в пути, также отзывали их и нашли новых клиентов.

Тем не менее, есть отдельные позиции, по которым наблюдался рост. Так, за первые 4 мес. 2022 г. выросли поставки риса на 46,6% и резины - на 75,9%.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ВЬЕТНАМА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Вьетнамские экономисты Фам и Ву указывают на существование высоких рисков отрицательного воздействия международных последствий антироссийских санкций на экономику Вьетнама в виде усиления инфляционного давления, роста производственных издержек, нарушения логистических цепочек [4]. При этом анализ различных материалов на вьетнамском языке показывает, что страна готова использовать сложившуюся конъюнктуру для укрепления собственных экономических позиций.

В частности, сокращение предложения продовольствия на мировых рынках, спровоцированное санкциями, создает ряд возможностей для вьетнамского бизнеса в части наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции на европейский рынок. Из-за санкций США и стран Запада, а также из-за бойкота российских товаров европейские страны (ЕС) нуждаются в альтернативном источнике сельхозпродукции. Вьетнам может нарастить поставки в ЕС (особенно в Польшу, Чехию, Словакию) таких важных для мира сельскохозяйственных и пищевых продуктов, как рис, кофе, орехи кешью, перец, какао, маниока, креветки, пангасиус, фрукты. Несмотря на то, что отмеченные категории товаров не могут напрямую заместить товары из России и Украины, тем не менее потенциально они играют роль в обеспечении населения продовольствием и могут оказывать влияние на уровень цен. Например, ЕС является крупнейшим рынком потребления кофе Вьетнама, на него приходится 38% совокупного экспорта кофе из Вьетнама.

В реализации данных целей стране может способствовать соглашение о ЗСТ Вьетнам - ЕС (ЕВЗСТ). Оно позволяет вести торговые операции с широким кругом партнеров, минимизируя издержки, связанные с таможенными процедурами и уплатой пошлин.

Одной из наиболее важных категорий поставок может стать рис. На Вьетнам и Таиланд приходится примерно 10% мирового производства риса-сырца и около 26% мирового экспорта. В 2021 г. Вьетнам экспортировал на рынок ЕС всего 60 000 т риса, но он может расширить свое присутствие на рынке ЕС за счет квоты на экспорт риса в 80 000 т с тарифной ставкой 0% в соответствии с условиями ЕВЗСТ. Кроме того, рост цен на рис может оказаться выгодным вьетнамским экспортерам. Региональные эксперты сообщают, что в настоящее время Таиланд и Вьетнам ведут переговоры о повышении экспортных цен на рис, чтобы «увеличить свое влияние на мировом рынке и повысить доходы фермеров» [5].

Но чтобы иметь возможность проникнуть на сложные рынки, требующие высоких стандартов, таких как ЕС и США, Вьетнаму необходимо сосредоточиться на повышении технологических стандартов и качества человеческих ресурсов.

На фоне проблем с оплатой ресурсов из России страна имеет возможность диверсифицировать источники импорта. Вьетнам импортирует из России такие товары, как пшеница и кукуруза, которые также производятся в США. Соответственно, правительство может нарастить поставки из Америки, что может иметь эффект укрепления отношений с данным партнером. Вероятно, что Вьетнам будет искать альтернативные поставки мяса, которое он импортировал из России. Потенциальным поставщиком может быть Индия.

На российском рынке для Вьетнама открываются возможности для занятия ниш ушедших западных компаний. Хотя для этого потребуются провести серьезную работу по решению проблем с логистикой и проведением платежей. Кроме того, вьетнамским производителям придется конкурировать с российскими компаниями, которые также видят для себя возможности для закрепления на рынке.

Потенциально у Вьетнама сохраняется возможность привлекать туристов из России, тем более что в стране принимается к оплате карта МИР. Но в ближайшее время сделать это будет крайне не просто из-за

⁷ <https://vn.sputniknews.com/amp/20220529/xuat-nhap-khau-thang-hoa-nga-tang-mua-gao-va-cao-su-cua-viet-nam-15400984.html> (accessed 06.20.2022) (In Viet.)

того, что прямое авиасообщение между Россией и Вьетнамом прекращено, а страховые компании отказываются страховать рейсы в Россию вьетнамских авиакомпаний⁸.

Несмотря на то, что рост цен на энергоресурсы ускоряет инфляцию, в этом есть положительный момент для нефтегазовой отрасли Вьетнама. Министерство финансов Вьетнама отмечает, что рост цен на нефть увеличил доходы бюджета Вьетнама от сырой нефти более чем на 121% и составил почти 29% в доходах государственного бюджета⁹. Представители Вьетнамской нефтегазовой группы (*PETRO VIETNAM*) оценивают, что только за первые 5 мес. 2022 г. общий доход компании составил 372,2 трлн донгов (\$11,6 млрд), что превысило 5-месячный план на 63% и составило 67% годового плана в 2022 г.¹⁰

САНКЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ЮВА

Объединение коллективного Запада на фоне международных санкций против России сильно влияет на Вьетнам и в геополитической сфере. Здесь СВО в очередной раз высветила необходимость в балансировке геостратегических интересов между Россией, Китаем и США. В настоящее время происходит усиление экономического присутствия в регионе ЮВА как Китая, так и США. Как отмечается в научном докладе специалистов Института экономики РАН, экономическое проникновение последних будет становиться в ближайшие годы более агрессивным [6]. Об этом свидетельствуют принятые инициативы в отношении «Партнерства для инфраструктуры», призванное составить конкуренцию китайскому проекту «Пояс и путь», создание азиатской альтернативы НАТО с партнерами из Австралии, Новой Зеландии и Японии.

Вьетнам опасается усиления присутствия в регионе не только Китая, но и США, т.к. это приведет к росту конфронтации. По мнению авторов статьи, США находят и будут находить способы значительно уменьшить влияние России в ЮВА, чтобы ограничить способность России координировать свои действия с Китаем в противостоянии с США.

США будут оказывать более сильное давление на страны АСЕАН в военно-техническом сотрудничестве с Россией, чтобы вытеснить её с рынка вооружений Юго-Восточной Азии. Основная цель США - быть единственным крупным поставщиком оружия в регион, что усилило бы их влияние. Но такое развитие ситуации было бы очень опасно, поскольку Китай вряд ли станет безучастно наблюдать, как какая-либо из стран региона укрепляет военное партнерство с США.

Вьетнам, Лаос, Мьянма и некоторые другие страны являются импортерами продукции российского ВПК, имеют советские и российские системы вооружений. Поэтому ограничение военного и военно-технического сотрудничества с Россией сильно повлияет на боеспособность вооруженных сил указанных стран. Вьетнамские специалисты считают, что вытеснение России из региона несет в себе массу рисков¹¹. Существует вероятность превращения ЮВА в Восточную Европу. Каждая из стран АСЕАН может стать «второй Украиной», превратившись в линию фронта в противостоянии с Китаем.

Пока у России сохраняются инструменты для маневра в отношениях с Китаем, поэтому, с точки зрения стран ЮВА, она необходима в качестве самостоятельного игрока в регионе. Роль Вьетнама заключается в том, чтобы убедить страны АСЕАН воспользоваться ролью России для обеспечения регионального баланса сил и стабильности. Важно продолжать поддерживать участие России в многосторонних механизмах, особенно в механизмах безопасности.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЬЕТНАМОМ В УСЛОВИЯХ ГЕПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Как было показано выше, в сложившихся условиях существуют большие риски для российско-вьетнамских отношений. Эти риски вызваны влиянием санкций, возможным усилением курса на дальнейшее экономическое сближение Вьетнама с Западом, геостратегическим противостоянием США и Китая в ЮВА.

⁸ Нгуен Ть Там. Россия и Вьетнам хотели бы торговать, но не могут. *Независимая газета*. https://www.ng.ru/kartblansh/2022-04-05/3_8409_blansh.html

⁹ <https://tuoitre.vn/6-thang-dau-nam-2022-tang-thhttps://i1-kinhdoanh.vnecdn.net/2022/06/06/33-9140-1654517729.png?w=680&h=0&q=100&dpr=1&fit=crop&s=KPAzWplCuLeRnNGvIOWhewu-ngan-sach-nho-ban-dau-tho-va-tien-thue-dat-20220630161141711.htm> (accessed 07.15.2022) (In Viet.)

¹⁰ <https://vnexpress.net/doanh-thu-petrovietnam-vuot-63-ke-hoach-5-thang-4472875.html> (accessed 07.15.2022) (In Viet.)

¹¹ <https://vn.sputniknews.com/amp/20211028/dau-khi-nang-luong-vu-khi-viet-nam-va-nga-rat-can-nhau-12281372.html> (accessed 07.16.2022) (In Viet.)

Без специальных усилий преодолеть данные негативные тенденции вряд ли удастся. Сейчас необходимо пересмотреть двусторонние отношения с Вьетнамом и попытаться найти зоны возможностей. Важно более широко задействовать механизм соглашения о ЗСТ.

Здесь можно привести пример диверсификации экспортных поставок России после подписания соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом. Экспорт угля, на который приходилось 27% всего экспорта ЕАЭС во Вьетнам в 2020 г., увеличился в 7 раз после 2015 г. Вторая по важности экспортная позиция - это нелегированный горячекатаный прокат (17,5%), который вообще не экспортировался во Вьетнам до 2015 г. [16]¹². В настоящее время Россия является 3-м по величине поставщиком угля (после Австралии, Индонезии, Китая) и 5-м поставщиком во Вьетнам горячекатаного проката (после Индии, Японии, Тайваня, Южной Кореи). При решении проблем с оплатой и логистикой у России есть возможность нарастить поставки этой продукции.

Эффект от действия соглашений может быть усилен в случае взаимных уступок. В частности, урегулирование важного для Вьетнама вопроса мер защиты и квот на рис может улучшить условия доступа на вьетнамский рынок ряда российских товаров, в частности, в сфере животноводства.

Кроме того, в сфере сельского хозяйства Вьетнам также может нарастить экспорт кофе, чая, морепродуктов, орехов и специй в Россию. Экспорт какао-бобов в Россию также очень перспективен. Россия занимает 2-е место после Западной Европы по спросу на шоколад, и этот спрос резко увеличился за последние 5 лет¹³. Актуально налаживание поставок таких нетрадиционных товаров, как рыбная мука и корма для собак и кошек.

Несмотря на складывающиеся неблагоприятные условия, для сохранения отношений России важно завершить вьетнамский инвестиционный проект по строительству комплекса молочного животноводства «ТН Trumilk». В частности, вьетнамская сторона запросила у России разрешение на привлечение вьетнамских рабочих для работы здесь для ускорения процесса строительства животноводческих комплексов в России.

Россия и Вьетнам могли бы более плодотворно сотрудничать в области лесной промышленности. Через Вьетнам в условиях санкций может ввозиться оборудование и комплектующие для лесозаготовки, при этом ряд видов лесной продукции (бревна, пиломатериалы, промышленные плиты) мог бы экспортироваться во Вьетнам. Однако этот потенциал до сих пор не был использован.

По данным вьетнамских статистических служб, в 2021 г. экспорт вьетнамской древесины и изделий из дерева на российский рынок составил \$7,3 млн, что эквивалентно 0,05% от общего объема вьетнамского экспорта данной категории [7]. Это очень низкий показатель. Не лучше обстоит дело и с импортом древесины из России, которая также является важным поставщиком сырья на мировой рынок. В 2021 г. из России во Вьетнам было импортировано древесины и изделий из неё на сумму \$55 млн. Это составляет 1,8% от общего объема импорта древесины Вьетнамом и в основном обеспечивается такими специальными породами древесины, как береза, липа, ель, дуб, используемыми для изготовления изделий по специальным заказам [8].

России и Вьетнаму необходимо укреплять сотрудничество в сфере лесозаготовок, создавая продукцию с высокой добавленной стоимостью, которую можно экспортировать в третьи страны. Российское правительство предоставляет различные льготы лесопромышленным предприятиям (сильно пострадавшим от санкций) по аренде лесов и заготовке древесины, чтобы они могли инвестировать в кооперацию по эксплуатации, добыче и переработке древесины в России.

Энергетическое сотрудничество является одной из традиционных сфер двусторонних отношений. Поэтому важно продолжать развивать сотрудничество в области разведки и добычи нефти и газа на континентальном шельфе Вьетнама, оказывать поддержку деятельности ООО «СК Руссветпетро» в освоении новых месторождений нефти и газа как во Вьетнаме, так и в России [9]. Еще одним направлением является строительство газотурбинной электростанций в провинции Куангчи в центральной части Вьетнама с участием Газпрома.

На фоне разворачивающейся в ЮВА инфраструктурной гонки Россия имеет возможности для своего независимого участия в этой важной сфере. Речь идет о строительстве транспортной инфраструктуры во Вьетнаме, в т.ч. железнодорожной линии Хошимин - международный аэропорт Лонг Тхань. Также Россия

¹² Королев А. Вьетнам ждет активизации России в Юго-Восточной Азии. *Независимая газета*. 25.11.2022. https://www.ng.ru/kartblansh/2021-11-25/3_8311_kb.html (accessed 07.17.2022)

¹³ Оставят без сладкого: россияне съедят весь шоколад в мире. *Газета.ru*. <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/06/12011083.shtml> (accessed 07.17.2022)

могла бы принимать участие в подготовке управленческого и технического персонала для транспортной отрасли Вьетнама, продвигать использование навигационной спутниковой системы Глонасс во Вьетнаме.

Это весьма неполный список направлений, по которым Россия и Вьетнам могли бы сотрудничать, но он говорит о существующих возможностях. Однако их сложно будет реализовать без инициатив в финансовой сфере. Прежде всего, необходимо договориться о разумном и предсказуемом обменном курсе, развивать платежи в национальной валюте за счет развития инфраструктуры для приема карт МИР во Вьетнаме по примеру вьетнамских карт *NAPAS* в российских банках. Актуальным было бы создание условий для проведения операций в валютной паре российский рубль/вьетнамский донг на Московской бирже, подключение вьетнамских банков к системе обмена финансовыми сообщениями ЦБ РФ.

Еще одна мера - формирование зон свободной торговли для диверсификации торгово-экономических отношений. Для укрепления отношений Россия-АСЕАН стороны могут говорить о заключении временного соглашения с ЕАЭС (по аналогии с Ираном) или формального соглашения (по аналогии с Вьетнамом и Сингапуром) с отдельными государствами-членами АСЕАН. Такие преференциальные механизмы могли бы создать больше возможностей для диверсификации экспорта и замены высокотехнологичного импорта из стран ЕС, в котором остро нуждается Россия, а именно - полупроводников, оборудования для сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности, нефти и многих других важных товаров. Это позволит компенсировать часть ущерба по некоторым продуктам, а также снизит технологическую зависимость России от Китая, которая неизбежно возникнет в ближайшем будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье рассмотрено влияние международных санкций на отношения Россия и Вьетнама. Позитивным моментом в двусторонних отношениях является то, что на официальном уровне Вьетнам не принимал антироссийских мер и выказал поддержку в международных структурах. Также после первоначальной дестабилизации общественного мнения, которое в целом положительно относится к России, правительство Вьетнама смогло обеспечить более объективное освещение СВО в национальных СМИ. Опасения вызывает то, что в экономической сфере Вьетнам продолжает курс на сближение с Западом, который, скорее всего, усилится на фоне разрыва части хозяйственных связей западного бизнеса с Китаем и поиска альтернативных источников закупки ресурсов, чтобы избежать санкций США. Соответственно, даже при налаживании нарушенных логистических маршрутов и финансовых операций вряд ли произойдет восстановление торговых потоков до уровня начала 2022 г.

В условиях общего сокращения объемов экономического сотрудничества крайне важно сохранить и по возможности расширить существующие механизмы и проекты. Реализация инвестиционных проектов в России и во Вьетнаме, несмотря на трудности, придаст важный положительный импульс во взаимодействии. России особенно важно сохранить свое присутствие в таких стратегических секторах, как энергетика, добыча энергоресурсов, строительство ключевых объектов дорожной инфраструктуры. Также у нашей страны есть пространство для влияния в военно-технической сфере стран АСЕАН, в т.ч. за счет многолетнего сотрудничества с Вьетнамом и другими странами.

На фоне геополитической нестабильности, когда рушатся многие устоявшиеся системы кооперации, России необходимо использовать свои наработанные за советский период связи с Вьетнамом для закрепления в регионе ЮВА и для преодоления экономической блокады, в которую её пытаются заключить страны Запада. Если потенциал сотрудничества с Вьетнамом по-прежнему будет недоиспользоваться, весьма вероятно ускорение процесса девальвации советского «наследия» и дальнейшее ослабление позиций России в регионе ЮВА.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pham Thi Thanh Binh. 2021. Vietnam's Economy: A Bright Spot in the Global Economy. *Economy of Vietnam*. № 61. Pp. 40-41. Hanoi.
2. Wu Phong, Ngoc Chang. 2022. Vietnam's Economic Growth: Uncertainties from the Russian-Ukrainian Conflict. *Economy of Vietnam*. № 11. Hanoi. (In Viet.)
3. Бурова Е.С. Взаимные интересы России и Вьетнама в агропромышленной сфере. *Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов*. М.: ИДВ РАН, 2020. 376 с. ISBN 978-5-8381-0378-9
Burova E.S. 2020. On the mutual interests of Russia and Vietnam in the agro-industrial sphere. *Russian-Vietnamese relations today. Areas of convergence of interests. Collection of articles of the international round table dedicated to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the USSR and the DRV*. Moscow. P. 172. (In Russ.)

4. Pham Thi Thanh Binh, Wu Truong Son. The economy of Vietnam under the influence of the Russian-Ukrainian conflict. *Bank*. <https://tapchinhang.gov.vn/kinh-te-viet-nam-voi-anh-huong-xung-dot-nga-ukraine.htm> (accessed 15.07.2022) (In Viet.)
5. Setboonsarng Ch., Vu Kh. 2022. Thailand seeks rice price pact with Vietnam to boost 'bargaining power'. *Reuters*. 27.05.2022. <https://www.reuters.com/article/thailand-vietnam-rice-idUSKCN2ND0KI> (accessed 07.15.2022)
6. Интеграционные процессы в Восточной Азии: тенденции, задачи, перспективы (на примере Китая, Республики Корея и Вьетнама): Доклад / Отв. ред. И.А.Коргун. М.: Институт экономики РАН, 2021. 54 с.
Regional Integration in East Asia: trends, goals and future tasks (cases of China, Republic of Korea and Vietnam): Report / Ed. I.A.Korgun. Moscow, 2021. 54 p. (In Russ.)
7. Xuan An. Timber merchants react to the consequences of tensions between Russia and Ukraine. *Vietnam News Agency*. <https://www.vietnamplus.vn/doanh-nghiep-go-ung-pho-voi-nhung-tac-dong-tu-cang-thang-ngaukraine/777182.vnp> (accessed 12.07.2022) (In Viet.)
8. Nguyen Huy Ngia. Imports from Russia, although small, are of great concern. Ho Chi Minh City Customs Department. <https://tphcm.customs.gov.vn/index.jsp?pageId=3244&aid=165829&cid=5271> (accessed 07.12.2022) (In Viet.)
9. Нгуен Куок Хунг. Политика соседства и сотрудничества России с восточноазиатскими странами в XXI веке. М.: Эдитус, 2018. С. 143.
Nguyen Quoc Hung. 2018. Neighborhood Policy and Cooperation between Russia and East Asian Countries in the 21st Century. Moscow. P. 143. (In Russ.)
10. Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнёрства. *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 148-161. DOI: 10.54631/VS.2021.54-148-161
Mazyrin V.M. The State of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership. *Journal of Vietnamese Studies*. 2021. Vol. 5. № 4. P. 148-161. Moscow. DOI: 10.54631/VS.2021.54-148-161

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Коргун Ирина Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр российской стратегии в Азии, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Irina A. Korgun, PhD (Economics), Leading Researcher, Center for Russian Strategy in Asia, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Нгуен Куок Хунг (Вьетнам), кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр российской стратегии в Азии, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Quoc Hung Nguyen (Vietnam), PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Russian Strategy in Asia, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 19.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.09.2022

Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация»

© Васильев А.М.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Резюме. После терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке задача отмежеваться от экстремизма и терроризма внутри Саудовской Аравии и вне её стала необходимой для правящей монархии Саудидов и для ваххабитской корпорации. Начался краткий период поверхностной «либерализации»: относительная свобода СМИ, частичные муниципальные выборы, организация национальных диалогов, осуществление частичных реформ академических и учебных программ. Проправительственные «либералы» в своих посланиях руководству требовали создания «государства институтов», подразумевая конституционную монархию, в которой исламисты заняли бы более сильные позиции. Приостановка «либерализации» сопровождалась репрессиями и арестами.

Арабская весна в основном миновала королевство. Правительство сбило недовольство многомиллиардными социальными программами и уступками в расширении прав женщин, сменой состава Консультативного совета, но продолжало репрессии против политической оппозиции и движения шиитов в Восточной провинции. «Братья-мусульмане» были объявлены террористической организацией, а государственный переворот в Египте против президента - представителя этой организации - был поддержан королевством в финансовом и политическом отношении. Временное усиление «Аль-Каиды» в Ираке и Сирии перебросило террористическое движение в королевство, но его чрезвычайная жестокость оттолкнула массы, облегчила его подавление и фактически усилила режим.

На региональном уровне шиитско-суннитские противоречия переросли в «холодную войну» между Саудовской Аравией и Ираном. К концу правления короля Абдаллаха в 2015 г. Саудовская Аравия стала весомым игроком на международном уровне в области нефти, нефтехимии, финансов. Но сохранение архаических социально-политических отношений создавало угрозу внутренней стабильности и требовало серьезных реформ.

Ключевые слова: саудовская «либерализация», Арабская весна, противоречия, репрессии и «реформы»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация». *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 10. С. 15-26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0

Saudi Arabia. The time of troubles: Both repression and “liberalization”

© Alexey M. Vasiliev^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Abstract. In the aftermath of the September 11 attacks, the task to separate itself from extremist and terrorist activities became urgent for the Saudi government and the Wahhabi corporation. The period of liberalization started: freedom of the media was declared, national dialogues were promoted, some academic and school programs were changed. Pro-government “liberals” started a discussion about the establishment of “a state of institutions” (i.e., a constitutional monarchy). “Liberalization” was short-lived and new repressions began. The Arab Spring practically did not come to Saudi Arabia. The government could calm down possible unrest by generous multi-billion social measures and concessions in the sphere of women’s rights. But at the same time the suppression of organized opposition continued.

The “Muslim Brothers” were officially designated as a terrorist organization. A coup d’état in Egypt against the rule of the “Muslim Brothers” was welcomed by Riyadh, and the new military government in Cairo received financial and political support from the kingdom.

A temporary strengthening of Al-Qaeda in Iraq and Syria shifted the terrorist activity across the border. On the regional level, Sunni-Shiiah contradictions engendered a cold war between Iran and Saudi Arabia.

At the end of King Abdullah’s rule, the country already was an important international actor in the field of oil, petro-chemicals, and finances. But its archaic socio-political system became a danger to internal stability and economic development. The situation demanded serious reforms.

Keywords: Saudi “liberalization”, Arab Spring, contradictions, repressions and “reforms”

For citation: Alexey M. Vasiliev. Saudi Arabia. The time of troubles: Both repression and “liberalization”. *Asia and Africa today*. 2022, № 10. Pp. 15-26. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022717-0

ВВЕДЕНИЕ

После 11 сентября 2001 г. задача отмежеваться от экстремизма и терроризма и внутри страны, и вне её стала необходимостью для власти, то есть семейства Саудидов, и для ваххабитской корпорации. Начался краткий период некоторого «либерализма» в политике [1, p. 227].

Наблюдалась относительная свобода прессы, организация муниципальных выборов, национальных диалогов, частичных реформ академических и учебных программ.

Религиозная полиция вызывала все большее недовольство. Её репутация, особенно её активистов - *мутава* - была очернена трагедией, которая произошла в интернате для девочек-подростков в марте 2002 г. Во время пожара *мутава* не позволили пожарным и полицейским войти в здание, чтобы спасти девочек, не позволили им убежать на улицу, потому что они были без хиджаба. Для *мутава* было предпочтительнее, чтобы они сгорели заживо или задохнулись в дыму, чем появились без хиджаба. Общественный гнев по поводу этой трагедии заставил правительство сменить администрацию женских школ, вырвал руководство ими из рук религиозных властей и передал в Министерство образования [2, р. 194].

В западных СМИ и в работах ученых в те годы считалось, что Саудовская Аравия была инкубатором террористических групп, а основой джихада был ваххабизм как в Сирии, так и в Ираке. Ведь работы Ибн Абдель Ваххаба¹ публиковались ИГИЛ² и позднее стали распространяться в школах на контролируемых им территориях. Когда же объектом нападения террористов ИГИЛ стало само королевство, оценка ваххабизма и его роли в политике стала меняться.

ШАГИ ПОВЕРХНОСТНОЙ «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ»

22 января 2003 г. Абдаллах (в то время наследный принц и фактический правитель страны) встретился с группой интеллектуалов и предпринимателей, называвших себя «людьми науки, знания и умения». Они передали ему петицию 115 писателей, журналистов, преподавателей университетов, предпринимателей, а также врачей, инженеров и юристов - «Стратегическое видение настоящего и будущего родины». Они хотели бы осуществить трансформацию страны в «государство институтов» и начать «национальный диалог на основе умеренности» [2, pp. 193-194; 3, с. 13-14]. В послании были переформулированы прежние предложения 1990-1991 гг., направленные на реорганизацию правительства.

Авторы одели свои требования в цитаты из хадисов, сославшись на то, что один из них рекомендовал верующим давать советы правителям. Они объявили своей целью создание конституционного порядка, чтобы обеспечить национальное единство, справедливость и равенство в рамках шариата. Целью любого правительства должно быть обеспечение справедливости, поэтому они предлагали изменить базовый Декрет о правлении 1992 г., установив разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную. Они предлагали создать выборные законодательные органы на национальном и провинциальном уровне, призывали гарантировать свободу слова и собраний, реформировать экономику, изменить статус женщины и не допускать дискриминации на сектантской основе [2, pp. 193-194; 3, с. 13-14].

Группа шиитских лидеров написала свою собственную петицию в апреле 2003 г. и передала её наследному принцу Абдаллаху. Среди подписантов были бизнесмены, религиозные деятели, университетские профессора, которые хотели бы покончить с десятилетиями дискриминации шиитского меньшинства в стране [2, р. 103].

Вряд ли эти требования могли встретить положительное отношение властей. Вряд ли их авторы ожидали позитивных результатов. Но это было время, когда позволяли выдвигать различные идеи и достаточно свободно их обсуждать. «Либеральные» и шиитские составители посланий, возможно, понимали, что у них не хватает организационных структур, социальной базы по отношению к королевской семье и глубоко укрепившемуся в стране ваххабитскому истеблишменту, но продолжали выступать со своими требованиями [2, pp. 201-202].

В 2003 г. королевский указ ввел в саудовский Консультативный совет (*Маджлис аш-шура*) 120 «избираемых королем людей науки, опыта и умения». В 2005 г., став королем, Абдаллах увеличил численность депутатов до 150. В феврале 2009 г. он издал несколько указов, один из них - в отношении Консультативного совета. Оставив без изменения численность депутатов, он заменил 81 члена *Маджлиса* за счет большего представительства преподавателей университетов, журналистов и специалистов в области прикладной науки и техники [3, с. 14-15].

Практически каждый год король выступал перед депутатами *Маджлиса*. Министерства были обязаны ежегодно представлять на его рассмотрение отчет о своей деятельности. Группа депутатов могла представлять проекты новых законов, которые, как и отчеты, утверждались или отвергались королем. Все эти меры означали попытку власти держать руку на пульсе общественной жизни.

В феврале-мае 2005 г. в стране прошли первые выборы половины депутатов муниципальных советов, которые получили право подготавливать проекты муниципальных бюджетов. Кандидаты в депутаты не должны были «разжигать конфессиональную, племенную или региональную рознь» [4, р. 249].

¹ Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703-1792) - основатель «ваххабизма» (прим. авт.).

² «Исламское государство в Ираке и Леванте» - ИГИЛ (арабская аббревиатура - ДАИШ) (прим. ред.).

Большое число претендентов и высокий процент участвовавших в голосовании сделал избирательную кампанию напряженной и высоко конкурентной. Её победителями в столице и в Восточной провинции стало много кандидатов - обладателей докторских степеней, полученных по техническим специальностям в университетах США и Великобритании, а также местные предприниматели. В Мекке и Медине больше было выходцев из улемов, преподавателей религиозных колледжей и университетов. На следующих выборах в конце сентября 2011 г. картина была примерно такой же [3, с. 22-23].

Еще в 1993 г. после восстановления дипломатических отношений с Тегераном шиит был введен в состав Консультативного совета. В 2005 г. правительство сделало новые уступки шиитам: разрешалось шествие и другие обряды Ашура³. Шиитам разрешили участвовать в муниципальных выборах - в результате, на 6 мест в Эль-Катифе прошли 6 шиитов, а в Эль-Хасе они завоевали 5 мест из 6. Улучшились возможности для получения образования.

Правительство решило провести в 2003 г. «общенациональный» диалог, в ходе которого обсуждали и экстремизм, и суфизм, и отношения между суннитами и шиитами, и движение «Сахва» (подробнее см.: [16]), и права женщин. В нём участвовали ваххабитские улемы, религиозные диссиденты, реформаторы, шииты.

Подобные диалоги с разными участниками состоялись еще несколько раз [4, р. 262; 2, pp. 195, 203]. В стране существовали разные течения исламской мысли, но ваххабитская корпорация считала, что существует только одна правильная точка зрения - её собственная. На таких же железобетонных позициях стояли и её оппоненты. В любом случае малейшие послабления для других течений (суфии, улемы «Сахва», экстремисты-джихадисты, не говоря о шиитах) для ваххабитов были абсолютно неприемлемы. Но дискуссии показали, что нужно было как-то отвечать на критику оппозиции, которая говорила о безработице и коррупции, о непомерной власти семьи Саудидов.

На религиозно-политический дискурс стали воздействовать коммуникационные технологии, спутниковое телевидение и Интернет (см., напр.: [5]). Они развивались, несмотря на цензуру, открывая Саудовскую Аравию другим религиозным течениям и другим взглядам на мир [6, р. 334].

Репрессии против террористов оказались эффективными, но оставался открытым вопрос - сможет ли ваххабизм сохранить свое господствующее положение в идеологии. У ваххабитской корпорации улемов были и серьезные традиции, и социальная поддержка, и материальные, и политические ресурсы. Правда, режим колебался - от полной поддержки своего традиционного союзника до опоры на более широкое представительство различных течений ислама. Эти колебания продолжались в зависимости от обстоятельств, и поэтому шло или ослабление, или усиление власти и влияния ваххабитской корпорации. Но их сложившийся за века и десятилетия союз с правительством оставался незыблемым. Великий муфтий Абдель Азиз Аль аш-Шейх заявлял: «Неподчинение - один из аспектов *джахилии*⁴... Наша задача как улемов - пропагандировать достоинство правителей... Подчиняться правителю означает избегать *фитны*» [1, р. 251].

После терактов в Нью-Йорке в 2001 г., когда в СМИ шла жесткая критика ваххабизма, правительство решило кодифицировать ханбалитское право. В декабре 2007 г. из сферы компетенции руководимой богословами Высшего совета по делам судопроизводства был выведен Кассационный суд, переданный под эгиду правящего монарха. Король потребовал, чтобы новое саудовское законодательство основывалось «на четырех правоверных школах» суннизма. В феврале 2009 г. монарх реформировал Совет высших улемов, введя в его состав представителей ханифитского и маликитского масхабов (шафиитский богослов и ранее входил в этот орган). Однако жесткое сопротивление ваххабитов-ханбалитов не позволило расширить его состав и ввести в него шиитских богословов Восточной провинции [3, с. 45].

Время «реформ» коснулось положения женщин. В феврале 2009 г. король ввел женщину, получившую пост заместителя министра образования, в государственный табель о рангах. Это позволило женщинам получать удостоверения личности, становиться служащими управлений гражданской обороны и Министерства торговли и промышленности, ректорами университетов для женщин, избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат, ассоциаций журналистов и литературных клубов, работать в женских отделениях крупных магазинов. Но одновременно увеличилась безработица среди растущего числа выпускниц университетов [3, с. 44; 4, р. 221].

Английский автор с саудовскими корнями М.аль-Рашид считает, что «большинство саудовских женщин были против того, чтобы давать женщинам права по западному образцу». Некоторые из них находили самовыражение в написании рассказов и романов, полных интимных сексуальных подробностей. Они публи-

³ Ашура у шиитов - траурные церемонии и обряды в знак памяти о мученической гибели в 680 г. сына Али, внука пророка Мухаммеда - имама Хусейна, его брата Аббаса и войска из 70 сподвижников в результате сражения с войсками халифа Язида в битве при Кербеле (*прим. ред.*).

⁴ Джахилия - доисламское язычество и варварство (*прим. ред.*)

ковались в Каире, Бейруте или в Лондоне, а потом - больше в Интернете. Рассуждения о сексе заменили интерес к политике [4, p. 270].

Выступая 23 сентября 2009 г. на торжественном открытии Университета науки и техники имени короля Абдаллаха, где впервые в истории страны было введено совместное обучение юношей и девушек, монарх говорил о том, что «наука и вера могут противостоять друг другу только в душах больных людей», а начало работы этого университета - «первая линия обороны против экстремистов», и новое учебное заведение «станет маяком терпимости». Когда против совместного обучения посмел выступить один из ведущих саудовских улемов, Абдаллах отстранил его от занимаемых им должностей [3, с. 44].

Стали пересматривать школьные учебники, которые воспитывали, особенно у подростков, ксенофобию. Учебники отрицали необходимость контактов с «неверными», т.е. с христианами и евреями. В саудовских учебниках утверждалось, что агрессия Запада приняла форму политических идеологий (национализм, социализм, светскость, культурное вторжение, западные формы отдыха и потребления и сионистский экспансионизм). Учебники подредактировали, но среди преподавателей оставались сторонники прежних взглядов - как местные улемы, так и «братья-мусульмане» [1, p. 251].

Процесс «огосударствления» религии пытался активно осуществлять еще король Фейсал (1964-1975). К концу 1960-х - началу 1970-х гг. в системе государственного управления появились Министерство юстиции, Совет высших улемов, Постоянная комиссия исследований и фетв (последние две инстанции действовали в рамках Генерального управления научных исследований и фетв), а также Высший совет по делам судопроизводства.

В то время сложность состояла в том, что великий муфтий Мухаммед ибн Ибрагим Аль аш-Шейх, политический союзник Фейсала, но влиятельный консерватор, убежденно препятствовал «огосударствлению» религиозной жизни. После его смерти в 1969 г. пост великого муфтия был временно (до 1993 г.) как бы ликвидирован. Религиозные и юридические сферы были разделены. Реформы Фейсала оставили лишь сферу религии (шариатские учебные заведения, суды, мечети) заповедным полем богословов. Однако их деятельность постепенно менялась [1, p. 149].

В 1993 г. было создано Министерство исламских дел, вакфов, призыва и наставления, в частности для контроля над «мусульманскими делами, заботы о вакфах и их развития, публикации соответствующей литературы»⁵.

Совет высших улемов оставался идеологической опорой государственной власти. Именно он выпустил фетву о поддержке размещения американских сил на территории Саудовской Аравии в канун военной операции против Ирака, объявил Саддама Хусейна «врагом ислама», а в 2003 г. назвал «Аль-Каиду» «современными хариджитами»⁶ [3, с. 41].

Параллельно с опорой на ваххабитскую корпорацию, король решил наладить связи с другими авраамическими религиями. В ноябре 2007 г. он первым саудовским монархом в истории посетил Ватикан, где встретился с папой Бенедиктом XVI. В 2008 г. он выступил за создание в Вене Центра диалога религий и цивилизаций. В июне 2013 г. король издал указ о введении пятницы и субботы вместо четверга и пятницы в качестве официальных выходных дней.

Политическая элита страны постепенно ограничивала сферу полномочий её религиозного партнера - ваххабитской корпорации. Пока это были осторожные шаги. Союз власти и улемов оставался основой саудовской политической системы. Если власти обращались к «людям науки, знаний и умения», то лишь для того, чтобы учитывать настроения «образованного класса», но не менять сути взаимоотношений элиты и общества.

Г.Г.Косач⁷ отмечал, что с начала 2000-х гг. в саудовском политическом дискурсе появился термин «либералы», распространявшийся на ту группу «образованного класса», сторонники которой стремились к «обновлению, открытости, реформам, плюрализму, поддержке общественных и личных свобод». «Либералы» выступали за сотрудничество с властью, но это сотрудничество мыслилось властями только в своих интересах. Многие «либералы» все равно считались противниками режима [3, с. 30-31].

В стране было как бы два движения - «либералы социального толка», которые призывали к осуществлению социальных и культурных реформ, но декларировали лояльность королю и приверженность ваххабитской доктрине, и «политические либералы», которые настаивали на широких политических реформах. Вторые были неприемлемы для властей, и они подверглись репрессиям, арестам наравне с исламистами. Движение «политических либералов» было разгромлено силами безопасности. Компромисса достигнуть было трудно.

⁵ См.: <http://www.moia/gov.sa/menu/pages/MinistryRule.aspxCv> (accessed 10.08.2022)

⁶ Хариджиты - радикальное исламское движение, выступавшее против халифов в VII-VIII н.э. (ими был убит халиф Али) (прим. авт.).

⁷ Косач Г.Г. (1944-2022) - российский арабист, историк, политолог, д.и.н. (прим. ред.).

Либеральные «свободы» продолжались недолго. 12 августа 2010 г. Абдаллах издал указ о том, что лишь Комитет высших улемов и члены религиозного истеблишмента, которые официально назначены великим муфтием, могут публично высказывать свое мнение в телевизионных программах, по радио, в газетах, проповедях в мечетях и т.д. Фактически вводилась жесткая цензура, нацеленная против тех, кто был неугоден ни режиму, ни ваххабитской корпорации [1, р. 256].

В 2010 г., по данным госдепартамента США, число политических заключенных в королевстве (не только исламистов, но, прежде всего, «либералов» - писателей, университетских преподавателей, гражданских активистов, блогеров, лиц свободных профессий) составляло более 3 тыс. человек⁸.

АРАБСКАЯ ВЕСНА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

В 2011 г. цунами Арабской весны прокатились по арабскому миру. Сочетание коррупции, политических репрессий, деспотических и авторитарных режимов, безработица, разрыв между богатством и нищетой, всемирное повышение цен на продовольствие создавали критическую массу для социального взрыва. Существенно новым в создании кризиса был демографический - т.н. «молодежный горб».

Ко второму десятилетию XXI в. в арабских странах 40-50% населения составляла молодежь 15-30 лет, наиболее пассионарная, нетерпеливая и решительная. Активная молодежь, как правило, была более образованной или хотя бы грамотной. Молодые люди, принадлежавшие к «среднему классу», впитывали через Интернет или телеканалы лозунги западной демократии, картинки западной жизни и стремились получить плоды демократии, не понимая её сути. А работы не хватало. Зарплаты были низкими, если вообще были. Денег на калым и женитьбу опять-таки не хватало.

Медиапространство от океана до Персидского залива с помощью Интернета и телевидения становилось единым. События в Тунисе послужили образцом для выступлений во многих других арабских странах. Молодежь была готова к протестному взрыву. Но хотя многие черты кризиса присутствовали и в обществе королевства, оно как будто не было затронуто цунами массовых протестов и сохранило стабильность.

Правда, 23 февраля 2011 г. группа «либеральных» интеллектуалов распространила «Заявление молодежи Фейсбука». Авторы указывали на негативные примеры революций в Тунисе, Ливии, Египте и считали, что с помощью реформ нужно было остановить возможное кровопролитие. Они призвали «служителя двух благородных святынь» провести назревшие реформы, чтобы создать атмосферу «борьбы с коррупцией, верховенства закона, равенства граждан и обеспечение прав женщин». Фактически, в заявлении речь шла о необходимости создания конституционной монархии, основанной на разделении властей, независимости суда, легализации политических партий, отмене цензуры в средствах массовой информации, защиты прав женщин и освобождении политических заключенных [3, с. 32].

27 февраля 2011 г. в Эр-Рияде было распространено более умеренное «Заявление 123-х», подписанное университетскими преподавателями, юристами, экономистами, правозащитниками, предпринимателями, которые утверждали, что «меры, принятые правителем для развития страны, недостаточны». Они как бы не противопоставляли себя монархии, а были «солидарны» с реформаторами внутри правящей семьи [3, с. 33-34].

На этом же настаивала и немногочисленная группа - Исламская партия уммы - практически местное ответвление движения «братьев-мусульман», которая противопоставляла себя террористам. Они обращались к дискурсу шариата и настаивали на «уважении» определяемых шариатом прав и свобод личности и, в первую очередь, права на «политическую свободу» [3, с. 28; 7, р. 243].

Но активное меньшинство отвергало миролюбивый характер сторонников предыдущих петиций. 11 марта 2011 г. т.н. Объединение свободной молодежи призвало своих «копирующих на шариат сторонников справедливости» выйти на улицы городов и начать желанную революцию, совершить «джихад на пути Господа». Объединение исключало взаимопонимание с властями. Его члены были арестованы. Массовые выступления не состоялись. Отвечая им, король заявил: «То, что мы видим вокруг нас, - это стремление посеять в народе злобу» (цит.: по [3, с. 30]).

Для подтверждения взаимозависимости между правительством и населением были выделены гигантские щедрые субсидии [8, р. 34; 9, с. 503]. Король Абдаллах, вернувшийся после лечения за границей, в двух декретах в феврале и марте 2011 г. распорядился потратить на своих подданных дополнительно 100 млрд риалов (примерно \$37 млрд), что и было сделано. Увеличили зарплаты, премии, льготы, пособия по безработице. Король также пообещал построить 500 000 домов в течение 5 лет и облегчить получение займов для покупки жилья [8, р. 13; 10, с. 57]. Новые расходы на социальные нужды были включены в 5-летний план (2009-2014). Это стало первой реакцией властей на массовые протесты в других арабских странах и на брожение в самой Саудовской Аравии.

⁸ См.: <http://Arabic.jtdah.usconsulate.gov/human-rights-report-2010.html> (accessed 08.08.2022)

Король Абдаллах ослаблял оппозицию не только щедрыми финансовыми подачками и усилением репрессий, но и удовлетворением некоторых требований «либералов». 25 сентября 2011 г. в тронной речи перед Консультативным советом он объявил, что с 2013 г. в него будут включены женщины, они также могут участвовать в выборах и баллотироваться в депутаты муниципальных советов. В *Маджлис аш-шура* было введено 90 новых членов - 60 мужчин и 30 женщин. Абсолютное их большинство составляли люди с дипломами о высшем образовании или магистерскими и докторскими степенями, в основном по светским специальностям.

Новые члены Совета - уроженцы всех регионов страны - представляли все её конфессиональные общины, включая шиитов-двунадесятников Восточной провинции и исмаилитов Недждрана. Многие из них - «разночинцы», не связанные с традиционными знатными семьями своих регионов. Ст. 3. Закона о Консультативном совете уже звучала по-новому: «Консультативный совет состоит из председателя и 150 членов, избираемых королем из людей науки, опыта и профессионализма, учитывая при этом, что представительство женщин в его составе - не менее 20% от числа членов Совета» [3, с. 15-16].

Это была небольшая уступка власти, которая как бы начинала выполнять запросы «либералов» и создавать «государство институтов». При этом подчеркивалась необходимость сохранения единства в обществе.

Режиму нужен был враг, и он был под рукой - Иран со своими лозунгами и шииты в Восточной провинции. Пропаганда в Саудовской Аравии говорила об «иранских заговорах», которые делали саудовских шиитов иранской «пятой колонной». Шиитов осуждали и ваххабитско-ханбалитские улемы, и «либеральная» саудовская оппозиция, и крайние исламисты. На их требования политических реформ режим отвечал небольшими уступками, но чаще - жесткими репрессиями. Демонстрации шиитов в ходе Арабской весны шли под лозунгами прекратить их дискриминацию. Они были подавлены с жертвами. Десятки были арестованы. Были введены новые антитеррористические законы, в тюрьмах оказались некоторые мирные активисты и адвокаты.

С началом Арабской весны в королевстве Бахрейн столкновения демонстрантов-шиитов (абсолютное большинство населения островного государства) с силами безопасности короля-суннита поставили власти на грань краха. Саудовская Аравия и ОАЭ ввели на остров свои войска, чтобы сохранить дружественный режим. Антииранская и антишиитская риторика в Саудовской Аравии усилились [9, с. 501].

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ - ИРАН. ОТ ХОЛОДНОГО МИРА К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

После войны в Персидском заливе Тегеран и Эр-Рияд в марте 1991 г. восстановили дипломатические отношения. Иран получил квоту на 115 тыс. паломников. В их числе был Али Акбар Велаяти, министр иностранных дел, который дважды встречался с королем Фахдом. Президент Ирана Али Акбар Рафсанджани в апреле 1991 г. посетил Эр-Рияд [7, pp. 133-134].

В конце мая 1993 г. хадж прошел мирно. Иранские паломники не устраивали никаких политических демонстраций. На достаточно высоком уровне в Марокко и Джидде шли саудовско-иранские контакты.

Процессу нормализации не помешал взрыв грузовика у американских военных казарм в Дахране 23 июня 1996 г. Погибли 19 американских военнослужащих, многие десятки были ранены. США возложили ответственность на «Хезболлу» и Иран, но не дали убедительных доказательств. Саудовские спецслужбы предпочли не копаться глубоко в этом инциденте, чтобы не помешать установлению контактов с соседней страной. США перевели свой военный контингент из Дахрана на базу Эмир Султан в Аль-Хардже.

Хотя кронпринц Абдаллах знал устойчивую враждебность Вашингтона к иранскому режиму, он пытался тем не менее наладить связи с Тегераном. Ряд уступок был сделан шиитам Восточной провинции. В 1997 г. были возобновлены полеты «Иран эйр» в Саудовскую Аравию.

В ноябре 1997 г. президент Ирана Мохаммед Хатами (1997-2005) пригласил короля Фахда на встречу в верхах Организации исламской конференции (ОИК). Тяжело больной Фахд направил туда кронпринца, которого в аэропорту лично встречал президент Исламской республики. Хатами произнес примирительную речь перед главами 54 государств-членов ОИК. Абдалла, со своей стороны, осудил террор и экстремизм в мусульманском мире и высоко оценил достижения «мусульман Ирана», а затем провел личные встречи с президентом [7, с. 154].

В Вашингтоне считали, что престиж, который Тегеран получил, созвав у себя конференцию ОИК, нанес удар по американской политике изоляции Ирана. Поэтому руководство США отрицательно относилось к потеплению отношений между Саудовской Аравией и Ираном. Государственный департамент в своем докладе о терроризме на первое место поставил Иран [7, с. 157].

Но поиски взаимопонимания между двумя соседями продолжались. Иранское республиканское агентство новостей (*IRNA*) стало называть короля Фахда «хранителем двух святынь» - т.е. титулом, который он принял 12 лет назад.

В феврале 1998 г. президент Хатами по приглашению саудовского монарха посетил королевство с официальным визитом. На аэродроме в Джидде его лично встречал король, сидя в кресле на колесиках, что было политическим символизмом. Хатами провел переговоры с Абдаллой и высшими принцами и совершил умру⁹.

В мае 1998 г. между Саудовской Аравией и Ираном было подписано Всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве в области экономики, культуры и спорта. В ходе своего турне по 5 странам региона в мае 1999 г. Хатами вновь посетил Саудовскую Аравию. Шли контакты и по военной линии. Конкретных результатов не было, но общая обстановка напряженности снижалась. В апреле 2001 г. Саудовская Аравия и Иран подписали соглашение о безопасности [17]. Контакты создавали атмосферу надежд и разрядки в регионе Залива.

Новым элементом антииранской политики и пропаганды США и воздействия на саудовское руководство была атомная программа Тегерана. Иран еще при шахе в 1970 г. подписал Договор о нераспространении ядерного оружия. Саудовская Аравия, ссылаясь на его наличие у Израиля, лишь под давлением Вашингтона поставила свою подпись в 1988 г. Индия публично сообщила об испытании своей атомной бомбы в 1998 г. (хотя она отрицала первые испытания 1974 г.). В ответ Пакистан по согласованию с Эр-Риядом, который обещал помощь в виде безвозмездных поставок нефти, взорвал уже готовое ядерное устройство в том же году. Позже выяснилось, что «отец» пакистанской атомной бомбы Абдул Кадыр Хан продал Ирану образцы центрифуг для обогащения урана. Их работа началась в Натанзе, что по техническим параметрам не нарушало Договора о нераспространении. Однако Тегеран не сообщил об этом немедленно Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ), хотя менее чем через полгода пригласил на объект инспекторов МАГАТЭ.

В августе 2002 г. Совет национального сопротивления Ирана (NRCI), организации, поддерживаемой США, публично заявил об обогащении урана в Натанзе, что на годы вперед стало гвоздем американской и израильской пропаганды об иранской «экзистенциальной угрозе» Израилю и Саудовской Аравии. Многие в саудовском руководстве разделяли эту точку зрения¹⁰.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НЕУДАЧИ И УСПЕХИ

Отношения с Ираном были напрямую связаны не только с ситуацией в Восточной провинции королевства со значительным шиитским меньшинством, но также с развитием событий в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене. Если в первое десятилетие после войны в Заливе 1991 г., восстановив дипотношения, Иран и Саудовская Аравия стремились к поискам возможного сотрудничества, то затем они превратились во враждебную риторику и политические акции. США и Израиль подогревали разногласия Тегерана и Эр-Рияда.

Соперничество с Ираном, то усиливаясь, то смягчаясь, стало стержнем региональной политики Эр-Рияда. Противоречия между двумя странами переместились в Ирак после оккупации этой страны американскими войсками и их союзниками в 2003 г. Правительство в Багдаде сформировали шииты разных политических направлений, в целом дружелюбно относившиеся к Ирану. Баланс сил между королевством и Исламской республикой сменился в регионе в пользу Ирана. Эр-Рияд поддерживал суннитов. Но они вели вооруженные действия и против правительства, и против шиитов, и против американцев, что было для Эр-Рияда неприемлемым. В Саудовской Аравии запретили добровольцам участвовать в рядах суннитских экстремистов в Ираке и закрыли помощь им со стороны благотворительных организаций. Но отношения с официальным Багдадом складывались трудно.

В Ираке суннитско-шиитское противостояние привело к временному усилению экстремистского крыла арабов-суннитов, которое возглавила «Аль-Каида в Ираке», названная затем «Исламским государством Ирака». Впоследствии в ходе Арабской весны она была переименована в «Исламское государство в Ираке и Леванте» (ИГИЛ). Под Левантом подразумевалась историческая Сирия, включая Ливан, Палестину и Иорданию. ИГИЛ распространил активные военные действия на Сирию и добился там значительных успехов. Накал военных действий или их спад оказывал влияние и на Эр-Рияд [9, с. 542-543].

Новый виток напряженности пришел с событиями Арабской весны. ИГИЛ расширил свое влияние в Ираке и Сирии, 9 июня 2014 г. захватил Мосул с его банковскими запасами наличных - примерно полмиллиарда долларов. 24 июня 2014 г. было объявлено о создании «халифата», а ИГИЛ был переименован в «Исламское государство». Его разногласия с руководством «Аль-Каиды» привели к разрыву их сотрудничества. «Представителем» или союзником «Аль-Каиды» в Сирии стала экстремистская организация «Аль-Нусра». Её противоречия с ИГИЛ вылились в кровавые столкновения с большими жертвами.

⁹ Умра - малое паломничество, но не в месяц, предназначенный для хаджа.

¹⁰ См.: Iran watch. <https://www.wisconsinproject.org/iran-watch/> (accessed 05.08.2022)

По данным ЦРУ, ИГИЛ в 2014 г. контролировал треть территории Ирака и больше половины территории Сирии. У него было от 20 тыс. до 31,5 тыс. боевиков¹¹, и он стал угрожать интересам США. Для Вашингтона свержение Башара Асада уже не казалось главным приоритетом [7, р. 273].

«Столицей» своего квазигосударства ИГИЛ сделал сирийский город Ракку, но заявлял о том, что будущей столицей будущего халифата станет Мекка. Эти декларации, нацеленные на Саудовскую Аравию, не изменили враждебного отношения Эр-Рияда к режиму Б.Асада. Дополнительное беспокойство саудовского руководства было вызвано усилением влияния Ирана в Сирии. В ходе Арабской весны Тегеран стал оказывать разностороннюю помощь баасистскому (в значительной степени алавитскому) режиму и даже отправил туда вооруженные подразделения и отряды шиитского ополчения.

Существенную роль в укреплении режима Асада играла ливанская «Хезболла». Со своей стороны, Саудовская Аравия начала поддерживать деньгами и военным снаряжением часть сирийских вооруженных оппозиционеров, а президент Сирии Башар Асад стал как бы «личным врагом» правящей династии Саудитов. Глава саудовской разведки (2012-2014) Бандар ибн Султан организовал перевозку оружия, купленного в Хорватии, для опекаемой им группировки «Армия ислама» (*Джейш аль-ислам*). Получатели саудовской помощи постоянно менялись, отражая противоречия в рядах оппозиции.

Вооруженные силы ИГИЛ («халифата») уже стояли в 2014 г. на пороге Багдада. Иракское правительство успело купить российское современное оборонительное оружие, джихадисты были отброшены от столицы.

Премьер-министр Ирака Нури аль-Малики (2006-2014) заявил в своем интервью 8 марта 2014 г., что он обвиняет Саудовскую Аравию и Катар в поддержке террористических движений «и политически, и информационно, и деньгами, и покупают для них оружие». Он утверждал, что Саудовская Аравия и Катар якобы поддерживают группы, связанные с «Аль-Каидой», по обе стороны сирийско-иракской границы [7, р. 270].

Президент США Обама послал несколько сотен военных, чтобы поддержать Багдад, и дал приказ нанять авиаудары по ИГИЛ. Была создана международная антитеррористическая коалиция из 15 участников, в т.ч. 8 членов НАТО, включая Турцию, а также Египет и 6 монархий Персидского залива. Эр-Рияд предоставил самолеты под командование Пентагона [7, р. 273].

Сама Саудовская Аравия столкнулась, однако, с новой волной терроризма, организованной ИГИЛ. Его члены совершили в 2015-2016 гг. полтора десятка терактов в Саудовской Аравии, фанатично убивая даже родственников, оправдывая идеологическими соображениями убийства отцов их сыновьями. Немыслимая и неприемлемая жестокость резко уменьшила популярность ИГИЛ в саудовском обществе. Его терроризм, скорее, укрепил, чем ослабил режим [8, р. 15].

На международном (региональном) уровне противоречия между ваххабитами и «братьями-мусульманами» после Арабской весны вспыхнули с новой силой и приобрели высокополитизированный характер. Все больший вес в регионе приобретала Турция, где у власти находилась Партия справедливости и развития (ПСР), идеологически близкая «братьям». В небольшом, но феноменально богатом Катаре «братья-мусульмане» были не только в системе образования, но и в органах администрации и пропаганды. Разногласия Катара и Саудовской Аравии касались и проблемы границ, и личных противоречий между династиями, и пропаганды канала «Аль-Джазира», где идеи «братьев-мусульман», в т.ч. направленные против семьи Саудитов и ваххабитов, находили зрителей и слушателей в королевстве [11, с. 58-60].

Триумфом влияния «братьев» и, соответственно, Катара и Турции в регионе стала победа в Египте «братьев-мусульман» в лице Партии свободы и справедливости на президентских выборах в июне 2012 г. Во главе страны стал Мухаммед Мурси. Новое руководство Египта не смогло наладить отношения с Эр-Риядом, зато восстановило и укрепило связи с Тегераном. Противоречия между Саудовской Аравией и аль-Янсом Турция - Катар - «братья-мусульмане» распространились на Ливию, Тунис, Марокко, Йемен, Сирию (см., напр.: [12]).

Но в Египте, где «братья-мусульмане» не справились с наведением порядка в стране, особенно в экономике и социальной сфере, вызвали недовольство светской части городского населения и бизнеса, обострили свои отношения с командованием вооруженных сил, маятник вновь качнулся в пользу светских сил и Саудовской Аравии. Начались широкие антиправительственные волнения. Воспользовавшись ими и саудовской поддержкой, военные 3 июля 2013 г. совершили государственный переворот и загнали в подполье «братьев-мусульман». Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ выделили \$12 млрд для поддержки египетской экономики. В марте 2014 г. «братья-мусульмане» были объявлены в королевстве незаконной террористической организацией [6, р. 332; 12].

Волнения и хаос в Йемене долгие годы были головной болью Эр-Рияда. Организация хуситов установила связи с Ираном. В своем большинстве они были умеренными йеменскими шиитами - зейдитами, которые признавали только четырех имамов, из них Зейд был последним. Шииты Ирана были двенадцатника-

¹¹ ЦРУ: численность ИГИЛ - 31,5 тыс. человек. Портал ISRAland - израильские новости. 12.09.2014.

ми. Но политические события подталкивали их к сотрудничеству. Президент Йемена (тоже зейдит) Али Абдалла Салех, который правил 32 года, подал в отставку в 2012 г., передав власть своему заместителю Мансуру Хади. Новый президент был арестован хуситами, потом отпущен, бежал и прибыл в Эр-Рияд. Сначала бывший президент Салех вступил в союз со своими прежними политическими противниками - хуситами («*Ансар аллах*»), но затем отказался от этого сотрудничества и был убит в 2017 г.

Вопрос, как относиться к событиям в Йемене, где Саудовская Аравия пыталась играть определяющую роль, стоял на повестке дня правительства вплоть до смерти короля Абдаллаха (январь 2015 г.) и позднее.

Саудовская Аравия подошла к концу правления Абдаллаха с тяжелым грузом нерешенных региональных проблем, особенно в отношениях с Ираном. Правда, традиционно дружеские отношения с Пакистаном сохранялись, хотя каждая из сторон имела свои интересы, которые не всегда и не во всем совпадали.

Переворот в Египте и появление там союзного Эр-Рияду режима были крупным, но единственным внешнеполитическим успехом Саудовской Аравии в последние годы правления короля Абдаллаха.

ОТНОШЕНИЯ С США, РОССИЕЙ И КИТАЕМ

За пределами региона стратегический союз с США оставался особо важным для Эр-Рияда во всех областях, несмотря на существующие разногласия, и воздействовал на внутривластный расклад в королевстве. Известно, что при президенте Бараке Обаме отношения королевства с США переживали определенную напряженность.

Саудовцы и их сторонники в арабском мире были сосредоточены на свержении баасистского режима в Сирии и в особенности - президента Башара Асада и использовали политические, финансовые и военные средства для поддержки вооруженной оппозиции. Они рассчитывали на военное вмешательство США и других стран Запада в Сирии по примеру событий в Ливии.

Президент США Обама объявил, что «красной линией» для него будет применение химического оружия правительственными войсками против сирийских повстанцев. После сфабрикованной в 2013 г. «атаки правительственных войск с помощью химического оружия на население» союзники США на Ближнем Востоке ждали военных ударов Вашингтона по сирийскому режиму. Президент Обама опасался быть вовлеченным в чужую для него войну в Сирии. Поэтому вмешательство президента РФ В.В.Путина, предложившего компромисс - контролируемое уничтожение всего химического оружия в Сирии, - позволило предупредить военные действия США. Это вызвало негативную реакцию Саудовской Аравии и временно охладило налаживающиеся отношения между королевством и Россией. Постоянные призывы Вашингтона к распространению «демократии» в регионе раздражали Эр-Рияд, но стратегический союз с США оставался незыблемым.

Кризис, связанный с иракской оккупацией Кувейта, и советская позиция в ходе его разрешения расчленили путь к полному восстановлению дипломатических отношений с СССР [13, с. 18-25]. В то время королевство и правительство Кувейта выделили СССР займы в размере \$3 млрд.

В коммюнике от 17 сентября 1990 г. обе страны заявили, что стремятся развивать «дружеские отношения на благо народов обоих государств», содействовать «урегулированию региональных конфликтов, развитию международного сотрудничества и укреплению мира и международной безопасности». Однако, как оказалось, две страны как бы «присматривались» друг к другу. Визит главы правительства РФ В.С.Черномырдина в Эр-Рияд в ходе поездки 6 ноября 1994 г. в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ и Оман не дал заметных результатов. Экономическая ситуация в России после распада Советского Союза была очень сложной. Добавились острые разногласия по поводу событий в Чечне [14, с. 705]. На официальном уровне Саудовская Аравия считала события в Чечне внутренним делом РФ, но настрей саудовских СМИ, действия т.н. «благотворительных» обществ и активность бывших афганских ветеранов работали против продвижения двух стран к сотрудничеству.

Сдвиги обозначились в первом десятилетии XXI в. В сентябре 2003 г. Москву посетил кронпринц Абдаллах. Был подписан ряд совместных документов, в т.ч. о сотрудничестве в области нефти и газа, культуры и спорта, меморандум о сотрудничестве между Российской академией наук и Центром научно-технических исследований Саудовской Аравии. Россия поддержала выдвинутый Эр-Риядом план израильско-палестинского урегулирования, принятый саммитом Лиги арабских государств в Бейруте в 2002 г.

В Саудовскую Аравию были допущены российские нефтегазовые и строительные компании. Первыми были Лукойл и ОАО «Стройтрансгаз».

При поддержке королевства Россия в 2005 г. вошла в число государств, имеющих статус наблюдателя при Организации исламского сотрудничества, объединявшей 57 стран (до 2011 г. - Организация Исламская конференция).

Важным шагом стал визит президента России В.В.Путина в Эр-Рияд 11-12 февраля 2007 г. - первый в истории визит главы российского государства на Аравийский полуостров. Это произошло на следующий день после знаменитой речи президента России в Мюнхене.

Общие декларации говорили о совпадении или близости интересов двух стран по ряду международных проблем. Стал расти товарооборот между двумя странами, в 2008 г. он впервые преодолел \$1 млрд. Хотя эта цифра была незначительной и для России, и для Саудовской Аравии, но означала какую-то положительную тенденцию.

Отношения между двумя странами достаточно резко похолодели в связи с событиями в Сирии, но активные контакты сохранялись.

Когда в июле 1990 г. были установлены дипломатические отношения между Китаем и Саудовской Аравией, торговый оборот между двумя странами оценивался в \$290 млн [15, с. 205]. Базой взаимоотношений стали импорт саудовской нефти и взаимная торговля, в т.ч. сравнительно небольшие поставки китайских вооружений.

В ноябре 1999 г. в Эр-Рияде прошли переговоры между председателем КНР Цзян Цзэмином и королем Фахдом, а фактически - с наследным принцем Абдаллахом. Китайский лидер принял участие в заключительном заседании Китайско-саудовской комиссии по сотрудничеству [15, с. 202].

В 2006 г. состоялся государственный визит Абдаллаха в Китай. Спустя три месяца две страны подписали ряд соглашений в области здравоохранения, нефтедобычи, безопасности и контракт по «оборонительным системам» [15, с. 203]. Взаимная торговля с Китаем быстро росла, и Китай стал главным импортером саудовской нефти. Одновременно договорились о взаимных крупных инвестициях. Многомиллиардные саудовские капиталы шли в нефтеперерабатывающие и нефтехимические заводы Китая, а китайские - в инфраструктуру королевства [там же].

Китайцы получили контракты на строительство скоростных железных дорог, вошедших в 5-летний план Саудовской Аравии 2009-2014 гг., в т.ч. на строительство железной дороги между Меккой и Мединой стоимостью \$1,8 млрд. Было сообщение, что китайские строители этой железной дороги приняли ислам [там же, с. 204].

В 2009 г. экспорт нефти из Саудовской Аравии в Китай достиг 100 млн баррелей в сутки, что составило 20% от его общего объема. Эта цифра практически удвоилась по сравнению с предыдущим годом. В 2008 г. объем взаимной торговли достиг \$41,2 млрд. Было намечено её увеличение до \$60 млрд в 2015 г. [там же, с. 205-206].

В конце марта 2011 г. Абдаллах послал Бандера ибн Султана, генерального секретаря Комитета национальной безопасности, в Пекин, чтобы встретиться с председателем КНР Ху Цзинтао и получить поддержку Китая саудовской позиции в ходе Арабской весны. Якобы была предложена готовность закупить военную продукцию [там же, с. 205].

НАСЛЕДСТВО КОРОЛЯ АБДАЛЛАХА

Король Абдаллах подходил к концу своего 20-летнего правления (10 лет фактически во главе государства при больном монархе и 10 лет король) в условиях, когда страна, с одной стороны, продолжала чрезвычайно быстро меняться и развиваться, с другой - сохраняла архаическую социально-политическую структуру.

За несколько десятилетий резко изменилась численность и структура населения страны. Еще в 50-х гг. XX в. ко времени смерти короля-основателя Ибн Сауда (1953 г.) из примерно 3-миллионного населения королевства три четверти были кочевники или полукочевники. Образ жизни, хозяйство, психология оставались на средневековом уровне.

Страна пережила самый быстрый демографический рост на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке - в среднем, более 1,62% в год, достигнув к середине второго десятилетия XXI в. более 30 млн человек. К 2015 г. в городах жило уже примерно 85% населения (в 10 крупных городах - 80%), численность кочевников упала ниже 5%.

Более трети населения составляли иммигранты, легальные и нелегальные. Из них - около 100 тыс. из США и других стран Запада, занимавших важные посты, которые требовали профессиональных знаний в области менеджмента, финансов, инженерных специальностей, врачей т.п. Миллионы арабов-иммигрантов (рабочие и домашняя прислуга) были из Египта, Йемена, Сирии, Ливана, Иордании, Палестины, Судана. Из Азии - иммигранты из Пакистана, Индии, Бангладеш, Филиппин, Индонезии.

Уровень грамотности в королевстве в 50-х гг. прошлого века был самым низким в арабском мире - ниже, чем в соседнем Йемене. В начале XXI в. образование стало практически всеобщим. В стране действовали 25 университетов и 52 региональных технических колледжа. При короле Абдаллахе ежегодно за границу направлялись на учебу несколько десятков тысяч студентов и студенток - в основном, в США, Великобританию, Австралию, Канаду. Они получали не только новые знания, но видели другой мир и жили в нём.

Пятилетка 2009-2014 гг. предусматривала вложения в развитие 1440 млрд риалов (\$385 млрд). Более половины этой суммы предназначались для создания новых рабочих мест в новых отраслях экономики.

Одновременно было намечено обучить 5,3 млн человек в школах всех ступеней и 1,7 млн студентов вузов, построить 25 новых технологических колледжей и 50 профессионально-технических училищ.

Цифры производили впечатление. Правда, речь пока не шла о качестве обучения, которое, в целом, далеко отставало от международных стандартов - слишком много внимания уделялось религиозным предметам, слишком мало - техническим. Выпускники в своем большинстве и по уровню подготовки, и по психологическому настрою не были готовы к работе в промышленности, торговле, сервисе. Главная цель была получить непыльную и высокооплачиваемую работу в госсекторе, где было сосредоточено две трети саудовской рабочей силы. Поэтому уровень безработицы среди молодежи был очень высок.

Саудовское правительство из года в год говорило о необходимости саудизации, пыталось повысить занятость, заставляя компании заполнять не менее 30% должностей саудовскими гражданами. Однако это сказывалось на производительности труда и на доходах, потому что коренные саудовцы были непривычны и психологически не готовы к современному производству, не имели должной подготовки.

Без иностранной рабочей силы ни промышленность, ни торговля не могли обойтись.

Саудовская Аравия стала 20-й экономикой мира, крупнейшей среди арабских стран. Её основа - вторые после Венесуэлы по величине запасы нефти в мире, которые росли благодаря некоторым новым открытиям, и значительные газовые месторождения. Королевство оставалось долгие годы крупнейшим экспортером углеводородов. На долю нефтяного сектора приходилось примерно 87% бюджета, 90% экспортных поступлений и 42% ВВП. Любая оценка экономики будет связана с Сауди АРАМКО. Она неизменно входит в 5 крупнейших корпораций мира по доходам и чистой прибыли, владеет или участвует в предприятиях по переработке и распределению нефти и нефтепродуктов в десятках стран мира. Её филиалы или её участие - основа современных производств в самой Саудовской Аравии.

Современные отрасли промышленности были связаны с добычей нефти и газа и обеспечивались как необходимым сырьем, так и государственными вложениями.

Еще в 1976 г. была создана компания САБИК (Сауди Аравия бейсик индастриз корпорейшн) для производства химикатов, полимеров и удобрений. Она успешно развивалась и в 2008 г. стала 4-й в мире нефтехимической компанией. Компания действовала в десятках стран мира, создавая как собственные нефтехимические заводы, так и предприятия со смешанным капиталом. Действовали крупные нефтеперерабатывающие заводы в Рас Таннуре, Джидде, Янбо, Эр-Рияде общей мощностью примерно 100 млн т в год. Четыре принадлежали Сауди АРАМКО, три - с участием иностранного капитала.

Эль-Джубейль на побережье Персидского залива и в меньшей степени Янбо на Красном море стали центрами мирового значения в области нефтехимии, производства пластиков, удобрений, а также смогли наладить для внутреннего потребления производство стали, цемента, других строительных материалов.

Саудовское государство участвовало в основных отраслях экономики. С конца 1990-х гг. шел курс на расширение активности национального капитала, на приватизацию, стимулирование притока иностранных инвестиций. В экономике преобладали компании и корпорации с высокой долей государственного капитала, частный капитал в них присутствовал на паях с государственным.

Реальные крупные успехи произошли в сельском хозяйстве, где к началу XXI в. состоялась настоящая революция. Страна достигла самообеспечения в производстве пшеницы, фиников, молочных продуктов, рыбы, фруктов, овощей и цветов и даже начала кое-какой экспорт. Эти успехи особенно разительны, если учесть, что лишь 2% территории, в основном на юго-западе - в провинции Асир, имеет значительные пахотные земли, площадь которых за эти годы также выросла. За счет государства реализовались крупные ирригационные проекты по всей стране - бурение скважин, строительство плотин, чтобы удерживать селевую воду, т.к. рек и озер в Саудовской Аравии не было. Осуществлялась широкая механизация и модернизация сельского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда в 2005 г. Абдаллах стал королем, ему уже было 80 лет. Он наследовал систему «коллективного руководства» или «вертикального феодализма». В её рамках власть монарха - якобы абсолютная - была ограничена личными интересами, солидарностью, сетью связей и политическим влиянием других старших принцев вместе с их семьями, особенно представителями «семерки Судайри» (подробнее см.: [16]), хотя некоторые из них не участвовали в политике. Он понимал, насколько усложнилось саудовское общество и как были необходимы реформы.

Но настоящие реформы откладывались. Стабильность поддерживали резко возросшие цены на нефть - в 2013 г. баррель поднимался примерно до \$125. Правда, уже прозвучали сигналы тревоги, началось резкое падение цен на нефть в 2014 г. и, соответственно, доходов государства и возможностей субсидировать ряд отраслей экономики. Но такое бывало и раньше. Буря Арабской весны в основном миновала страну.

Шаги к усовершенствованию политического режима были сделаны. Кое-какое ослабление закостеневших позиций ваххабитской корпорации обозначилось. Зачем нужны резкие движения, если главные принцы и их окружение были довольны и не выступали против короля, с террористами и движением шиитов справлялись органы безопасности? Сказывались возрастные ограничения у человека, приближавшегося к своему девяностолетию.

Абдаллах не мог повлиять на выбор наследника, что он сам и подтвердил указом о создании «Комитета преданности» в 2006 г. Уже очень старые принцы Султан и Наиф скончались один за другим. Следующим на очереди был их родной брат Сальман, который стал королем 23 января 2015 г. после смерти Абдаллаха. Смена монарха произошла без каких-либо осложнений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Mouline N. 2014. *The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia*. Yale University Press. New Haven & London.
2. Commins D. 2006. *Wahhabi Mission and Saudi Arabia*. I.B. Taurus, NY.
3. Косач Г.Г. Саудовская Аравия. Политические процессы в 1990-х - 2000-х гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2013. Kosach G.G. 2013. *Saudi Arabia. Political processes in the 1990s - 2000s*. Moscow. (In Russ.)
4. Al-Rasheed M. 2010. *A History of Saudi Arabia*. Cambridge University Press, UK.
5. Fadaak T.H., Roberts K. 2019. *Youth in Saudi Arabia*. Palgrave Macmillan, UK.
6. Haykel B., Hegghammer T., Lacroix S. (eds.) 2015. *Saudi Arabia in Transition: Insights of Social, Political, Economic and Religious Change*. Cambridge University Press, NY, USA.
7. Hiro Dilip. *Cold War in the Islamic World: Saudi Arabia, Iran and the Struggle for Supremacy*. Oxford University Press, 2018.
8. Al-Rasheed M. (ed.) 2018. *Salman's Legacy: The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia*. Oxford University Press, NY.
9. Vasiliev A.M. 2018. *Russian Middle East Policy. From Lenin to Putin*. London, Routledge. DOI: 10.4324/9781315121826
10. Васильев А., Петров Н. Рецепты Арабской весны: русская версия. М., Алгоритм. 2012. 304 с. ISBN: 978-5-4438-0148-3 Vasiliev A., Petrov N. 2012. *The Recipes of the Arab Spring*. Moscow. (In Russ.). ISBN: 978-5-4438-0148-3
11. Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019. Khayrullin T.R. 2019. *The Struggle for Leadership in the Arab Region. Do Islamists Have a Chance?* Moscow: (In Russ.)
12. Схватка за Ближний Восток: Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / Отв. ред. А.М.Васильев, А.В.Коротаев, Л.М.Исаев. М.: Ленанд, 2019. Vasiliev A.M., Korotayev A.V., Issaev L.M. (eds.) 2019. *Clash for the Middle East: Regional Actors in the Context of the Reconfiguration of the Middle East Conflict*. Moscow. (In Russ.)
13. Озеров О.Б. Саудовско-российские отношения: тернистый путь к новым высотам. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 11, с. 18-25. DOI: 10.31857/S032150750001783-3 Ozerov O.B. 2018. *Saudi-Russian relations: The thorny path to new heights*. *Asia and Africa today*. № 11, pp. 18-25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750001783-3
14. Бакланов А. Россия и Саудовская Аравия, два нефтяных гиганта. *Дипломат*. 2003. № 7, с. 705. Baklanov A.G. 2003. *Russia and Saudi Arabia: Two oil giants*. *Diplomat*. № 7, p. 705. (In Russ.)
15. Пахомова М.А. Китай и Саудовская Аравия: история взаимодействия и перспективы сотрудничества (1980-2010). *Общество и государство в Китае*. ИВ РАН, 2012. Том 42, № 2, С. 201-208. Pakhomova M.A. 2012. *China and Saudi Arabia: History of cooperation and its Prospects (1980-2010)*. *Society and State in China*. Vol. 42. № 2. Pp. 201-208. Moscow. (In Russ.)
16. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 9, с. 53-69. DOI: 10.31857/S032150750021786-6 Vasiliev A.M. 2022. *Saudi Arabia. New challenges to the kingdom*. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 53-69. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021786-6
17. См.: *The Middle East and North Africa*. Europa Publications. 2004. P. 385. ISBN-13: 978-1857431841; ISBN-10: 1857431847

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, Department of African and Arab Studies, RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 18.09.2022

Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»?

© Муратшина К.Г.^{a,c}, Бородина Е.А.^{b,d}, 2022

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

^b Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

^c ORCID ID: 0000-0001-7952-6299; ksenia.kgm@gmail.com

^d ORCID ID: 0000-0001-9402-4668; Evgenia.Borodina@urfu.me

Резюме. В статье анализируется, как Китайская Народная Республика и Республика Индия развивают на современном этапе такую область двусторонних взаимоотношений, как взаимодействие в сфере культуры. Последовательно изучены контакты стран по данному направлению в 2017-2021 гг. Прослежены основные формы сотрудничества, к которым относятся недели культуры, год культурных обменов, организация выставок, фестивалей, кинопоказов, концертов, гастролей музыкантов и др.

Рассмотрены встречи деятелей культуры, визиты делегаций молодежи, форумы по вопросам культурных обменов, диалог по сотрудничеству между отраслевыми министерствами, а также познавательные мероприятия небольшого масштаба, организуемые дипломатическими учреждениями сторон - посольствами и консульствами - на регулярной основе.

Сформулированы особенности двусторонних контактов. Обе стороны посредством культурных связей не только стараются обеспечить мирное взаимодействие и улучшить взаимопонимание между народами, но и решают достаточно прагматичные задачи. В частности, наблюдается стремление перенести на культурную почву свое и так развивающееся во многих областях соперничество, конкуренция за умы и сердца людей, стремление занять более выгодную позицию в отношениях и улучшить свой имидж.

Авторы отмечают, что Индия и Китай развивают межгосударственные культурные обмены достаточно интенсивно, несмотря на наличие конфликтных точек во взаимоотношениях. Причина, как представляется, в том, что в их связях присутствует симметрия, паритет.

Ключевые слова: Китай, Индия, культурные связи, соперничество, гуманитарные обмены

Для цитирования: Муратшина К.Г. (Москва), Бородина Е.А. (Екатеринбург). Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 27-33. DOI: 10.31857/S032150750019961-9

China - India cultural interaction: The competition of “soft powers”?

© Ksenia G. Muratshina^{a,c}, Evgenia A. Borodina^{b,d}, 2022

^a Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

^c ORCID ID: 0000-0001-7952-6299; ksenia.kgm@gmail.com

^d ORCID ID: 0000-0001-9402-4668; Evgenia.Borodina@urfu.me

Abstract. The paper analyses how the People's Republic of China and the Republic of India develop such area of bilateral relations as cultural exchanges at the current stage. The authors trace the two countries' interaction during five consecutive years: 2017, 2018, 2019, 2020 and 2021 (that means, there are displayed both the relations before the COVID-19 pandemic and the interaction in current conditions. At the same time, it is the opportunity to take a glance at the cultural exchanges between the states during different stages of their relationship: both in the times of its deterioration and normalization). The types of exchanges, which have been studied, include the weeks of culture, the year of cultural exchanges, the organisation of exhibitions, festivals, movie demonstrations, concerts, musical tours, master classes of yoga, meetings of artists, visits of youth delegations, cultural forums, dialog between the ministries of culture, and regular small-scale events at embassies and consulates.

As a result of the study, the specific features of bilateral cultural exchanges are outlined. The authors conclude that by means of this area of relations both China and India pursue a broader set of goals, than just to secure the conditions of peaceful coexistence and to improve mutual understanding between the nations. The case is that for both countries, competing for leadership in Asia, cultural interaction is another ground for rivalry, this time in struggling for minds and hearts of people, and a tool for improving their images in order to achieve a better position in the relationship in future.

Keywords: China, India, cultural interaction, rivalry, people-to-people exchanges

For citation: Ksenia G. Muratshina (Moscow), Evgenia A. Borodina (Yekaterinburg). China - India cultural interaction: The competition of “soft powers”? *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 27-33. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750019961-9

ВВЕДЕНИЕ

Современные Индия и Китай - государства с самым большим населением в мире, экономические лидеры Азии, тяжеловесы мировой политики, партнеры и соперники. Отсюда повышенный интерес к развитию их сложных, многоаспектных отношений в военной сфере, в экономическом взаимодействии, в торговле, в международных организациях.

В данной работе авторы хотели бы обратиться к другой, получающей гораздо меньше информационно-го освещения области отношений двух стран, - контактам в сфере культуры. Проследить их развитие представляет значительный интерес еще и потому, что обе страны обладают древними культурными традициями, а их современные взаимоотношения являют собой комплекс противоречий и сотрудничества одновременно, что, с одной стороны, может способствовать активным контактам, а с другой - значительно осложнять их. Для анализа был выбран период последних пяти лет.

Рассмотрены контакты как до пандемии *COVID-19*, так и в нынешних условиях. Кроме того, на этот промежуток пришлось различные ситуации в отношениях, и есть возможность проследить развитие связей в разных условиях.

ДИНАМИКА КОНТАКТОВ

В культурных связях сторон можно выделить две большие группы контактов. Первый вид - это постоянные обмены, которые повторяются из года в год и организуются дипломатическими учреждениями государств - посольствами и консульствами. К таковым относятся еженедельные и ежемесячные мероприятия небольшого масштаба, проводимые, как правило, на территории дипломатических учреждений, с ограниченным числом участников (вечера памяти выдающихся деятелей, мастер-классы, кинопоказы, языковые курсы и конкурсы) и праздники: День независимости Индии, День хинди, День йоги¹, китайский Новый год, День образования КНР² и т.д.

Эти мероприятия проводились сторонами на протяжении всего рассмотренного периода и не прекращались даже в пандемию, проходя либо в онлайн-формате, либо в гибридном, либо очно с соблюдением всех мер предосторожности. Праздники в большей степени ориентированы на диаспоры, на живущих в Китае индийцев и на китайцев в Индии.

Второй вид контактов - более широкие и более открытые мероприятия, вовлекающие больше граждан двух стран и организуемые не только дипломатическими учреждениями, но и местными органами власти, диаспорами и обществами дружбы, причем не только в столицах, но и в регионах.

Так, например, в 2017 г. в марте группа художников из Китая побывала в Нью-Дели, Варанаси и Джайпуре и провела семинары с индийскими коллегами³, а в китайском городе Чжэньцзян прошла неделя индийской культуры с концертами, фотовыставкой, посвященной буддийским храмам и монастырям Индии, кинофестивалем, выставкой живописи «Индия глазами китайцев» и фестивалем индийской кухни⁴. В мае в Пекине и Нанкине был проведен фестиваль «Цвета Индии» с выставками, кинопоказами и концертами, а в городе Суцзянь прошла неделя индийской культуры.

В крупных городах Индии на протяжении нескольких недель проходили гастроли китайских музыкантов в рамках второго фестиваля «Шелковый путь» (первый был проведен в 2016 г.)⁵. В июне состоялось совместное занятие 200 любителей йоги из двух стран на Великой китайской стене⁶, кураторы музейных учреждений из Индии участвовали в «Музейном саммите» в Гонконге⁷, а делегация ин-

¹ См., напр.: Press Release - Commemoration of Third IDY in China. https://www.coibeijing.gov.in/coibeijing_listview/NDM2 (accessed 28.04.2022)

² См., напр.: 驻印度使馆举办国庆70周年招待会 (Chinese Embassy in India celebrated the anniversary of the PRC establishment) (In Chin.). <https://www.mfa.gov.cn/ce/cein/chn/gdxw/t1702801.htm> (accessed 01.05.2022)

³ Leading Artists from Eastern China Region visit India at ICCR Invitation (5-11 March 2017). <https://www.cgishanghai.gov.in/Event?id=396> (accessed 30.04.2022)

⁴ India Culture Week commences in Zhenjiang with Bollywood Dance Group performing to packed audience at Zhenjiang Theatre - Indian Arts Exhibition, Indian Film Festival and Indian Food Festival receive overwhelming response. <https://www.cgishanghai.gov.in/Event?id=406> (accessed 30.04.2022)

⁵ 第三届“丝绸之路”中印音乐节在孟买举行. http://www.cflac.org.cn/ys/ysyy/yyxh/201808/t20180815_417046.html (accessed 03.05.2022)

⁶ Press Release: YOGA@GREAT WALL. https://www.coibeijing.gov.in/coibeijing_listview/NDMw (accessed 28.04.2022)

⁷ Развитие музеев в эпоху новых технологий - тема «музейного саммита» в Гонконге. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 26.06.2017.

дийской молодежи, сформированная Министерством по делам молодежи и спорта, по приглашению Всекитайской федерации молодежи посетила Шанхай. Для них была организована культурная программа и серия экскурсий. В ноябре посольство КНР провело китайско-индийский молодежный вечер дружбы, в котором приняли участие более 400 человек, было представлено музыкальное и хореографическое искусство обеих стран⁸.

Более насыщенным событиями получился 2018 г. В марте в Пекине состоялись гастролы индийских музыкантов, в Мумбаи открылась фотовыставка китайского буддийского культурного наследия, а в Джайпуре прошел фестиваль китайского кино. Кроме того, в крупных индийских городах были проведены гастролы музыкантов из КНР в рамках третьего фестиваля «Шелковый путь»⁹. В марте и мае в Шанхае проходили выставки работ, написанных китайскими художниками в Индии. В июне в Калькутте состоялся совместный концерт китайских и индийских исполнителей [1]. В июле в Нанкине прошла встреча деятелей культуры и бизнеса двух стран, было принято решение учредить на постоянной основе двусторонний культурный форум, и проведен гала-концерт¹⁰. В сентябре в Шанхае состоялся фестиваль «Впечатления об Индии», на котором были представлены индийские музыка, танцы, декоративно-прикладное искусство и традиционный костюм.

В ноябре в Нью-Дели был проведен «Китайско-индийский молодежный диалог»: обсуждались двусторонние отношения, сотрудничество в сферах культуры, образования, науки, была представлена культурная программа. В декабре в Нью-Дели состоялся диалог по сотрудничеству между министерствами культуры Индии и Китая, сопровождавшийся выставкой работ молодых фотографов двух стран, и совместный вечер культуры. Стороны объявили о запуске постоянного механизма гуманитарных обменов¹¹. Также был организован семинар по вопросам преподавания языков и перспективам культурных контактов.

Значительную культурную активность государства показали в 2019 г. В январе в Пекине прошел фестиваль «Красочная Индия» с обширной концертной программой, выставками и мастер-классами по йоге¹². В апреле - мае похожий фестиваль был организован в Ухане¹³. В июле стороны реализовали благотворительный молодежный проект, в котором 10 китайских и 10 индийских студентов искусствоведческих специальностей должны были с помощью занятий каллиграфией, пинг-понгом развлекать китайских деятелей культуры, живущих в доме престарелых в Шанхае. В сентябре в Тайчжоу была проведена неделя индийского кино и культуры¹⁴. В ноябре в библиотеке Пекинского университета прошла выставка, посвященная культурным обменам между Китаем и Индией и 70-летию установления дипломатических отношений между странами.

В декабре в Нью-Дели состоялась тоже приуроченная к 70-летию отношений выставка, для которой каллиграфы и художники из Индии и Китая создали 70 произведений в различных стилях. Тогда же в Калькутте в том же месяце прошел китайско-индийский женский форум¹⁵.

2020 год стороны планировали сделать Годом культурных обменов [2]. Из-за пандемии последними крупными очными событиями на тот момент стали организованные в начале года в Нью-Дели «Китайско-индийский молодежный диалог», книжная выставка «Читая Китай» и фотовыставка, посвященная двусторонним культурным контактам, а также два мероприятия в Пекине: молодежный фестиваль китайской и индийской культур¹⁶ и семинар художников двух стран.

Далее активность перешла в онлайн и, в основном, свелась к мероприятиям познавательного характера от дипучреждений, а более широкие контакты возобновлялись постепенно, в соответствии с карантинны-

⁸ 驻印度使馆举办中印青年联欢晚会. <http://world.people.com.cn/n1/2017/1118/c1002-29654220.html> (accessed 28.04.2022)

⁹ 第三届“丝绸之路”中印音乐节在孟买举行. http://www.cflac.org.cn/ys/ysyy/yyxh/201808/t20180815_417046.html (accessed 03.05.2022)

¹⁰ “中印文化论坛”落户南京星空城堡. https://www.sohu.com/a/238834178_374979 (accessed 28.04.2022)

¹¹ 中印高级别人文交流机制开幕式暨中印文化之夜举办. https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201812/t20181227_836686.htm (accessed 01.05.2022)

¹² 乘人文交流新东风，促中印文化大发展—“缤纷印度”中印文化交流活动简报. https://www.bds-cn.com/rsgs/2019/hdjb_0115/751.html (accessed 27.04.2022)

¹³ Press Release: Colours of India - India Week in Wuhan. <https://www.eoibeijing.gov.in/SSVCpages/MTQ> (accessed 27.04.2022)

¹⁴ Taizhou Business & Cultural Events: September 2019. https://www.cgishanghai.gov.in/pdf/event/taizhou_events_for_official_website.pdf (accessed 30.04.2022)

¹⁵ 驻加尔各答总领馆举办中印妇女交流活动. http://kolkata.china-consulate.gov.cn/zlqgw/201912/t20191216_5042415.htm (accessed 27.04.2022)

¹⁶ February Newsletter. https://www.eoibeijing.gov.in/public_files/ssvc/pdf/February%20Newsletter.pdf (accessed: 01.05.2022)

ми мерами, в т.ч. в гибридном формате. Наиболее значительным из них стал проведенный в октябре в Сиане форум «Сюаньцзан», посвященный китайскому философу и путешественнику, который считается родоначальником культурных обменов между Китаем и Индией¹⁷.

Далее, с декабря 2020 г. по март 2021 г. Национальный музей КНР провел онлайн-фотовыставку «Прекрасный Китай и прекрасная Индия» в честь 70-летия отношений¹⁸. В мае 2021 г. в честь 160-летия со дня рождения Р.Тагора состоялся китайско-индийский видеомост между школами-партнерами с чтением стихотворений и исполнением песен¹⁹. В июне индийские общественные организации приняли участие в онлайн-праздновании столетия Компартии Китая²⁰. В августе в Чэнду открылась выставка «Индия глазами китайских художников». В декабре Центр культурных исследований имени Сюй Фаньчэна (известный китайский переводчик с санскрита) в Пондишери провел посвященный китайско-индийским культурным обменам онлайн-форум²¹.

Также нужно отметить, что на протяжении рассматриваемого периода Индия и Китай, помимо двусторонних связей, участвовали и в многосторонних культурных обменах - в рамках БРИКС и ШОС: встречах представителей культурных ведомств, кинофестивалях, выставках, молодежных смотрах, праздниках [3; 4].

Это - тоже площадки взаимодействия. В дополнение к этому в Индии, как и в других странах, работают Институты Конфуция [5], а в Китае - Индийский совет по культурным отношениям создает в крупных университетах кафедры языка хинди²².

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В динамике и содержании культурных контактов двух стран можно выделить следующий ряд особенностей.

Во-первых, их развитие происходит, даже несмотря на сложности во взаимоотношениях между государствами. Так, 2017 год стороны встречали в относительно стабильных взаимоотношениях, но серьезным инцидентом стало летнее Докламское противостояние, военное пограничное противостояние между индийскими вооруженными силами и НОАК Китая из-за строительства китайцами дороги в Докламе, территории, на которую претендуют как Китай, так и союзник Индии - Бутан. Оно завершилось лишь после угрозы Индии отказаться от участия в саммите БРИКС в Китае [6, с. 23].

Интересно, что в июне, когда обстановка уже накалялась (а пик пришелся на август), китайские любители йоги продолжали посещать мастер-классы индийских специалистов и отмечали Всемирный день йоги²³, а индийскому фильму присудили один из призов Шанхайского кинофестиваля²⁴.

Однако культура бывает не связана с политикой лишь до определенной степени, и начиная с июля и до ноября 2017 г. в контактах сторон не было крупных культурных событий. Они вернулись вместе с нормализацией отношений, которая продолжалась с осени 2017 г. до августа 2019 г. Новое обострение началось тогда, когда Китай стал активно возражать против решения Индии отделить Ладакх (регион, находящийся под управлением Индии в качестве союзной территории - части более крупного региона Кашмир - и являющийся предметом спора между Индией, Пакистаном и Китаем) от штата Джамму и Кашмир и поменять статус последнего на союзную территорию, обладающую меньшей автономией, чем штат. Ладакх также стал союзной территорией²⁵.

¹⁷ 中印两国学者互动探讨“玄奘与中印文明互鉴”主题，国际玄奘论坛在西安隆重举行。 https://www.sohu.com/a/425711871_120244154 (accessed 27.04.2022)

¹⁸ “美丽中国 美丽印度”云图片展在北京启动。 <https://www.chinanews.com.cn/cul/2020/12-08/9357463.shtml> (accessed 27.04.2022)

¹⁹ 中印学子创意吟诵 纪念这位视中国为故乡的印度先贤。 https://www.sohu.com/a/465569857_120823584 (accessed 27.04.2022)

²⁰ The Consulate holds online celebration for 100th Anniversary of CPC. http://mumbai.china-consulate.gov.cn/eng/zxhd/202107/t20210702_8954314.htm (accessed 02.05.2022)

²¹ “中国文化与中印文化关系”线上论坛圆满召开。 <http://www.sky.yn.gov.cn/dttx/sksc/02273709238063551018> (accessed 27.04.2022)

²² About us. <https://www.eoibeijing.gov.in/SSVCpages/MQ> (accessed 27.04.2022)

²³ Press Release: YOGA@GREAT WALL. https://www.eoibeijing.gov.in/eoibeijing_listview/NDMw (accessed 28.04.2022)

²⁴ Indian Movie “Sultan” wins best action movie award at Shanghai International Film Festival. <https://www.cgishanghai.gov.in/Event?id=469> (accessed 30.04.2022)

²⁵ Китай выступил против решения Индии об изменении статуса приграничной области Ладакх - МИД. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 06.08.2019.

Тем не менее это обострение было недолгим, и в дальнейшем для сторон оказалось более важным продемонстрировать нормальные контакты в связи со знаковой датой - 70-летием дипломатических отношений.

В 2020 г. в мае - июне на границе вновь произошло обострение конфликта, причем с жертвами с обеих сторон, но вскоре государства вернулись к переговорам²⁶. Каких-либо крупных культурных событий в тот период не было, причем, главным образом, из-за пандемии. До осени проводились лишь локальные мероприятия дипломатических учреждений, преимущественно в виртуальной среде. Широкие очные либо гибридные мероприятия возобновились лишь осенью.

В 2021 г. между сторонами сохранялся статус-кво, даже начался отвод войск из спорных районов, но переговоры по-прежнему не приносили принципиальных изменений²⁷. Тем временем культурная жизнь достаточно активно развивалась.

Интенсивность развития связей позволяет говорить о **второй особенности** - направленности обменов на решение сразу нескольких ключевых задач. С одной стороны, государства являются соседями с протяженной границей, и оба логичным образом заинтересованы во взаимопонимании, в недопущении кровопролитной войны, в нормальных отношениях между народами. С другой стороны, культурные контакты, взаимодействие между обществами необходимы для развития торгово-экономического сотрудничества, межрегиональных связей и туризма, т.е. имеют еще и прагматический смысл.

Наконец, каждое из государств хотело бы с помощью «мягкой силы» получить конкурентное преимущество во взаимоотношениях и поддержку своей политической линии. Поэтому обе стороны прилагают усилия для распространения у населения другой страны своего позитивного имиджа и для продвижения своих идей и ценностей. Этим же объясняется и повышенное внимание к молодежи. За её восприятие и оценки тоже приходится конкурировать.

Третья особенность, которую необходимо отметить, - многоакторность и разнообразие обменов. В них задействованы как государственные акторы (дипломатические учреждения, местные органы власти), так и негосударственные (общества дружбы, диаспоры, культурные центры). Это обеспечивает более широкий охват контактов и распространение информации о них. Кроме того, используются разные формы сотрудничества - не только гастроли, выставки и кинопоказы, но и интерактив - семинары, форумы, творческие встречи. Это важно для решения задачи обменов между людьми.

Четвертая важная черта отношений - паритет между сторонами. Он проявляется во всём, от видов контактов до наличия своих общественных организаций и контроля над организациями партнера. В Китае весьма строгое законодательство по отношению к иностранным НКО действует уже достаточно давно [7]. Индия с некоторым опасением относится к китайским НКО и отслеживает их деятельность²⁸; контроль ведется, кстати, не только за НКО, но и за Институтами Конфуция [5]. В Индии отдают себе отчет в угрозах, которые продолжают исходить от КНР [8], и двойственности китайской политики [9], поэтому в целом выстраивают свою линию в отношениях, отстаивая собственную позицию в каждой спорной ситуации (см., напр.: [10]). Культура здесь не становится исключением. Инициативу и заинтересованность демонстрируют оба государства, но при этом какого-либо перекоса в сторону одного из партнеров в культурных связях не наблюдается.

В то же время можно увидеть и некоторую качественную разницу: активность Индии выглядит более всеобъемлющей в плане масштаба, вовлекающей больше людей в гуманитарные обмены. Это имеет свои результаты - например, в Китае очень популярно индийское кино, оно регулярно бывает представлено на кинофестивалях и успешно в прокате [11], и столь же популярна йога: мастер-классы индийских специалистов собирают тысячи участников²⁹. В то же время можно заметить, что Китай действует более точно, собирая на культурных форумах своих «друзей» и продвигая свое видение и свои оценки двусторонних взаимоотношений. Приведет ли это к каким-либо качественным изменениям общественного мнения и характера отношений - будет понятно только по прошествии времени.

²⁶ Переговоры с Китаем о ситуации в Ладакхе состоятся в ближайшее время - МИД Индии. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 25.12.2020.

²⁷ Индия и Китай в среду проведут 14-й раунд переговоров о границе. Газета *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 11.01.2022.

²⁸ Индия усилила контроль за выдачей виз сотрудникам китайской НКО. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 03.09.2020.

²⁹ См., напр.: 12th city - WUXI - hosts the largest celebration of 3rd IDY in China - ten thousand Yoga lovers join at the Lingshan Buddhist Temple - Kungfu Yoga Movie Starcast joins in with a special Yoga performance. <https://www.cgishanghai.gov.in/Event?id=473> (accessed 30.04.2022); Global Yoga Exchange Conference. https://www.cgiguangzhou.gov.in/news_letter_detail/?id=9 (accessed 27.04.2022); Celebration of International Day of Yoga 2021 in Hong Kong. https://www.cgihk.gov.in/event_detail/?eventid=34 (accessed 27.04.2022)

Наконец, что касается влияния пандемии *COVID-19* на культурные связи, оно оказалось выраженным лишь в плане переноса активности в онлайн. Благодаря информационной поддержке контакт сохранялся. Постепенно произошло и возвращение в офлайн либо гибридный формат. Во многих отчетах о мероприятиях, прошедших в гибридном или очном формате в пандемийные годы, можно встретить фразу о том, что они были проведены с выполнением всех необходимых мер предосторожности. Особенно это характерно для обменов, проводившихся на территории Китая, который известен своими жесткими мерами против повторных волн эпидемии внутри страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Индия и Китай развивают межгосударственные культурные обмены достаточно интенсивно, несмотря на наличие конфликтных точек во взаимоотношениях. Обе стороны выступают за наращивание культурных контактов³⁰, хотя, казалось бы, могли сопротивляться подобным ресурсам «мягкой силы» друг друга. Причина, как представляется, в том, что в их связях присутствует симметрия, паритет. Поэтому оба государства имеют все основания поддерживать расширение связей. Каждый из них уверен в себе, опирается на свою политическую линию и пытается решать свои задачи.

Для России изучение опыта индийско-китайских взаимоотношений в сфере культуры может быть ценно с этой точки зрения как пример постоянного поддержания контактов с активным восточным партнером, в особенности Китаем, баланса и защиты своих интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nag J. West Bengal: Art and culture bring India and China closer in Kolkata. 2018. <https://mumbaimirror.indiatimes.com/news/india/west-bengal-art-and-culture-bring-india-and-china-closer-in-kolkata/articleshow/64559279.cms> (accessed 26.04.2022)
2. Singh K.C. An India-China 'reset' and the future of Asia. 2019. <https://www.deccanchronicle.com/opinion/columnists/141019/an-india-china-reset-and-the-future-of-asia.html> (accessed 26.04.2022)
3. Баландин Р., Кириллов А. Фотовыставка стран - участниц БРИКС открылась в Пекине. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 07.06.2017.
4. Кириллов А. Министры культуры БРИКС договорились укреплять сотрудничество музеев, библиотек и театров. *Пульс планеты - Азия ИТАР-ТАСС*. 06.07.2017.
5. Kumarashwami S. MEA says India expects China to work sincerely on complete disengagement at LAC. 2020. <https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/070820/mea-says-india-expects-china-to-work-sincerely-on-complete-disengagement.html> (accessed 26.04.2022)
6. Кашин В.П. Индия - Пакистан: восьмой десяток лет военного противостояния. *Азия и Африка сегодня*. 2018, № 6, с. 18-25. DOI: 10.7868/S032150751806003X
7. Рождественская Я. Китай закрутил иностранные НКО. 2016. <https://www.kommersant.ru/doc/2977391> (accessed 27.10.2017)
8. Куприянов А.В. «Китайская угроза» в экспертном дискурсе Индии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2019, № 1, с. 33-44. DOI: 10.20542/afj-2019-1-33-44
9. Banerjee A., Verma M. Wang Yi visit and the Chinese art of deception. 2022. <https://www.indiatoday.in/news-analysis/story/wang-yi-visit-and-the-chinese-art-of-deception-1931553-2022-03-30> (accessed 01.05.2022)
10. Шаумян Т.Л. Новые лица во внешней политике Индии. *Труды Института востоковедения РАН*. 2018, № 12, с. 272-286.
11. Lin L. Flavors of Beijing: Bollywood movies inspire Indian food craze. 2021. <https://news.cgtn.com/news/2021-10-19/Flavors-of-Beijing-Bollywood-movies-inspire-Indian-food-craze--14uqagXsK88/index.html> (accessed 26.04.2022)

REFERENCES

1. Nag J. West Bengal: Art and culture bring India and China closer in Kolkata. 2018. <https://mumbaimirror.indiatimes.com/news/india/west-bengal-art-and-culture-bring-india-and-china-closer-in-kolkata/articleshow/64559279.cms> (accessed 26.04.2022)
2. Singh K.C. An India-China 'reset' and the future of Asia. 2019. <https://www.deccanchronicle.com/opinion/columnists/141019/an-india-china-reset-and-the-future-of-asia.html> (accessed 26.04.2022)
3. Balandin R., Kirillov A. Photo exhibition of the BRICS countries opened in Beijing. *Planet Pulse - Asia ITAR-TASS*. 07.06.2017. (In Russ.)
4. Kirillov A. BRICS Ministers of culture agreed to intensify the cooperation between museums, libraries and theatres. *Planet Pulse - Asia ITAR-TASS*. 06.07.2017. (In Russ.)
5. Kumarashwami S. MEA says India expects China to work sincerely on complete disengagement at LAC. 2020. <https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/070820/mea-says-india-expects-china-to-work-sincerely-on-complete-disengagement.html> (accessed 26.04.2022)

³⁰ India pitches for greater engagement with BRICS nations. <https://mumbaimirror.indiatimes.com/news/world/india-pitches-for-greater-engagement-with-brics-nations/articleshow/59218416.cms> (accessed 26.04.2022)

6. Kashin V.P. 2018. India - Pakistan: the eighth decade of military opposition. *Asia and Africa Today*. Vol. 6. Pp. 18-25. (In Russ.). DOI: 10.7868/S032150751806003X
7. Rozhdestvenskaya Ya. China came down hard on foreign NCOs. 2016. (In Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/2977391> (accessed 27.10.2017)
8. Kupriyanov A.V. 2019. "Chinese threat" in India's expert discourse. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. Vol. 1. Pp. 33-44. (In Russ.). DOI: 10.20542/afj-2019-1-33-44
9. Banerjee A., Verma M. Wang Yi visit and the Chinese art of deception. 2022. <https://www.indiatoday.in/news-analysis/story/wang-yi-visit-and-the-chinese-art-of-deception-1931553-2022-03-30> (accessed 01.05.2022)
10. Shaumian T.L. 2018. New personalities in India's foreign policy. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. Vol. 12. Pp. 272-286. (In Russ.)
11. Lin L. Flavors of Beijing: Bollywood movies inspire Indian food craze. 2021. <https://news.cgtn.com/news/2021-10-19/Flavors-of-Beijing-Bollywood-movies-inspire-Indian-food-craze--14uqagXsK88/index.html> (accessed 26.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, ИВ РАН, Москва, Россия.

Ksenia G. Muratshina, PhD (History), Senior Researcher, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Бородина Евгения Александровна, студентка, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Evgenia A. Borodina, student, Department of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 13.09.2022

Основные этапы становления и развития концепции panaфриканизма: история и современность

© Кассе Н.В.М.^{a,b}, Ивкина Н.В.^{a,c}, 2022

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-2792-6634; kassae-nv@rudn.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-8654-7629; ivkina-nv@rudn.ru

Резюме. Статья посвящена анализу концепции panaфриканизма. Авторы предлагают проследить эволюцию концепции, разделив её на три этапа: американский, европейский и непосредственно африканский. Это связано, прежде всего, с историческими причинами формирования panaфриканизма: от борьбы афроамериканского населения за свои права до использования её в качестве идеологической основы для ряда политических режимов в Африке.

Американский этап развития породил основы panaфриканизма, выдвинув на повестку дня идею борьбы отдельных этнических групп за права и свободы в США. Европейский этап значительно расширил географию, а также затронул колониальные вопросы. Африканский этап был отмечен попыткой перевести концепцию panaфриканизма в практическую плоскость.

Именно на этом хронологическом отрезке стало ясно, насколько panaфриканизм способствовал борьбе с угнетением различных этнических групп. В качестве выводов предлагаются ответы на вопрос, можно ли от концепции panaфриканизма перейти к практическому воплощению борьбы африканцев за независимость от западных стран.

Ключевые слова: panaфриканизм, американский, европейский и африканский этапы развития, Panaфриканские конгрессы, колониализм, Африканский Союз, «Программа-2063»

Для цитирования: Кассе Н.В.М., Ивкина Н.В. Основные этапы становления и развития концепции panaфриканизма: история и современность. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 34-40. DOI: 10.31857/S032150750022719-2

The main stages in the formation and development of the concept of Pan-Africanism: History and modernity

© Kassae N.V. Mikael^{a,b}, Natalya V. Ivkina^{a,c}, 2022

^a RUDN University, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-2792-6634; kassae-nv@rudn.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-8654-7629; ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of Pan-Africanism. The authors propose to trace the evolution of the concept by dividing the stages of its formation into three periods: American, European and directly African. This is primarily due to the historical reasons for the formation of Pan-Africanism as a concept: from the struggle of the African-American population for their rights to the use of the concept as an ideological basis for a number of political regimes in Africa. Each stage gave the concept new features.

The American stage gave birth to the foundations of Pan-Africanism, putting on the agenda the idea of the struggle of individual ethnic groups for the rights and freedoms adopted in the United States. The European stage significantly expanded the geography and scope of the problems, as well as touched upon colonial issues.

The African stage was marked by an attempt to bring the concept of pan-Africanism into practice. This division has also given rise to a research question about the cause-and-effect relationships between the theoretical postulates of the concept and practical application at the present stage. It was during this period that it became clear how Pan-Africanism contributed to the fight against the oppression of various ethnic groups. As conclusions, answers are offered to the question whether the concept of Pan-Africanism can become a practical embodiment of the struggle of Africans for independence from Western countries.

Keywords: American, European and African stages of Pan-Africanism development, Pan-African Congresses, colonialism, African Union (AU), "Program-2063"

For citation: Kassae N.V. Mikael, Natalya V. Ivkina. The main stages in the formation and development of the concept of Pan-Africanism: History and modernity. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 34-40. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022719-2

ВВЕДЕНИЕ

Актуальное понимание «panафриканизма» несколько контрастирует с тем, которое вкладывали в него родоначальники. Эта концепция стала идеологией некоторых лидеров национально-освободительных движений в Африке, несмотря на то что появилась она далеко за пределами континента.

Возникает закономерный вопрос: по какой причине приверженцы «панафриканизма» стали ориентироваться на Африку, из которой вывозились их предки, начиная с XVI в.? Цель исследования - выявление основных факторов, способствующих смене конфигурации рассмотрения концепции «панафриканизма» как борьбы афроамериканцев за равноправие на подход к ней как к объединяющей идеологии людей африканского происхождения. Для достижения поставленной цели предлагается проанализировать истоки, методологию и тенденции развития панафриканизма в США, Европе и на самом Африканском континенте.

АМЕРИКАНСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПАНАФРИКАНИЗМА: ИСТОКИ ИДЕИ

Важным событием в истории начала борьбы афроамериканцев за свои права и свободы стало движение аболиционистов [1, с. 607], расцвет которого пришелся на 1830-е гг. В нем участвовали не только белые гуманисты, но и люди африканского происхождения [2, с. 429-430]. Вторым важным событием стало появление первых афроамериканских просветителей, таких как Мартин Роберт Делани, Эдуард Вильмот Блайден и др., укреплявших дух свободы среди людей африканского происхождения.

В 1892 г. начинает издаваться газета «Афро»¹, а в 1896 г. выходит справочник «*Encyclopedia of Black America*» [3, р. 656]. Появление печатной продукции способствовало борьбе против рабства, а также воспитанию и укреплению духовной свободы афроамериканцев. Печатные издания стали площадкой для выражения взглядов афроамериканцев.

Кроме печати, у афроамериканцев появляются образовательные учреждения^{2,3}. В 1881 г. Букер Вашингтон становится ректором общеобразовательного и промышленного института «*Tuskegee*» в штате Алабама [4, р. 841]. Институт стал одним из ведущих высших учебных заведений для афроамериканцев. Он же в 1900 г. основывает организацию «*National Negro Business League*». Затем в 1901 г. выходит в свет его автобиография «*Up From Slavery*». В ней Б.Вашингтон пишет об образовании как одном из способов улучшения положения афроамериканцев и о взаимодействии белого и черного населения Америки. Б.Вашингтон был реалистом, который понимал актуальное положение людей и поэтому он призывал их эволюционизироваться: «...учитесь, занимайтесь самообразованием, копите деньги, создавайте сбережения» [5, с. 24].

В 1906 г. в США возникает другое афроамериканское движение - «Ниагарское». Оно объединилось вокруг газеты *The Boston Guardian*. Известный мыслитель и видный афроамериканский деятель и один из отцов-основателей панафриканизма Уильям Дюбуа стал его генеральным секретарем. В отличие от Б.Вашингтона, Дюбуа стал активистом протестного движения. На конференции 1906 г. он заявил: «...мы не удовлетворимся ничем, кроме полного равноправия. Мы требуем для себя всех прав, которые даны американцам, родившимся свободными, - прав политических, гражданских, социальных» [6, р. 90].

Как и Б.Вашингтон, Дюбуа считал образование афроамериканцев способом улучшения их положения. Российские эксперты также полагают, что это движение стало решительным шагом вперед в развитии освободительных идей. «Ниагарское движение» вскоре распалось, прежде всего, по причине отсутствия четкой цели и задач. «Им не хватало, - отмечал У.Дюбуа, - политической прозорливости, опоры в массах» [6, р. 90], а главное - это низкое положение афроамериканцев в социально-экономической, политической и культурной жизни США.

В 1909 г. возникла Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения. У.Дюбуа стал одним из её руководителей. В Ассоциацию вступили многие участники «Ниагарского движения», принесшие с собой идею предоставления всем людям равных гражданских и политических прав, ратовавшие за улучшение материальных условий жизни. Это стало первым опытом объединения по политическим мотивам.

В то же время в Новом Свете набирало силу движение «*Back-to-Africa*». Как известно, вопрос о репатриации бывших рабов стал актуальным сразу после приобретения независимости США. Первые группы свободных людей высадились на территории атлантического побережья Западной Африки в 1822 г. в районе современной Либерии.

Не были учтены особенности социально-экономического уклада коренных африканцев, репатрианты были оторваны от африканского населения в морально-психологическом и мировоззренческом плане. Ведь переселенцы родились уже не в Африке и к этому континенту имели лишь генетическое отношение. Примером может служить как раз Либерия⁴.

¹ The Archives of the Afro-American Newspapers. <http://afroarchives.libraryhost.com/> (accessed 13.02.2022)

² Milestones in African American Education. <https://www.infoplease.com/us/higher-education/milestones-african-american-education> (accessed 10.02.2022)

³ African-American first education. <https://www.biography.com/people/groups/african-american-first-education> (accessed 15.02.2022)

⁴ См.: <http://www.loc.gov/exhibits/african/afam002.html> (accessed 13.02.2022)

Для репатриированных вчерашних рабов, прибывавших туда начиная с 1822 г., коренное население оказалось чуждым. Они не желали возвращаться к тем традициям и устоям социальной жизни, по которым жили коренные народы Западной Африки. Приезжие из США составляли элиту страны, что способствовало возникновению конфликтов между репатриантами и коренными жителями. Стоит отметить, что бывшие рабы и их потомки называли себя не либерийцами, а американо-либерийцами [7].

Во второй половине XIX в. в Берлине состоялась международная «конференция по Конго» (нем. *Kongokonferenz*), на которой обсуждали раздел Африки между европейскими державами. В ней участвовали представители Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, России, США, Турции, Франции и Швеции. Международной ассоциацией, которую возглавил бельгийский король Леопольд II, Конго было формально признано свободным государством во главе с Леопольдом II. Генеральный акт устанавливал нейтральный статус бассейна реки Конго и свободу торговли, плавания и передвижения в нем, что давало возможность участвовать в использовании ресурсов в т.ч. людских, всем государствам-подписантам [8; 9 с. 695-725].

В ответ Берлинскому конгрессу панафриканисты созвали свой собственный конгресс по Африке в Чикаго в 1893 г., на котором они осудили передел континента. Результатом Чикагского конгресса стало начало деятельности «*African Association*» в 1897 г. Ключевой фигурой становится Генри Сильвестр Уильямс [10]. Его можно считать прародителем межконтинентального панафриканизма. Именно с этого момента концепция начинает расширяться, захватывая уже страны Европы.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПАНАФРИКАНИЗМА: НОВОЕ ВИДЕНИЕ СТАРЫХ ПРОБЛЕМ

Современное понимание панафриканизма как идейно-политической концепции сложилось в Европе. Символом этого стала первая панафриканская конференция 23-25 июля 1900 г., которая проводилась в Лондоне. Руководителями и участниками её были выходцы с территорий Карибского бассейна, США и Европы. Африканский континент не был представлен. Причина этого кроется в том, что в те годы Африка не могла оказывать решающего воздействия на развитие панафриканизма, т.к. колонизация континента сопровождалась подавлением всякой политической активности местного населения [5, с. 24].

Тем не менее Лондонская конференция 1900 г. стала первым шагом в сближении идеологов панафриканизма с представителями Африки, «впервые борцы против колониализма и расизма собрались на международную встречу, и была обнародована идея возможности совместной борьбы».

I Панафриканский конгресс, на котором были представители континента, проходил с 19 по 21 февраля 1919 г. в Париже. В нем участвовали 57 делегатов из 15 стран. Африканский континент был представлен 9 делегатами. Конгресс завершил свою работу принятием резолюции. Здесь уже можно говорить о достижении положительных результатов: был создан постоянный комитет, а также было принято решение, что следующий панафриканский конгресс будет созван в Париже в 1921 г. Африка в комитете представлена не была [11, с. 231].

План «афроамериканцев» расширить географию своих действий путем привлечения представителей Африки столкнулся с серьезным конкурентом в Америке - с гарвеизмом⁵ [12, с. 76-81]. В отличие от панафриканизма, гарвеизм организационно оформился в виде Всемирной ассоциации по улучшению положения негров. В отличие от У.Дюбуа, призывавшего бороться за социальные и политические права афроамериканцев и африканцев, Маркус Гарви выдвинул простой и понятный для афроамериканцев лозунг: «*Back-to-Africa*». Деятельность Ассоциации отвечала интересам колонистов, которые поощряли возвращение афроамериканцев в Африку, Гарви стал получать субсидии от правительства США.

Несмотря на свою привлекательность, гарвеизм не стал основной идеологией в борьбе афроамериканцев и африканцев за свои права. Программа «Назад в Африку» не смогла претвориться в жизнь, т.к. Африка к этому времени была поделена между основными европейскими державами и понятно, что они не допускали иных претендентов на африканскую землю.

Можно говорить о ряде положительных и отрицательных моментов в проведении Панафриканских конгрессов (см. табл.). Достижения состояли в том, что, во-первых, они вовлекли самих африканцев в процесс обсуждения панафриканизма, несмотря на то, что сами африканцы большой заинтересованности в нем не проявляли. Во-вторых, стали появляться реально действующие на постоянной основе структуры, способствующие сближению подходов афроамериканцев и африканцев, в-третьих, начали предприниматься попытки обратить внимание на колониальные народы, которые готовились бороться за свои права.

⁵ Гарвеизм - программа (течение) по переселению африканцев, проживающих в США, обратно в Африку. Получила название по имени Маркуса Гарви (1887-1940) (прим. авт.).

Таблица. Основные результаты Panaфриканских конгрессов (1919-1927)
Table. Main results of the Pan-African Congresses (1919-1927)

Конгресс	Дата проведения	Место проведения	Достигнутые результаты
I Panaфриканский конгресс	Февраль 1919 г.	Париж	- принятие Резолюции, - первый конгресс с участием самих африканцев.
II Panaфриканский конгресс	Август-сентябрь 1921 г.	Лондон, Брюссель, Париж	- принятие Декларации к миру (Лондонский манифест ⁶), - создание постоянно действующего секретариата со штаб-квартирой в Париже.
III Panaфриканский конгресс	Ноябрь-декабрь 1923 г.	Лондон, Лиссабон	- принятие резолюции «Лондонской сессии». - Проблемы колониальных народов занимали центральное место в резолюции III Конгресса.
IV Panaфриканский конгресс	21 августа 1927 г.	Нью-Йорк	- завершение межвоенного периода адаптации идей афроамериканцев и африканцев.

Составлено авторами.

К отрицательным факторам стоит отнести понимание того, что идея переселения афроамериканцев с территории США и Европы была крайне непопулярна у людей, которые ассимилировались уже в этих странах. Кроме того, выяснилось, что не удалось создать прочной базы и связей между представителями различных течений panaфриканизма не только на разных континентах, но даже в рамках одного европейского региона. Не наблюдалось какой бы то ни было консолидации и совместных усилий для построения единой концепции.

Ряд исследователей полагает, что постевропейское развитие африканизма уже непосредственно на континенте, имеющем прямое отношение к концепции, произошло после основания Организации африканского единства (ОАЕ) в мае 1963 г.⁷, что этот вопрос является дискуссионным.

Проблема кроется в том, что panaфриканизм как идеология ОАЕ принят не был, т.к. panaфриканисты не играли заметной роли при её создании. Хайле Селассие I, инициатор созыва конференции 1963 г., и Секу Туре, сыгравший заметную роль в консолидации стран, входивших в Касабланкскую группу, не были приверженцами panaфриканизма [13, с. 320-321]. Кроме того, в уставе ОАЕ не упоминается panaфриканизм.

При создании собственного устава основатели ОАЕ многое заимствовали у ООН, а некоторые идеи - у Движения неприсоединения. Кроме ОАЕ, на Африканском континенте стали действовать всевозможные «панорганизации», такие как: panaфриканская женская организация, panaфриканское движение молодежи, panaфриканский профсоюз и др. [14, pp. 164-190]. Но эти и другие организации не оказывали заметного влияния на политическую и социально-экономическую жизнь постколониальной Африки и тем более афроамериканцев. Поэтому на протяжении почти 30 лет panaфриканские конгрессы не проводились.

Лишь в 1974 г. было решено созвать VI Panaфриканский конгресс в столице Танзании Дар-эс-Саламе. Это был первый форум народов «африканского происхождения» в самой Африке. На нем присутствовали делегаты и наблюдатели из африканских и карибских стран, Северной и Южной Америки, Великобритании, островов Тихого океана, а также представители африканских освободительных движений и Организации освобождения Палестины [15]. Как и на предыдущих конгрессах, инициаторами проведения VI Panaфриканского конгресса были афроамериканцы. Как известно, к 70-м гг. XX в. положение афроамериканцев изменилось в лучшую сторону. После упорной борьбы они добились принятия законов о гражданских правах в 1957 г. и в 1964 г., и об избирательных правах в 1965 г.^{8,9}

⁶ См.: <https://www.bbc.co.uk/worldservice/africa/features/storyofafrica/13chapter5.shtml> (accessed 20.02.2022)

⁷ Ibidem, p. 19.

⁸ The Civil Rights Act of 1964: A Long Struggle for Freedom. <https://www.loc.gov/exhibits/civil-rights-act/civil-rights-act-of-1964.html> (accessed 18.02.2022)

⁹ Landmark Legislation: The Civil Rights Act of 1964. <https://www.senate.gov/artandhistory/history/common/generic/CivilRightsAct1964.htm> (accessed 14.03.2022)

На VI Панафриканском конгрессе был определен ряд задач: положить конец иностранному господству в Африке; избавиться от неокOLONиализма; ликвидировать иностранные военные базы в Африке и на Карибских островах; укрепить единство между африканскими народами; призвать прогрессивные силы в Африке и во всем мире оказать политическую и материальную помощь освободительным движениям как в Африке, так и за её пределами; «...восстановить достоинство и ответственность африканских народов...» [17, р. 2]. Но ни одна из поставленных задач реализована не была.

Тем не менее заслугой VI Конгресса можно считать то, что в Дар-эс-Саламе удалось собрать вместе афроамериканцев, проживающих на разных континентах. При этом не возникло взаимопонимания между представителями Африки, которые заняли умеренную позицию по вопросу расизма, и революционно настроенными афроамериканцами. Африканские лидеры, уже поддерживавшие официальные связи с США и бывшими метрополиями, не готовы были взять на вооружение в диалоге с ними радикальные, порою экстремистские идеи афроамериканцев.

Кроме того, африканские лидеры к этому времени уже накопили опыт, чтобы понимать к какому внутригосударственному и межгосударственному кризису может вести расовое противостояние. Ведь в Африке фактически нет моноэтнических государств, и существовало множество причин для столкновения между этносами. Также многие африканские политики не забыли судьбу конголезского лидера Патриса Лумумбы, занявшего радикальную антизападную позицию.

Следующий, VII Панафриканский конгресс был созван спустя почти 20 лет и проходил в Кампале (Уганда) в апреле 1994 г. в период, когда была отменена система апартеида, обеспечившая белому меньшинству превосходство в Южной Африке, и большинство колониальных территорий приобрели формальную независимость. Целью конгресса было формулирование программы действий панафриканского движения в XXI в. В ходе конгресса проводились и такие мероприятия, как совещание женщин, представление культуры в национальном театре Уганды, открытие Африканской художественной выставки, открытие Парка Свободы Африки.

На конгрессе было много противоречивых мнений, и это не могло не отразиться на характере резолюций и даже на содержании декларации конгресса. В нём участвовали в основном те страны Африки, которые считали себя «прогрессивными и антиимпериалистическими», озабоченные своим положением на международной арене (например, Ливия и Судан). Уганда и такие страны, как Гана, Зимбабве, Эритрея, Эфиопия, Куба и Ливия, были представлены делегатами высокого уровня. Официальный Вашингтон понимал важность этого панафриканского конгресса и препятствовал его проведению. В Кампалу был отправлен помощник государственного секретаря по делам Африки афроамериканец Джордж Мус.

Этот конгресс оказался не самым результативным. Так, например, организаторы не допустили обсуждения вопроса об угнетении африканцев Юга Судана со стороны арабского Северного Судана. Главным стал вопрос о репарации (первое панафриканское совещание по вопросам возмещения ущерба от работорговли и колониализма состоялось в апреле 1993 г. в Абудже (Нигерия); в нём участвовали более 250 делегатов, представлявших Африку и африканскую диаспору) [18, pp. 201-203]. Однако, несмотря на популярность вопроса о репарациях, среди участников конгресса наблюдался раскол, прежде всего, из-за того, что не было понятно, за что и с кого потребовать репарацию: у арабов, европейцев или африканцев. Радикально настроенные «прогрессивные женщины» вовсе предлагали получить репарацию не только за рабство и работорговлю, но и за ущерб, причиненный рабством, колониализмом и апартеидом [19].

Одним из перспективных спонсоров для проведения следующего конгресса, по мнению активистов панафриканизма, была Ливия. Поэтому конгресс решительно осудил санкции ООН 1992-1994 гг. и призвал африканские страны поддержать Социалистическую Народную Ливийскую Джамахирию в её справедливой борьбе против введения несправедливых санкций США, Великобританией и Францией и отказаться от санкций ООН, введенных против неё в отношении воздушных полетов.

Таким образом, панафриканские конгрессы стали влиять на политическую ситуацию на мировой арене. В знак солидарности с Триполи своей резолюцией VII Панафриканский конгресс постановил, что следующий, VIII Конгресс, состоится в 1997 г. и местом его проведения будет столица Ливии. Но этого не случилось. VIII Панафриканский конгресс проводился в Аккре, столице Ганы, с 4 по 7 марта 2015 г.¹⁰ Там была предпринята попытка создать постоянно действующий секретариат глобального панафриканского движения, однако этого сделать не удалось, более того, на долгие годы панафриканские инициативы были заморожены.

¹⁰ President Mahama to address 8th Pan-African Congress. <http://www.ghana.gov.gh/index.php/media-center/news/176-president-mahama-to-address-8th-pan-african-congress> (accessed 13.02.2022)

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПАНАФРИКАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Первый шаг по возрождению движения был сделан в мае 2013 г. Тогда было созвано совещание еще оставшихся международных panaфриканских советов и заинтересованных лиц. Была поставлена задача возродить Секретариат и институты, возникшие после VII Panaфриканского конгресса в 1994 г.

На совещании в Кампале в 2013 г. были затронуты три вопроса: стратегический план для Секретариата, пересмотр программы движения, анализ решений, принятых на VII Конгрессе в 1994 г. Большинство участников согласилось с тем, что настало время возрождения panaфриканского движения. После Кампальского совещания Секретариат принял решение искать официальную поддержку у Африканского Союза (АС) и других организаций. Проект меморандума о взаимопонимании между panaфриканским движением и Африканским Союзом был подготовлен и распространен среди членов АС.

На саммите Афросоюза в мае 2013 г. была принята 50-я юбилейная торжественная Декларация, а 2013 г. был объявлен Годом panaфриканизма и африканского возрождения. В этой исторической декларации подчеркивалась обязанность глав африканских государств и правительств действовать совместно с народом Африки и африканской диаспорой для реализации идей panaфриканизма и возрождения Африки.

В частности, в Декларации государства-члены АС обязались: ускорить возрождение Африки, обеспечив интеграцию принципов panaфриканизма во все инициативы АС; укрепить программы АС и учреждений государств-членов, направленные на возрождение африканской культурной самобытности, наследия, истории и общих ценностей; поощрять граждан (включая молодежь и женщин) к участию в деле укрепления panaфриканизма.

Отмечая 50-ю годовщину своего существования, Африканский Союз представил повестку дня для континента - «Программу-2063», ставящую задачей построить «Африку, которую мы хотим». По замыслу разработчиков, документ свидетельствовал о переходе к новому этапу, на котором африканцы принимают ответственность на себя и ставят более далеко идущие цели в области развития, в особенности в плане обеспечения того, чтобы усилия Африки в области развития были направлены, прежде всего, на соблюдение интересов населения, были устойчивыми и вели Африку к процветанию, интеграции и единству. В общей позиции африканских стран отражены стремления населения Африки и его вклад в глобальное обсуждение повестки дня на период после 2015 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ этапов становления и развития концепции panaфриканизма позволяет сделать вывод о том, что она эволюционировала по схеме «от меньшего к большему». Так, если на первом этапе речь в основном шла о борьбе afroамериканского населения за свои права, то на последнем очевидны попытки её инкорпорирования в политическую сферу государственного регулирования уже непосредственно африканскими странами.

Такое поступательное движение объясняется тем, что борьба afroамериканцев долгое время стагнировала и необходимо было привлечение представителей европейского региона и, главное, непосредственно тех, кто проживает на Африканском континенте. Такую эволюцию можно связать с тем, что на рубеже XX-XXI вв. наблюдается отчетливая тенденция к глобализации различного рода идей, концепций и взглядов в силу того, что появляются новые технологии, способные охватить большое количество людей. Сама концепция изначально была ориентирована на достижение конкретных практических результатов для решения определенного круга проблем.

Однако дискуссионным остается вопрос о том, можно ли использовать данную концепцию на практике. В пользу того, что удалось перенести концепцию в реальную плоскость, говорят следующие выводы: во-первых, с её помощью удалось привлечь внимание не только к проблемам afroамериканцев, но к Африканскому континенту, к проблемам развивающихся регионов. До появления panaфриканских конференций эти проблемы вообще не стояли на повестке дня, в т.ч. в колониальный период. Во-вторых, концепция стала связующим звеном между жителями Африки и теми, кого насильно переселили в другие регионы.

Практическая значимость концепции зачастую ставится под сомнение по ряду причин: во-первых, отсутствие видимых достижений afroамериканского населения в борьбе за свои права с помощью призывов к объединению в рамках идеи panaфриканизма. Во-вторых, отказ в течение долгого времени от привлечения самих африканцев, проживающих в регионе, к обсуждению насущных проблем, и, как следствие, принятие решений без учета их мнения. В-третьих, декларативный характер panaфриканских конгрессов не приносил значительных облегчений для угнетенных африканских народов, а скорее, наоборот, способствовал появлению новых колониальных форм контроля.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Большая советская энциклопедия в 30 т. Гл. ред. А.М.Прохоров. Изд. 3-е. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. 1969. 608 с. The Great Soviet Encyclopedia in 30 vols. Ed. by A.M.Prokhorov. 3d ed. V. 1. Moscow. 1969, 608 p. (In Russ.)
2. Маркс К. Кризис в вопросе о рабстве. К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. Издание 2-е. Т. 15. М., 1959. С. 429-430. Marx K. Crisis in the Question of Slavery. K.Marx and F.Engels. Works: 2nd ed. V. 15. Moscow. 1959, pp. 429-430. (In Russ.)
3. Encyclopedia of Black America. Ed. by W.Low and V.Cliff. N.Y., 1981, p. 656.
4. Encyclopedia of Black America, p. 841.
5. Высоцкая Н.И. Панафриканизм. Идеиные течения в тропической Африке. М. 1969, с. 24. Vysotskaya N.I. Panafricanism. Ideological Currents in Tropical Africa. Moscow. 1969, p. 24. (In Russ.)
6. Du Bois W.E.B. Dusk of Dawn, L. 1940.
7. Полонский И. Либерия: печальная история «Свободной страны» Polonsky I. Liberia: The Sorrowful History of the "Free Country" (In Russ.). <https://topwar.ru/54963-liberiya-pechalnaya-istoriya-svobodnoy-strany.html> (accessed 13.02.2022)
8. Зусманович А.З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876-1894). М., 1962. Zusmanovich A.Z. Imperialist Division of the Congo Basin (1876-1894). Moscow. 1962. (In Russ.)
9. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. СПб., 1888. С. 695-725. Martens F.F. Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers. V. 8. St. Petersburg. 1888. Pp. 695-725. (In Russ.)
10. Sharewood M. Origins of Pan-Africanism: Henry Sylvester Williams, Africa, and the African Diaspora. N.Y. Routledge. 2011.
11. Филатова И.И. Документы панафриканского движения. *Расы и народы*, М., 1977. Filatova I.I. Documents of the Pan-African Movement. *Races and Peoples*, Moscow. 1977. (In Russ.)
12. Adi H., Sherwood M. Pan-African History. Political figures from Africa and the Diaspora since 1787. Routledge. London and New York. 2003, pp. 76-81.
13. Englebert P., Dunn K.C. Inside African Politics, London: Lynne Rienner, 2013, pp. 320-321.
14. Zeleza T. Pan-African Trade Unionism: Unity and Discard. *Transafrican journal of History*. 1986, Vol. 15, pp. 164-190.
15. Said A.N. The Sixth Pan African Congress: Black Unity: Coming of Age in Dar-es-Salaam. New directions. *The Howard University Magazine*. Vol. 1, № 4. <http://dh.howard.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1020&context=newdirections> (accessed 13.02.2022)
16. Щербakov Н.Б. Панафриканские конгрессы после Второй мировой войны. *Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя*. М., 2009, 440 с. Shcherbakov N.B. Pan-African Congresses after World War II. *Pax Africana: Continent and diaspora in search of itself*. Moscow. 2009, 440 p. (In Russ.)
17. Kinni F.K. Pan-Africanism: Political Philosophy and Socio-Economic Anthropology for African Liberation and Governance. *Caribbean and African American Contributions*. Bamenda: Langaa Research & Publishing CIG, 2015, Vol. 3, p. 2.
18. Walters R. The Price of Racial Reconciliation. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2009, pp. 201-203.
19. Moghalu O. Africa and the West: A History and Reparations. Xlibris, 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кассае Ныгусие В. Микаэль, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Kassae N.V. Mikael, Dr.Sc. (History), Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Ивкина Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Natalya V. Ivkina, PhD (History), Associate Professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.09.2022

Неправительственные организации в Африке: роль и место в мировой политической трансформации

© Садовская Л.М.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Резюме. Автор анализирует деятельность в странах Африки как международных (МНПО), так и местных неправительственных организаций (НПО). Рассматривается история их возникновения и влияния на социальные и политические процессы в этих государствах. Речь идет не только о гуманитарной сфере деятельности, но и о разного рода помощи в мобилизации населения для участия в уличных протестах с целью усиления общественного давления на власть.

В статье дается ответ на вопрос: являются ли отношения между НПО и государством конфронтационными, или они нацелены на сотрудничество? В этой связи немаловажное значение имеет проблема финансирования этих организаций. Несмотря на то, что многие неправительственные организации не находятся в подчинении правительствам своих стран, тем не менее они довольно часто зависят от них. Это касается как местных, так и международных НПО. Предложение финансирования оказывает сильное влияние на траекторию их развития, поскольку без него они не могут существовать. Это стало особенно очевидным в период пандемии *COVID-19*, во время которой были затруднены личные контакты и приостановлено или вообще прекращено финансирование разного рода проектов из-за рубежа. В результате многие африканские НПО вынуждены были остановить свою деятельность.

Нестабильная ситуация в мире может негативно сказаться на социальных аспектах деятельности НПО в Африке. Это касается, в первую очередь, гуманитарной поддержки: оказания помощи в борьбе с бедностью, обеспечения водой населения и т.п.

Ключевые слова: Африка, местные неправительственные организации, международные неправительственные организации, гражданское общество, финансирование, сотрудничество, конфронтация

Для цитирования: Садовская Л.М. Неправительственные организации в Африке: роль и место в мировой политической трансформации. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 41-48. DOI: 10.31857/S032150750022730-5

Non-governmental organizations in Africa: Role and place in the global political transformation

© Lybov M. Sadovskaya^а, 2022

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of international (INGOs) and local non-governmental organizations (NGOs) in African countries. The very existence and activity of these organizations are conditioned by the needs of the development of civil society, which cannot always receive adequate assistance and support from official government structures. For this reason, different political groups often turn to NGOs for help.

The article analyzes the problem of relations between non-governmental organizations and the state. They do not always add up simply, without contradictions. But, as a rule, they are built on balanced cooperation based on trust. It is important for the State to involve non-governmental organizations in solving urgent social problems, especially in the humanitarian sphere: the fight against poverty, lack of water, lack of sanitation, etc. Despite the fact that many NGOs are not subordinate to Governments, they nevertheless depend on them. The paper draws attention to the fact that NGOs in many African countries work in contact with representatives of the International Monetary Fund, as well as with such UN structures as the Economic and Social Council (ECOSOC), and other foreign donors. This also applies to international NGOs with a political orientation. To a certain extent, they influence national politics and public opinion in their host countries in order to transform political regimes, as was the case, for example, in Tunisia and Egypt. In other African countries (Senegal, Niger) these NGOs tried to support organizations of civil protest movements during the election campaigns for the presidential election.

In this regard, the problem of financing NGOs is of great importance, which has a direct impact on the trajectory of their development. Nevertheless, the State's continued control over the activities of NGOs prevents their politicization where this trend manifests itself.

Keywords: Africa, local non-governmental organizations, international non-governmental organizations, civil society, financing, cooperation, confrontation

For citation: Sadovskaya L.M. Non-governmental organizations in Africa: Role and place in the global political transformation. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. С. 41-48. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022730-5

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение неправительственных организаций (НПО) берет свое начало ещё в XVIII в. Безусловно, объединения того времени не имели той организационной структуры и не ставили перед собой тех задач, которые есть у современных НПО.

Первые международные неправительственные организации (МНПО), по мнению ряда исследователей, начали появляться в первой половине XIX в. Среди них были Британское и Международное общество борьбы против рабства, созданные в 1823 г. и в 1839 г. (*Anti-Slavery Society* и *Anti-Slavery International*) [1].

Бельгийский политолог, специалист по международному праву Хуан Андрес Фуэнтес Велис считает, что возникновение МНПО связано с именем Генриха Дюнана, швейцарского предпринимателя, который в 1859 г. стал свидетелем сражения при Сольферино в Ломбардии. Он был так потрясен масштабами кровопролития и скоростью мобилизации женщин, проживавших в той местности, для оказания помощи раненым и умирающим солдатам, брошенным на поле сражения, что описал увиденное в своей книге «Воспоминания о Сольферино». Она появилась спустя три года после этих событий, в 1862 г., и произвела большое впечатление на европейцев, подтолкнув общественное мнение к организации добровольной помощи раненым во время войны и созданию движения «*La Croix-Rouge*» («Красный Крест») в 1863 г. [2, р. 404]. До того времени в мире практически отсутствовали постоянные как неправительственные, так и межправительственные организации.

Само понятие «неправительственная организация» впервые было официально зафиксировано в 1945 г. в ст. 71 Хартии Организации Объединенных Наций. В ней подчеркивалось, что НПО не создается на законодательном уровне, она учреждается по желанию частных лиц и в соответствии с законами определенной страны получает легальный статус. В соответствии со ст. 58 и 71 Устава ООН, НПО имеют возможность получить консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС)¹.

Существование и деятельность НПО обусловлены, прежде всего, потребностями развития гражданского общества, которое, самоорганизуясь, образует внутри своей среды неправительственные организации, ставшие одним из его ключевых системообразующих компонентов.

Со временем некоторые из этих организаций вышли на международный уровень и приобрели статус международных (МНПО). Общее между НПО и МНПО заключается в том, что и те и другие выступают модераторами и медиаторами между властью и гражданским обществом. Отличие международных от национальных НПО состоит в том, что первые имеют свои отделения (филиалы) в других странах мира, вторые действуют только внутри государства своего происхождения.

Правовой статус МНПО определяется законодательством отдельных стран и, как правило, он аналогичен правовому статусу национальных НПО. МНПО сама выбирает место своего пребывания и может иметь филиалы (штаб-квартиры) в других странах. Например, *Greenpeace* находится в Нидерландах, а её филиалы расположены по всему миру [2, р. 409]. Фонд Фридриха Эберта имеет свои представительства более чем в 100 государствах.

Различные типы и виды неправительственных организаций в странах Африки определяют масштабы и характер их деятельности. Международные НПО работают на континенте самостоятельно или взаимодействуют с африканскими неправительственными организациями, занимаясь общим кругом вопросов. Наиболее распространен тип африканских организаций, являющихся филиалами международных НПО и получающих от них денежную помощь. Национальные НПО создают и возглавляют сами африканцы.

РОЛЬ НПО И МНПО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН АФРИКИ

В большинстве районов Африки на первых порах наиболее заметными организациями негосударственного типа были религиозные, миссионерские общества, которые, наряду со своей основной целью - распространением христианского учения на континенте - в рамках гуманитарной деятельности обучали африканцев грамотности. Они оказывали им медицинскую помощь, заботились о «бедных туземцах» и пр. [3, р. 146]. При миссиях различных европейских конфессий появились христианские общины, многочисленные «церковные» группы и ассоциации африканцев.

Заметное развитие и активизация большинства африканских ассоциаций и организаций наблюдалось в период после Второй мировой войны. Этот процесс был связан с подъемом национально-освободительной борьбы во главе с местными политическими партиями.

В первые десятилетия независимого существования африканских стран (1960-70-е гг.) происходило усиление регулирующей роли государства во всех сферах жизни. Власти в лице правящих партий в Гане,

¹ UN Charter/United Nations. <http://www.un.org/ru/documents/charter>

Гвинею, Танзанию, Кению и многих других странах континента стремились контролировать общество, в т.ч. и его добровольные общественные объединения. А установление однопартийных авторитарных или военных режимов фактически блокировало возможность отстаивать свои интересы через негосударственные каналы [3, p. 152].

С конца 1980-х - начала 1990-х гг. международные финансовые институты, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, вынуждали африканские страны, являющиеся, как они считают, их должниками, сокращать государственные расходы посредством проведения структурной перестройки экономики. Её реализация в значительной мере повлияла на возникновение многочисленных негосударственных субъектов, в частности, НПО. Прежде всего, речь идет о «правозащитных» организациях, которые заявили о себе ещё с началом проведения демократизации на континенте. Эти НПО концентрируют внимание на таких вопросах, как защита и охрана окружающей среды, соблюдение и отстаивание прав человека (особенно женщин, а также детей и беженцев). В Кении, например, к типу «правозащитных» принадлежит значительная часть неправительственных организаций, треть которых - иностранные.

Одновременно с появлением местных НПО на континенте наблюдалась активизация деятельности международных. К середине 1990-х гг. из 5 тыс. МНПО, действовавших в развивающихся странах в контакте с более чем 20 тыс. местных НПО, значительная часть приходилась на Африку [4, p. 24]. Среди них самыми известными, проявлявшими наибольшую активность на континенте, были и остаются следующие: *African Development Foundation (ADF)*, *Oxford Committee for Famine Relief (Oxfam)*, *LEAD Afrique francophone (LAF)*, *Enda Tiers Monde (ETM)*, *Open Society Initiative for West Africa (OSIWA)*, *Electoral Reform International Services (ERIS)*, *International Foundation for Electoral Systems (IFES)*.

Большинство из перечисленных МНПО имеют политическую направленность. Их главная цель - оказание помощи гражданскому обществу в «продвижении демократии». Она заключается в наблюдении за деятельностью правительства и межгосударственных структур, контроле выполнения государствами взятых на себя обязательств, мобилизации общественного мнения. МНПО работают как в целом с населением, так и с уязвимыми группами, недостаточно представленными в политической жизни (женщины, молодежь), молодыми политическими деятелями, возможными будущими лидерами, со СМИ и лидерами протестных движений.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НПО

При рассмотрении источников финансирования МНПО и НПО необходимо обратить внимание на то, что зачастую довольно сложно получить информацию о бюджете этих организаций, поскольку они нередко используют нелегальные, полученные противозаконно средства для своей деятельности, цели которой не всегда совпадают с политикой, проводимой правящим классом отдельных африканских стран. И как результат - нежелание правительств таких стран признавать у себя эти организации.

Несмотря на то, что многие МНПО формально не находятся в подчинении правительств, тем не менее они зачастую финансово зависят от них. К примеру, четверть денежных поступлений *Oxfam* (\$162 млн) в 1998 г. были получены от британского правительства и Евросоюза². В настоящее время одними из главных финансовых спонсоров этой организации являются фирма «Кока-Кола», фонды Мелинды и Билла Гейтс, Рокфеллера и Форда³. Кроме того, *Oxfam* содержала до пандемии *COVID-19* около 1200 магазинов по всему миру. Первый из них был открыт еще в 1948 г. В них продавались товары, безвозмездно предоставляемые обычными людьми, а также продукты под логотипом *Fair trade*, произведенные в бедных странах с соблюдением санитарных норм. Более полумиллиона человек в Великобритании делают регулярные финансовые пожертвования в *Oxfam*. Многие участники Лондонского марафона проводят свой забег с целью сбора денежных средств для этой МНПО [5].

Международные НПО, как правило, связаны со страной своего происхождения. Создание и финансирование американской НПО *African Development Foundation (ADF)* было одобрено Конгрессом США в 1977 г. [6]. Неправительственная организация *LEAD Afrique francophone (LAF)*, основанная в 2000 г., являющаяся членом международных организаций *Enda tiers Monde* и *Lead international*⁴, получает финансовую поддержку фонда Форда⁵, имеет филиалы в 21 стране Африки.

² См.: https://fr.abedef.Wiki/Non-gouvernemente_organisation#Founding (accessed 31.09.2021)

³ Les ONG en Afrique: un idéalisme impérial 03/03/2014. <https://institutfrantzfanon.org/les-ong-en-afrique-un-idealisme-imperial/> (accessed 19.10.2021)

⁴ Lead International создана в 1991 г. во время саммита в Рио-де-Жанейро. Её штаб-квартира располагается в Лондоне. В Южной Африке эта МНПО обосновалась в 1992 г., в Нигерии - в 1995 г. См.: *Lead Afrique francophone - inspiring leadership for a sustainable world*. <https://leadfrancophone.2021.org> (accessed 02.12.2021)

⁵ Rencontre entre les acteurs du projet Warefess. <https://leadafriquefrancophone.org/2017/12/14/rencontre-entre-les-acteurs-du-projet-warefess/> (accessed 23.09.2021)

МНПО *OSIWA*, основанная в 1993 г., со штаб-квартирой в Нью-Йорке, работает в Бенине, Гане, Гвинее, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Мали, Нигере, Сьерра-Леоне и Сенегале. Она входит во всемирную сеть неправительственных организаций, спонсируемых «политическим филантропом» Жоржем Соросом [7].

Немаловажную роль в финансовой поддержке неправительственных организаций в Африке играет Комитет по НПО при Экономическом и социальном Совете (ЭКОСОС). Одна из его главных задач - оказание помощи отдельным учреждениям ООН в их отношениях с неправительственными организациями. Эта структура два раза в год присваивает или отменяет специальный консультативный статус НПО при ЭКОСОС. Так, в 2021 г. она рекомендовала его 116 неправительственным организациям, из которых 71 - африканская⁶.

Существует много фондов, финансирующих НПО. Некоторые из них напрямую управляются Верховным комиссариатом ООН по правам человека (НСДН) и служат для оказания помощи гражданскому обществу, в частности, НПО, а также разного рода общественным организациям и профессиональным ассоциациям. Эти фонды поддерживаются правительственными, добровольными, общественными и частными взносами⁷.

Чтобы получить финансирование, НПО, как и другие организации гражданского общества, обязаны выполнить ряд условий, выдвигаемых учредителями. Прежде всего, они должны их тщательно изучить и убедиться в том, чтобы цели и задачи предлагаемых ими проектов полностью соответствовали административным и другим требованиям, предъявляемым этими фондами.

Финансовая поддержка, оказываемая неправительственным организациям со стороны ООН, осуществляется по нескольким направлениям и предоставляется тем из них, которые занимаются следующими проблемами:

1. защитой жертв насилия и пыток, оказанием медицинской, психологической, социальной, экономической, юридической, гуманитарной и других форм помощи пострадавшим;
2. отстаиванием прав автохтонного населения страны;
3. искоренением современных форм рабства;
4. предоставлением помощи в реализации проекта «Поможем сообществам все вместе» (Проект АСТ), который направлен на поддержку местных инициатив в области образования и воспитания, защиту прав человека⁸;
5. соблюдением прав инвалидов.

Особо стоит выделить один из самых крупных фондов ООН, в котором Комитет по НКО при ЭКОСОС играет важную роль, - Фонд для поддержки демократии.

Он предоставляет финансирование проектам, нацеленным на установление и укрепление демократических институтов, соблюдение прав человека, участие всех групп населения в демократических процессах. Нередко эти проекты разрабатываются в соответствии с предпочтениями доноров, а не тех, кого африканские НПО представляют.

Этот фонд, созданный в 2006 г., оказывает помощь как национальным, так и международным НПО во всех странах мира. Предпочтение отдается неправительственным организациям тех государств, где затруднен процесс развития демократии, которые менее «продвинуты» в этой области или находятся в постконфликтном состоянии развития при низком уровне доходов населения⁹.

При оказании финансовой помощи неправительственным организациям Фонд для поддержки демократии устанавливает довольно жесткие сроки выполнения их проектов - всего два года. Выделяемые для этой цели денежные суммы на порядок больше, чем на все вышеперечисленные проекты, вместе взятые. Они достигают \$500 тыс¹⁰. К тому же в деятельности всех этих фондов можно обнаружить механизм тотального вмешательства, осуществляемого пока под правозащитными лозунгами, которое, как отмечают члены-корреспонденты РАН Л.Л.Фитуни и О.И.Абрамова, облегчается «незавершившимся в широком смысле процессом деколонизации, сохранением элементов колониальности в мировой политике в целом, а во многих странах бывшей колониальной периферии и на внутреннем уровне» [11, p. 26].

⁶ Le Comité des ONG recommande le statut consultative spécial. <https://www.un.org/press/fr/2021/ong920.doc.html> (accessed 30.11.2021)

⁷ Fonds of subventions - OHCHR. https://ohchr.org/Documents/AboutUs/CivilSociety/Chaper9_fr.pdf (accessed 06.12.2021)

⁸ Например, на Мадагаскаре с помощью проекта АСТ была поддержана инициатива детей-инвалидов в создании кукольного спектакля и в изготовлении для него марионеток руками самих участников. В реализации проекта были задействованы ученики из 14 школ. По условиям финансирования, срок его реализации не должен был превышать 6 месяцев, а максимальный бюджет должен был составлять не более \$5000 (прим. авт.).

⁹ Fonds of subventions - OHCHR. https://ohchr.org/Documents/AboutUs/CivilSociety/Chaper9_fr.pdf. P. 189 (accessed 06.12.2021)

¹⁰ Ibidem.

По мнению французского антрополога Ф.Л.Девилля, «в странах бывшего Советского Союза, а также в развивающихся государствах, поддержка гражданского общества является неотъемлемой частью стратегии международных институтов развития, имеющих более или менее ясное и последовательное политическое видение и более или менее продуманную соответствующую институциональную инженерию» [8].

Вполне очевидно, что эта стратегия является одним из инструментов «Великой перезагрузки», которую главный идеолог Четвертой промышленной революции К.Шваб¹¹ рассматривает как средство для достижения эрозии, а затем и обрушения государства с целью создания глобального гражданского общества [9].

В ближайшее время планируется создать новую платформу по обслуживанию НПО при ЭКОСОС с использованием цифровых технологий, что дало бы возможность неправительственным организациям по всему миру участвовать в работе Комитета, который может стать центром управления этих организаций¹².

Что же касается МНПО, то более чем за 20 последних лет они уже «стали глобализованными благодаря созданию международных конфедераций, позволивших сформировать механизмы сотрудничества в рамках глобальных коалиций», например, ещё в 1995 г. 8 филиалов *Oxfam*, действовавших самостоятельно в Австралии, Бельгии, Великобритании, Гонконге, Канаде, Нидерландах, Новой Зеландии, США, объединились и создали *Oxfam International* [10, p. 7].

Антиэтатистские тенденции, отражающие сомнения в способности африканского государства обеспечивать единство и сплоченность общества, появлялись еще в конце 1980-х гг. Отказ от идеи этатизма был основан на положении о том, что крах постколониального, потребляющего много средств коррумпированного государства неизбежен. К тому же, согласно этим суждениям, последнему не удалось достичь своей главной цели - национального единства.

Один из сторонников концепции антиэтатизма профессор Л.К.Сосо (Люксембургский университет) считает, что поскольку «современное государство представляет собой постколониальный импортированный институт, базовая структура которого сохраняет колониальное наследие (убийства, пытки, изнасилования...), то его не стоит сохранять» [12].

Напротив, французский антрополог Р.Отэйек убежден, что гражданское общество, каким бы оно ни было важным для развития демократии, не может заменить государство. Это две «дифференцированные, но взаимодействующие сущности» [13, pp. 209-226]. По его мнению, «массовые организации должны вторгаться в государственную сферу, но не для того, чтобы её разрушать, а для создания системы управления общественными интересами» [13, pp. 215-216]. Р.Отэйек предупреждает, что «противопоставление международными донорами и двусторонними партнерами концепции гражданского общества этатистской ведет к делегитимизации государства» [13, p. 212].

Вместе с тем, предложение финансирования оказывает сильное влияние на траекторию развития местных НПО в эпоху новой «нормальности», управляемой неограниченной диктатурой финансового капитала, и социальной ответственности бизнес-структур в глобальном масштабе.

ГОСУДАРСТВО И НПО: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ ПАРТНЕРСТВО?

Для выполнения своей миссии неправительственные организации, являясь автономными, тем не менее должны поддерживать отношения с властью, поскольку нуждаются в её гуманитарной и финансовой поддержке [14, p. 217].

Французский политолог Кристелль Перрин (университет Лотарингии в Нансе) выделяет несколько типов этих отношений: основанные на сотрудничестве, на предоставлении услуг, на конфронтации [15, pp. 92-105].

Власть, как правило, благожелательно относится к социальной и гуманитарной стороне деятельности как местных, так и международных НПО в своей стране: оказанию медицинской помощи, образовательных услуг населению, решению проблем бедности и нехватки воды, защиты природы, прав женщин, детей, беженцев.

В качестве примера можно привести работу международной НПО *Aimes - Afrique* (Полюби Африку), которая вот уже 13 лет оказывает бесплатные медицинские услуги в 10 странах континента. Её партнерами являются такие неправительственные организации, как *PIT Togohilfe* (Немецкая частная инициатива «Помощь Того») и *Sternstunden* (Немецкое агентство сотрудничества)¹³.

¹¹ Клаус Мартин Шваб (р. 1938) - немецкий экономист; основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе с 1971 г. (*прим. ред.*).

¹² Fonds of subventions - OHCHR. https://Ohchr.org/Documents/AboutUs/CivilSociety/Chaper9_fr.pdf P. 174 (accessed 06.12.2021)

¹³ Aimes - Afrique Togo: organisations non-gouvernementales (ONG). 2021. <https://goafricaonline.com/tg/39433-aim-es-afrique-organisations-non-gouvernementales-lome-togo> (accessed 30.11.2021)

PIT Togohilfe занимается оказанием тоголезскому населению медицинской помощи, в том числе хирургической, а также содействует подготовке и обучению медицинского персонала, образованию детей и помогает развитию сельскохозяйственного предпринимательства. Главная цель деятельности этой организации - снижение детской смертности в сельской местности по причине полного отсутствия медицинской помощи. Более 10% обратившихся за помощью к *PIT Togohilfe* нуждались в хирургическом вмешательстве, которое было проведено. К тому же медперсонал продолжал наблюдение за прооперированными пациентами до их полного выздоровления.

Aimes - Afrique занимается также медицинским просвещением и медицинским страхованием африканского населения. И что не менее важно - проблемой его лекарственного обеспечения. Эта медико-хирургическая гуманитарная организация, которой руководит доктор Серж Мишель Кодома, получила аккредитацию от ЭКОСОС и Африканского Союза. В настоящее время *Aimes - Afrique* создает цифровую платформу для мобилизации финансовых, материальных и человеческих ресурсов в Африке¹⁴.

Нет сомнения, что такое направление в работе НПО приносит пользу государству. Она проявляется и в сокращении издержек на социальные расходы за счет финансовых средств, которые эти организации получают от международных фондов на благотворительные цели, и в предоставлении органам власти более достоверной информации о положении дел на местах, что способствует усилению социальной базы режима благодаря локальному решению ряда проблем, особенно в сферах здравоохранения и образования.

В данном контексте роль государства заключается в том, чтобы рассматривать предложения, касающиеся намерений НПО, принимая или, наоборот, отвергая их, когда те не связаны с улучшением окружающей среды, содействием в осуществлении прав человека, оказанием медицинской помощи, расширением возможностей экономического развития.

Однако нередко отношения между властью и неправительственными организациями носят конфронтационный характер. Власть, как правило, не признает критику в свой адрес, касающуюся, например, улучшения качества исполнения государственных функций, репрессивных мер, принимаемых ею по отношению к оппозиционно настроенным политическим лидерам, особенно в период электоральных кампаний.

Сохраняя контроль над деятельностью НПО и других организаций гражданского общества, государство препятствует их политизации. К примеру, в ряде африканских стран (Уганде, Зимбабве, Нигере, Сенегале, Эфиопии) власть пытается сузить пространство для самостоятельной деятельности НПО, особенно тех, которые получают финансирование из-за рубежа.

Например, в Эфиопии в 2009 г. была принята Декларация по благотворительности и общественным организациям, в соответствии с которой определение «организация-резидент» может применяться к любой НПО, более 10% бюджета которой сформировано за счет иностранных источников [16]. Таким организациям запрещено заниматься защитой прав человека, этническими проблемами, разрешением конфликтов, вопросами демократизации. На момент принятия Декларации подавляющее большинство НПО в Эфиопии не вписывались в десятипроцентный лимит на иностранное финансирование и должны были прекратить свою деятельность¹⁵.

Несмотря на смягчение в 2019 г. некоторых требований в отношении НПО с иностранным финансированием, в соответствии с Постановлением об организациях гражданского общества, эфиопские неправительственные организации всё же должны ежегодно предоставлять Агентству организаций гражданского общества (CSA) сведения о доходах, превышающих \$6850 [17]. Таким образом, государство создает нормативную базу для НПО с целью осуществления контроля над ними.

В Алжире в 2012 г. были приняты более жесткие меры. Согласно закону № 12-06 «Об общественных организациях», всем ассоциациям было запрещено получать средства от дипмиссий и иностранных НПО, за исключением «учрежденных должным образом и разрешенных компетентными властями страны при наличии соответствующего соглашения с ними». В случае нарушения «возможно приостановление деятельности или ликвидация организации по решению суда» [16].

В Уганде в 2021 г. правительство приостановило деятельность 54 НПО под предлогом «несоблюдения закона» о неправительственных организациях. Одних - из-за просроченных разрешений и работы без регистрации, других - по причине отсутствия годовых отчетов и финансовых счетов. Но это был лишь формальный повод. На самом деле многие из этих НПО были заподозрены во вмешательстве в президентские выборы, состоявшиеся в январе 2021 г. По их результатам президент Йовери Мусевени¹⁶ был переизбран

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ В их число вошли: Африканская инициатива по демократическому и мировому порядку (*AIDWO*), Организация за социальную справедливость в Эфиопии (*OSJE*), Общество содействия развитию образования в области прав человека (*SAHRE*), Эфиопская федерация инвалидов (*EFPD*), Эфиопская ассоциация помощи женщинам *Kembatta* и др. (прим. авт.)

¹⁶ Йовери К.Мусевени находится у власти с 1986 г. (прим. авт.).

на шестой срок. Все дело в том, что некоторые НПО, оказавшиеся в списке «нежелательных», во время этих выборов участвовали в наблюдении за голосованием. После выборов их офисы были подвергнуты обыскам силами безопасности, а несколько руководителей были арестованы¹⁷.

Власти некоторых стран, в частности Сенегала, выступают против сотрудничества таких МНПО, как *Oxfam*¹⁸, *LEAD Afrique francophone (LEADAF)* и *OSIWA*, с гражданским протестным движением (ГПД) - «*Y'en a marre*», созданным в 2011 г. в результате активных социальных протестов. В 2018 г. эти организации получили уведомление от МВД с требованием прекратить сотрудничество с этим движением во избежание аннулирования разрешения на их деятельность. А ассоциация *LEADAF*, являющаяся административным и финансовым менеджером «*Y'en a marre*», по требованию властей должна была 16 ноября 2018 г. завершить свою деятельность на территории Сенегала из-за обвинения в «незаконных финансовых операциях» [7].

Такое решение со стороны сенегальского государства было продиктовано тем, что финансовая поддержка этими МНПО одного из самых известных в странах Западной Африки ГПД помогло бы ему объединить оппозиционные силы перед президентскими выборами в октябре 2019 г. и не допустить переизбрания на второй срок действовавшего главы государства М.Салля. Сенегальские власти сочли финансовую помощь «*Y'en a marre*» вмешательством во внутреннюю политику государства.

И все же отношения большинства африканских стран с международными и местными НПО носят сбалансированный характер, направленный на избежание конфронтации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере утверждения либерально-демократической модели мироустройства деятельность НПО распространялась и на африканские страны. Она соответствовала интересам политики, проводимой международными финансовыми институтами на Африканском континенте.

МНПО служили инструментом влияния не только на местные африканские НПО, но и в какой-то степени на социально-политические процессы в странах их пребывания.

В отличие от коммерческих организаций, которые несут ответственность перед акционерами за размер прибыли, НПО отвечают перед донорами за результаты своей работы по реализации заявленных целей и проектов. Они занимаются не только гуманитарной деятельностью: борьбой с бедностью, нехваткой воды, помощью беженцам и пострадавшим во время эпидемий и конфликтов, но и оказывают поддержку в продвижении демократии, установлении и укреплении демократических институтов. Как правило, эти проекты связаны с предпочтениями иностранных доноров, а не тех, чьи интересы африканские НПО представляют.

К тому же МНПО занимаются подготовкой молодых африканских лидеров, заинтересованных в службе своим покровителям, основная цель которых - создание нового геополитического пространства и интернационализация всех сторон жизни современных государств, в первую очередь тех, которые обладают большими запасами полезных ископаемых и других природных богатств.

Учитывая быстро меняющуюся обстановку в мире, деятельность МНПО, превратившихся в транснациональные, будет видоизменяться и приспосабливаться к новым условиям.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Воронков Л.С. Международные межправительственные и неправительственные организации в системе международных отношений. М.: МГИМО-Университет. 2018. 351 с.
Voronkov L.S. 2018. International intergovernmental and non-governmental organizations in the system of international relations. Moscow. 351 p. (In Russ.)
2. Fuentes Véliz Juan Andrés. L'Evolution du rôle des organization non gouvernementales dans le droit de l'environnement (article). *Revue européenne de Droit de l'Environnement*. Année 2007, 11-4.
3. Громова О.Б. Неправительственные организации и гражданское общество. Африка: проблемы становления гражданского общества. М., ИАФр. 2009.
Gromova O.B. 2009. Non-governmental organizations and civil society. Africa: Problems of the formation of civil society. Moscow. (In Russ.)
4. African Development. Dakar. 2004. Vol. XXIX. № 4.
5. Analyse du contexte en Afrique de l'Ouest pour la stratégie de l'Oxfam international dans cette région. Institut Fondamental d'Afrique Noire. Cheikh Anta Diop, de Dakar. 2010. *Les études internationales du LARTES*. № 12, 2010.

¹⁷ En Ouganda le gouvernement suspend les activités de 54 ONG pour non-conformité. https://www.le-monde-fr/afrique/article/2021/08/20/en-ouganda-le-gouvernement-suspend-les-activites-de-54-ong-pour-non-conformite_6091899_3212.html (accessed 09.10.2021)

¹⁸ На реализацию своих проектов движение «*Y'en a marre*» получило €145038 от *Oxfam* (прим. авт.).

6. Jacques Fontanel et Yanne Echinard. La puissance économique-politique des organisations non gouvernementales dans le monde d'aujourd'hui. https://afri-ct.org/wp-content/uploads/2009/12/49_Fontanel_Echinard_ONG.pdf (accessed 06.10.2021)
7. Manon Laplace (2018). Sénégal: les autorités cherchent-elles à museler l'association citoyenne Y'en a marre? <https://jeuneafrique.com/665502/politique-senegal-les-autorites-cherchent-elles-a-museler-lassociation-citoyenne-y-en-a-marre/> (accessed 18.10.2021)
8. Delville Philippe Lavigne. 2014. Deux ou trois choses sur la société civile. <https://antropoimpliquee.org/2020/11/15/2014-deux-ou-trois-choses-sur-la-societe-civile/> (accessed 16.04.2021)
9. Swab, K., Mallere Thierry. Covid-19: The Great Reset. World Economic Forum. 2020.
10. Davies Thomas Richard. La transformation des ONG internationales et leurs effets sur l'aide au développement // *International Development Policy*. 2012/3.
11. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения. *Полис. Политические исследования*. М.: 2020. № 6.
Fituni L.L., Abramova I.O. 2020. The political theory of decolonization: Imperatives of modern reading. *Polis. Political Studies*. Moscow. № 6. (In Russ.)
12. Sosoe Lucas K. 2019. Postcolonialité et légitimité du pouvoir politique en Afrique. *Revue de philosophie de Sciences humaines*. <https://journals.openedition.org/leportique/3069?lang=en> (accessed 07.04.2021)
13. Otayek R. 2009. La problématique "africaine de la société civile", in Gazibo M. et Thiriot C., ed., *La politique en Afrique*. Paris, Karthala.
14. Садовская Л.М. Государство и гражданские организации: конфронтация или партнерство? Африка: проблемы становления гражданского общества. М.: ИАФР РАН, 2009.
Sadovskaya L.M. 2009. State and civil organizations: confrontation or partnership? Africa: Problems of the formation of civil society. Moscow. (In Russ.)
15. Perrin Christelle. La nature de la relation entre gouvernement et associations: le rôle de la confiance. *Rimhe: Revue internationale Management. Homme et entreprise*. 2013/2. № 6, V. 2.
16. Петров С. 2014. Что грозит НКО с иностранным финансированием в разных странах. <https://asi.org.ru/2014/07/02/inostrannoe-finansirovanie> (accessed 11.10.2021)
Petrov Stanislav. What threatens NGOs with foreign funding in different countries. (In Russ.). <https://asi.org.ru/2014/07/02/inostrannoe-finansirovanie> (accessed 11.10.2021)
17. Mwenda Caleb. 5 conseils pour enregistrer une ONG en Afrique de l'Est. <https://2021.abcxpat.com/blog/fr/5-conseils-pour-enregistrer-une-ong-en-afrique-de-lest> (accessed 15.01.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовская Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Lubov M. Sadovskaya, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Sociological and Political Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 25.08.2022

Развитие экосистемы цифровых инноваций Кении

© Калиниченко Л.Н.^{a,b}, Новикова З.С.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-7680-410X; dubrava-16@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются процессы трансформации экономики Кении на современном этапе, характеризующиеся не столько развитием индустриального сектора, сколько ростом сектора услуг, связанным с внедрением цифровых технологий.

В стране создана одна из (наряду с Нигерией, ЮАР и Египтом) крупнейших и динамично развивающихся технологических экосистем в Африке, что было обусловлено появлением в Кении в начале 1990-х гг. провайдеров интернет-услуг, созданием в начале 2000-х гг. сетевой инфраструктуры для взаимного обмена трафиком, запуском в 2007 г. платформы мобильных платежей *M-Pesa*, прокладкой в 2009 г. подводных кабелей, что значительно упростило доступ к интернет-услугам населению по всей стране, а также формированием в столице страны Найроби технологического кластера.

В перспективе цифровой трансформации экономики Кении лежит создание адекватной инфраструктуры ИКТ и доступ к широкополосным сетям всем гражданам страны. Развитие телекоммуникационных технологий и инноваций поставлено в ряд основных задач, обозначенных программой «*Vision Kenya 2030*». Достигнуты определенные успехи в направлении охвата страны сетями 3G/4G/5G. Для усиления цифровой интеграции используются новые технологии, специально ориентированные на условия развивающегося мира: интернет-провайдер *BRCK* для доступа в интернет в удаленных районах и технология беспроводного интернета на базе светового луча. Программа цифровой грамотности Кении направлена на системные изменения в области начального и высшего образования путем включения инноваций в процесс обучения.

Ключевые слова: Кения, цифровая трансформация, технологическая экосистема, мобильные технологии, широкополосная инфраструктура, цифровая грамотность

Для цитирования: Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. Развитие экосистемы цифровых инноваций Кении. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 49-56. DOI: 10.31857/S032150750022720-4

Kenya's digital innovation ecosystem development

© Lyudmila N. Kalinichenko^{a,b}, Zinaida S. Novikova^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-0531-9873; kalinichenkolyudmila@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-7680-410X; dubrava-16@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the features of Kenya's economy transformation characterized not so much by the industrial sector development, but the growth of the service sphere associated with the introduction of digital technologies, which determines the creation of new direct and indirect jobs and professions. Kenya has created one of the largest and fastest growing technological ecosystems in Africa. It was due to several factors, such as the emergence of Internet service providers in the early 1990s, the network building for mutual traffic exchange in the early 2000s, the launch of the M-Pesa mobile payment platform in 2007, the laying of submarine cables in 2009 and the formation of a technology cluster in Nairobi. E-business is becoming more widespread in the country, including financial technologies, banking, e-commerce, logistics services, the usage of digital automated technologies for industry, agriculture, healthcare, and education. Digital innovation is driving productivity gains in key sectors of the economy.

The creation of adequate ICT infrastructure and access to Fiber Optic Broadband infrastructure for all the citizens, including low-income population, are the base for Kenya's digital transformation. It is a key enabler in delivering Kenya's Vision 2030 flagship project. The expanding of mobile broadband technologies 3G/4G/5G is vital for socio-economic growth. Some new technologies, which oriented at the conditions of developing countries, are used for increasing digital integration: BRCK that assures consistent internet access even in the very remote areas and new technology of wireless internet on the base of light beam. The very important problem is the creation of qualified specialists for digital economy.

Keywords: Kenya, digital transformation, technology ecosystem, mobile technologies, fiber optic broadband infrastructure, digital literacy

For citation: Lyudmila N. Kalinichenko, Zinaida S. Novikova. Kenya's digital innovation ecosystem development. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 49-56. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022720-4

ВВЕДЕНИЕ

Экономика Кении в период до пандемии развивалась весьма динамично: рост ВВП в 2015-2019 гг. составил, в среднем, 4,7%. Увеличение занятости наблюдалось в первую очередь в секторах инновационных вы-

сококвалифицированных услуг, включая ИКТ, финансовые технологии (финтех), телемедицину, онлайн-образование, занятость в которых выросла на 10% в 2015-2019 гг.

Пандемия *COVID-19* оказала большое влияние на рынок труда, вызвав потерю рабочих мест и переход части рабочих и служащих в сельское хозяйство. Сектор услуг и городские районы пострадали больше всего. Доля занятых в сфере услуг снизилась на 7%, сведя на нет почти все предыдущие достижения. Сельское хозяйство привлекло 1,6 млн дополнительных рабочих рук, увеличив свою долю в занятости с 47% до 54% за один год. Правительство наметило ряд мер для поддержки компаний, включая снижение барьеров для торговли, расширение доступа к цифровым технологиям¹.

В 2021 г. наблюдался определенный экономический подъем, хотя он остается крайне неравномерным по секторам. Рост ВВП, по оценкам, в 2021 г., составил 5%, а уровень бедности, по прогнозам, может снижаться после роста во время пандемии *COVID-19*. В соответствии с программой «*Vision Kenya 2030*» («Видение Кении 2030»), президент страны Ухуру Кениата обозначил приоритетные направления стратегии «Большой четверки» (производство, всеобщее здравоохранение, доступное жилье и продовольственная безопасность)².

Кения входит в пятерку лидеров Африки по нескольким ключевым направлениям, включая инфраструктуру, покрытие мобильной и широкополосной связью, цифровой контент и услуги, 2-е место по доступу к цифровым рабочим местам, 3-е место в Африке южнее Сахары (АЮС) по глобальному инновационному индексу. За достигнутые результаты технологический кластер Найроби получил название Африканской кремниевой саванны. В регионе Восточная Африка Кения занимает самые высокие позиции по обращению мобильных денег и развитию мобильного банкинга. Кения привлекает интерес крупнейших мировых технологических компаний *Google, Microsoft, IBM, Oracle, Cisco, SAP*, которые разместили в стране свои региональные офисы.

ИНФРАСТРУКТУРА ИКТ КАК ОПОРА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ КЕНИИ

Всплеск развития общей инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) относят к введению в стране в 2009 г. широкополосного интернета. Подводные оптоволоконные кабели позволили совершить резкий скачок, оставив позади существовавшие ранее спутниковые технологии и обеспечив населению относительно недорогой доступ в международную паутину как с компьютеров, так в дальнейшем и с мобильных телефонов³.

Развитие сектора ИКТ явилось очень мощным дополнительным импульсом в достижении цели ООН в области устойчивого развития ЦУР-9 (улучшение в сфере информации, инноваций и инфраструктуры), являющейся наряду с энергетикой фундаментом, лежащим в основе выполнения всех других целей устойчивого развития. Цифровая инфраструктура, представляемая наземными и подводными кабелями, точками обмена трафиком, интернетом и центрами обработки данных, обеспечивает возможность реальных цифровых преобразований.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (*World Intellectual Property Organization*) признала Кению страной АЮС, где наблюдается «высокая в сравнении с общим уровнем экономического развития инновационная активность». В 2017 г. Кения вошла в группу «динамичных новаторов» с рейтингом 80 в числе 100 достаточно продвинутых стран мира, где ключевое значение имеет сохранение или наращивание инновационной деятельности [1].

Стержень цифровой инфраструктуры Кении составили проложенные вдоль побережья 4 подводных кабеля - *SEACOM, TEAMS, EASSY, LION*, ставшие главными драйверами роста фиксированного интернет-проникновения, одного из самых качественных, быстрых и надежных в регионе. Развитие телекоммуникаций, технологий и инноваций было поставлено в ряд основных задач программы «Видение Кении 2030» [2]. Широкополосная сеть растет как за счет государственной сети, так и за счет сетей частных компаний. Сеть 3G покрывает 17% территории страны, охватив 78% населения. Сеть 4G на 15% площади доступна для 37% населения. По заявлению правительства, начато осуществление пилотного проекта по прокладке сети 5G. В стране работают 4 главных сотовых оператора: *Safaricom* с 72,5% рынка, *Airtel* (17,6%), *TeleKom Kenya* (7,4%) и недавно действующая *Finserve Africa Equitel* (3,8%). За прошедшие 25 лет со времени появления мобильной телефонии сеть телекоммуникаций резко выросла. Количество подписчиков поднялось с 7,9 до 114,7 на каждые 100 жителей. В 2019 г. годовой прирост подписчиков составил 10,2%, увеличив общее число до 54,6 млн человек [3].

¹ <https://www.worldbank.org/en/country/kenya/publication/post-covid-19-recovery-and-economic-transformation-will-be-increasingly-service-sector-led> (accessed 25.03.2022)

² WB (2021) Kenya Overview. <https://www.worldbank.org/en/country/kenya/overview#1Overview> (accessed 15.02.2022)

³ https://www.itu.int/en/itu/news/documents/2017/2017-03/2017_ITUNews03-ru.pdf (accessed 18.02.2022)

Рынок информационных технологий Кении оценивается на середину 2020 г. в \$635 млн, в т.ч. рынок готовых компьютеров - \$360 млн и программного обеспечения - \$174 млн. Годовой прирост рынка телекоммуникационного оборудования составил 6%. Сектор ИКТ вносит ключевой вклад в ВВП в объеме 8%, создав более 250 тыс. рабочих мест [3].

Выполняемая Государственная программа развития цифровой экономики (*Digital Economy Blueprint*) предполагает возможность совершить новый скачок в экономическом развитии. Предусмотренный правительством национальный бюджет на 2021-2022 гг. составляет \$210 млн, в т.ч. \$100 млн на создание служб цифрового правительства, \$67 млн - на программу Цифровая грамотность (*Digital Literacy Program*), \$12 млн - на расширение национальной оптоволоконной сети (*National Optical Fiber Backbone, Phase 2 Expansion Cable*), \$11 млн на ввод сети *Eldoret Fiber Optic Cable* и \$16 млн - на продолжение развития технологического парка Конза [3].

Программа «Национальная стратегия развития широкополосной связи 2023» (*National Broadband Strategy, NBS 2023*) нацелена на мировое признание Кении страной с экономикой, основанной на знаниях, путем предоставления доступа к широкополосным сетям всем гражданам страны. Для решения поставленной задачи предусматривается возможность доступа к сетям 3G для 94% населения и достижение уровня цифровой грамотности в 85% - в школах и 50% - среди занятых в экономике. Осуществлению этой цели помогут Президентская цифровая программа для талантливой молодежи (*Presidential Digital Talent Program*) и программа «Центр высокого мастерства» (*Centre of Excellence*) на базе Госуниверситета в Найроби.

С развитием цифровых технологий происходит трансформация общества и рынка труда, создается потенциал для появления новых рабочих мест, поэтому цифровая грамотность становится неотъемлемой частью нового времени. Принятая в Кении Программа цифровой грамотности (*Digital Literacy Program*) является одной из самых масштабных образовательных программ в Африке, направленной на системные изменения в области начального и высшего образования путем включения инноваций в процесс обучения.

Для решения проблем школьного образования в направлении повышения цифровой грамотности учащихся программа предусматривает 5 основных направлений:

1. Обучение учителей по использованию цифровых технологий в школьном образовании;
2. Предоставление устройств широкополосной связи, включая хранилища и серверы, используемые учениками во время обучения. В целях бесперебойного обеспечения электроэнергией в большинстве школ установлены солнечные панели;
3. Предоставление контента для цифрового обучения (оцифрованные тексты, аудио- и видеофайлы, графика, анимации и изображения, подготовленные кенийским Институтом разработки учебных программ);
4. Организация локальной сборки цифровых устройств и сопутствующих аксессуаров.

В рамках реализации программы был выполнен целый ряд работ, в т.ч. подключение к электросети более 22,3 тыс. школ, в 3,2 тыс. были установлены солнечные панели; более 20 тыс. школ (83,5% от общего числа) оснащены необходимым оборудованием и устройствами ИКТ; 331 тыс. учителей прошли обучение по использованию ИКТ-технологий⁴. В целях повышения цифровой грамотности власти сотрудничают с американскими компаниями *Oracle* и *Microsoft*. Растет число пользователей интернета: на конец 2021 г. их насчитывалось 23,35 млн человек, за год их количество увеличилось на 1,6 млн. Таким образом, проникновение интернета охватило 42% населения страны [3]. Мобильная интернет-связь растет гораздо быстрее, чем через фиксированный интернет.

Жители Кении довольно активно пользуются социальными сетями. Самой популярной к началу 2021 г. стала платформа *Facebook*, которой пользуются 9,95 млн человек (17,9% населения старше 13 лет), причем 42,9% пользователей - женщины и 57,1% - мужчины. *You Tube* используют 9,29 млн человек (16,7% населения, 39,8% от количества интернет-пользователей, в т.ч. 42,7% - женщины и 57,1% - мужчины). Платформа *Instagram* имеет 2,5 млн подписчиков, что эквивалентно 4,5% населения. Используются также платформы *Facebook Messenger* (1,9 млн), *LinkedIn* (2,9 млн), *Snapchat* (1,75 млн), *Twitter* (1,35 млн)⁵.

Успешное развитие получает современное направление по торговле компьютерными услугами (*IT-outsourcing*) и услугами по обслуживанию производственной и коммерческой деятельности (*business process outsourcing, BPO*), представляющее собой передачу части операций по бизнесу партнеру из другой страны. В стратегическом плане развития Кении «Видение 2030» это направление было выделено как одна из 6 предлагаемых планом основ в достижении среднего уровня экономического развития (*medium developed economy*) [2].

⁴ <https://XZ.UZ/post/kenya-povishenie-urovnya-tsifrovoj-integratsii-s-pomoschyu-technologij>. 12.12.2020 (accessed 18.01.2022)

⁵ <https://datareportal.com/report-digital-2022-kenya> (accessed 20.02.2022)

Кения обладает существенными преимуществами для развития этого направления, имея один из самых высоких в АЮС темпов прироста экономики и квалифицированную рабочую силу в лице образованной молодежи. Столица Найроби в 2014 г. вошла в число мировых центров ИТ-услуг, заняв 97-е место в рейтинге. В стране несколько компаний работают в этом направлении - *Oasis Outsourcing Kenya, Adopt Technologies Ltd, Telesky Ltd, Hugo Kenya, Horizon Contract Center*⁶.

Кения рассматривает возможности углубления сотрудничества с Китаем. В ходе состоявшейся в конце 2019 г. Конференции по сотрудничеству Китая и Кении в области развития цифровой экономики было заявлено о стремлении Китайской федерации интернет-компаний укрепить сотрудничество и наладить диалог между компаниями обеих стран. Кения получила предложение вступить в Глобальный альянс цифровой экономики (*D50*), созданный по инициативе Китайской торговой палаты электронной промышленности и 50 китайских промышленных организаций и ведущих компаний. Компания по цифровому маркетингу *Star Times Kenya* высказала надежду на усиление роли Китая в обеспечении Кении доступным интернетом и смартфонами⁷. На стадии завершающего этапа национальной программы Кении *NBS 2023* китайская компания *Huawei* стала подрядчиком по прокладке 1600 км оптоволоконных линий, связывающих все 47 административных округов⁸.

По данным Доклада о развитии цифровой экономики 2021 [4], возможности созданной в стране системы ИКТ могут быть оценены с точки зрения ряда показателей:

- 98% жителей имеют сим-карты, интернет доступен для 65%, 52% из которых - владельцы смартфонов;
- 84% заявляют о том, что цифровые устройства и сервисы делают их жизнь лучше, 1,2% утверждают обратное;
- доход 30% жителей увеличился в результате пользования цифровыми сервисами;
- 94% стали пользователями мобильных денег, причем у 44% из них произошел рост использования в период пандемии *COVID-19*;
- по опросу, 45% респондентов предвидят, что национальная программа комплексной биометрической регистрации *Huduma Namba* облегчит их жизнь, но 19% пока не убеждены в ее пользе;
- 49% знакомы с платформами *e-government*, 55% из которых пользуются ими, в т.ч. 81% пользователей обращается за помощью в специальные президентские центры;
- 16% использовали платформу *e-commerce* для покупок или продаж;
- 44% самостоятельно занятого населения используют цифровые сервисы для поддержания бизнеса и только 15-18% из них применяют более продвинутые технологии;
- у 35% респондентов использование цифровых технологий вызывает тревогу;
- 3% никогда не пользовались мобильными деньгами, из них 85% - сельские неграмотные или малограмотные жители;
- продвинутые пользователи насчитывают 35% женщин и 54% мужчин.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СВЯЗИ

Экспериментальная беспроводная сеть, работающая на основе светового луча, который фиксируется приемной станцией на удаленной точке приема, запущена в Кении разработчиками из американской холдинговой компании *Alfabet*⁹. Проект *Free Space Optical Communication (FSOC)* позволяет добиться передачи данных на расстояние примерно 20 км без развертывания проводной инфраструктуры. Первые тесты показали хорошие результаты. Технология может обеспечить скоростной связью жителей удаленных районов при единственном условии нахождения в пределах видимости от базовой станции. Пропускной способности такой магистрали мощностью в 20 Гб достаточно для подключения к сети и просмотра *YouTube* для тысячи человек. Проект осуществляется в сотрудничестве с компаниями *Liquid Telecom, Econetgroup*.

Очень важным с точки зрения решения реальных технических проблем развивающихся стран в области телекоммуникационной связи является разработанное и спроектированное кенийской некоммерческой

⁶ List of Business Process Outsourcing Companies in Kenya. 12.10.2021. <https://victormatara.com/list-of-business-process-out-sourcing-companies-in-kenya> (accessed 01.03.2022)

⁷ <https://news.rambler.ru/other43056721-kitay-stremitsya-ukreplit-sotrudnichestvo-s-keniey-v-oblasti-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki/> (accessed 20.02.2022)

⁸ <https://prc.togay/kitaj-investiruet-v-sector-informacionno-kommunikaczionnyh-tehnologij-afriki/> (accessed 05.02.2022)

⁹ *Alfabet* запустила в Кении беспроводной интернет при помощи «оптоволокна без волокна». 11.11.2020. <https://itu.futur/176406-alfabet-zapustila-v-kenii-besprovodnoy-internet-pri-pomoshchi-optovolokna-bez-voлокna> (accessed 10.03.2022)

технологической компанией *Ushahidi* резервное устройство для доступа в интернет - *BRCK*¹⁰. Оно представляет собой *Wi-Fi* роутер большой мощности, который при подключении к мобильным сетям *3G/4G* обеспечивает доступ в интернет через независимую сеть *Wi-Fi* в радиусе приблизительно 100 м. Особенностью системы является возможность питания от различных источников и при необходимости переключение с сетевого питания на аккумуляторное, что обеспечивает полную независимость от энергоснабжения. Разработанное для условий развивающегося мира, устройство предназначено обеспечить доступ в сеть в случае, когда коммуникационная или энергетическая инфраструктура вышла из строя (к примеру, часто случаются в Кении отключения от энергоснабжения).

BRCK обеспечивает возможность интернет-соединений даже для низкооплачиваемого населения и в самых удаленных районах, не имеющих доступа к широкополосному интернету. Так, в виде продукта *Kio Kit* технология позволяет мгновенно превратить помещение обычного класса в цифровой класс¹¹. В Кении рассматривают *BRCK* как стимул для создания современных аппаратных инноваций в странах Африки. По словам директора *Ushahidi*, Кения мечтает создать в стране культуру аппаратного обеспечения, Кении очень нужна бытовая электроника с надписью «Сделано в Кении». Интернет-провайдер *BRCK* получил распространение в ЮАР, Нигерии, Руанде.

КРЕМНИЕВАЯ САВАННА - ЭКОСИСТЕМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАРТАПОВ

Кения занимает ведущие позиции в Африке по числу технологических стартапов (50 в 2019 г.) наряду с Нигерией (90), ЮАР (78) и Египтом (56).

Главную роль в развитии стартап-индустрии играет столица страны Найроби, где сформировался технологический кластер, представляющий собой агломерацию инновационных компаний (инкубаторов, акселераторов, инновационных центров на базе университетов, технопарков, коворкингов).

Новые центры открываются и в других городах - *Swahilibox* в Момбасе, *Lakehub* в Кисуму, *Dlab Hub* в Элдорете, *Sote Hub* в Вои, *Ubunifu* в Мачакосе, *Mt. Kenya Hub* в Ньери и др. Их деятельность направлена на поддержку предпринимателей в технологической, творческой и культурной нишах. В 2020 г. технологические стартапы Кении привлекли более \$304 млн венчурного капитала. Страна заняла по этому показателю 2-е место в Африке после Нигерии (\$307 млн). Частные предприятия и инвесторы привнесли основную часть этих инвестиций¹².

Запуск компанией *Safaricom* в 2007 г. платформы мобильных платежей *M-Pesa* создал технологическую основу для пользователей других инновационных стартапов. Одним из первых технологических центров стал в 2010 г. стартап *iHub*. В июле 2011 г. правительство выступило с инициативой *Kenya Open Data*, которая предусматривала создание онлайн-портала (*opendata.go.ke*), открывающего свободный доступ к ключевым статистическим данным в цифровом формате для исследователей, предпринимателей, разработчиков и широкой общественности [5].

Стартапы технологического кластера Найроби охватывают широкий спектр областей (см. табл.).

Успех стартапов привлек инвестиции мировых компаний, в частности *IBM*, *Intel*. В 2019 г. *Microsoft* запустила Африканский центр развития в Найроби с возможностью трудоустройства местных специалистов. Российские предприниматели также создали в Найроби стартап микрокредитования - *AfricaLoan*, о чем пишет в своей статье Л.Л.Фитуни, характеризуя финтех как «специфическую зону взаимного наложения сфер финансовых услуг, медиа и телекоммуникаций и передовых технологий», что существенно отличается от традиционных финансовых услуг [6].

Становление финтеха в Кении показывает динамичные связи между цифровизацией и созданием рабочих мест. Например, в Кении число мобильных банковских агентов выросло с 300 в 2007 г. до более 240 тыс. в 2020 г. Конкурентное давление со стороны системы мобильных платежей вынуждает традиционные коммерческие банки внедрять цифровые финансовые и агентские услуги для малообеспеченного населения. В результате значимость неформальных финансовых услуг значительно снизилась, а доля взрослого населения, обслуживаемого банками, увеличилась с 26,7% в 2006 г. до 82,9% в 2019 г. Мобильные финансовые услуги теперь позволяют использовать новые бизнес-модели, такие как финансирование с оплатой по мере использования [7].

¹⁰ Meet an Unreasonable Venture BRCK. 2019. <https://unreasonablegroup.com/meet-an-Unseasonable-Venture-BRCK> (accessed 18.01.2022)

¹¹ https://www.itu.int/en/itu/news/documents/2017/2017-03/2017_ITUNews03-ru.pdf (accessed 15.01.2022)

¹² Africa Tech Venture Capital Report 2020. https://cdn-website.partechpartners.com/2021-02_Partech_Africa-2020_Africa_Tech_VC_Report_1.pdf (accessed 05.03.2022)

Таблица. Характеристика ряда ведущих стартапов Найроби
Table. Characteristics of some Top Nairobi's Start-ups

Компания	Сектор	Год основания, учредители	Число занятых	Привлеченный капитал, \$ млн
<i>Safaricom</i>	ИКТ	1997	7610	2590,0
<i>Cellulant</i>	Финтех	2004	440	54,5
<i>Africa's Talking</i>	ИКТ	2010 <i>Kimani E., Gikandi S.</i>	101-250	8,6
<i>M-KOPA</i>	Энергетика	2011 <i>Larson C., Moore J. Hughes N.</i>	500-1000	190,0
<i>Eneza Education</i>	Онлайн-образование	2011 <i>Asego C. Kagichiri K.</i>	11-50	0,6
<i>Copia Global</i>	<i>E-commerce</i>	2012 <i>Lewis J., Turner T.</i>	251-500	53,0
<i>Ajua</i>	Облачные технологии	2012; <i>Griffith K., Majanja L.</i>	11-50	3,5
<i>Twiga Foods</i>	<i>E-commerce</i>	2013 <i>Brooke G., Njonjo P.</i>	500-1000	107,1
<i>AZA Finance</i>	Финтех	2013 <i>Ludlum A., Chen C., Rossiello E.</i>	101-250	50,0
<i>Sendy</i>	<i>E-commerce</i>	2014 <i>Okoth D., Biwott E., Judd M.</i>	101-250	26,5
<i>PayGo Energy</i>	Чистая энергия	2014 <i>Marcigot F., Hahn M., Quintong N.</i>	11-50	8,5
<i>Lendable</i>	Финтех	2014 <i>Batra A., Goldfarb D., Fried D.</i>	1-10	12,0
<i>Wasoko</i>	<i>E-commerce</i>	2015 <i>Daniel Yu.</i>	...	125,0
<i>Lori Systems</i>	<i>E-logistics</i>	2016 <i>Ngaruiya E., Sandler J.</i>	100-250	37,7
<i>Little</i>	<i>E-logistics</i>	2016 <i>Budhabhatti K.</i>	51-100	10,0
<i>Apollo Agriculture</i>	Аграрный сектор	2016 <i>Njenge B., Pollak E., Sauver E.</i>	...	7,6
<i>Flare</i>	Медицина	2016 <i>Dolkart C.</i>	1-10	0,3
<i>MarketForce360</i>	ИКТ	2017 <i>Mbaabu T.</i>	11-50	0,5
<i>TalkLift</i>	Искусственный интеллект	2017 <i>Cheruiyot F., Korir M.</i>	1-10	0,1
<i>PesaKit</i>	Финтех	2018 <i>Matua A.</i>	1-10	0,08
<i>MPost</i>	ИКТ	2019	...	1,9
<i>Kune</i>	<i>FoodTech</i>	2020 <i>Robin Reecht</i>	11-50	1,1
<i>Kibanda Topup</i>	<i>FoodTech</i>	2021 <i>Mutambo N.</i>	1-10	0,5

Составлено по: [5]; Top Kenyan Startups to Watch in 2021. <https://startupstash.com/kenyan-startups> (accessed 17.03.2022); Africa Tech Venture Capital Report. 2020. https://cdn-website.partechpartners.com/2021-02_Partech_Africa-2020_Africa_Tech_VC_Report_1.pdf (accessed 25.02.2022)

Так, пользуясь платежными услугами *M-PESA*, стартап *M-KOPA* (*kopa* на яз. суахили - брать займы) с 2011 г. реализует модель «*pay-as-you-go*» для продажи систем солнечной электрификации домохозяйствам с низким уровнем доходов. Со временем клиенты компании выплачивают полную стоимость солнечной батареи и начинают пользоваться ею бесплатно. Компания получила стартовое финансирование от большой группы инвесторов [8].

Создание технологических стартапов способствует решению многочисленных социально-экономических проблем населения страны. Например, *M-TIBA* (*tiba* на яз. суахили - медицина, лекарство) является предпочтительной платформой оплаты медицинских услуг для государственного и частного секторов здравоохранения. Данный интегратор медицинских платежей поддерживает расширение медицинского страхования в Кении, подключив к платформе более 4 млн пользователей и 1200 поставщиков медицинских услуг, включая Национальный фонд больничного страхования (*NHIF*), банки и частные страховые компании. В частности, одним из продуктов на платформе *M-TIBA* является кошелек *My Health Funds* - продукт, позволяющий людям откладывать средства, которые можно использовать только для расходов на здравоохранение, например, переводить средства со своей учетной записи *M-PESA* в личный кошелек здоровья или кошелек члена семьи для оплаты услуг в медицинских учреждениях, аккредитованных *M-TIBA* [9].

Компания *Apollo Agriculture* создает кредитные профили для более чем 40 тыс. мелких фермеров, а также обеспечивает финансирование грантов для поддержки исследований [11]. После пандемии получил значительную поддержку инвесторов Кенийский стартап электронной коммерции - *B2B Wasoko*, позволяющий ритейлерам из Кении, Танзании, Руанды, Уганды, Кот-д'Ивуара и Сенегала заказывать товары у поставщиков через *SMS* или мобильное приложение для доставки в тот же день через логистическую сеть

транспортных средств (в основном трехколесных тук-туков)¹³. Стартап *Twiga Foods*, основанный в 2014 г., обслуживает около 2 тыс. торговых точек в день, объединяя сеть из 13 тыс. фермеров и 6 тыс. продавцов. Эта эффективная производственно-сбытовая цепочка помогла сократить послеуборочные потери продукции, поступающей в сеть, с 30% до 4% [5].

Наряду с успехами в развитии цифровой трансформации экономики Кении возникает и ряд сложных проблем, одна из которых - недостаток высококвалифицированных кадров для кенийских технологических компаний, которые вынуждены искать специалистов за рубежом. Подготовка кадров, осуществляемая на базе учебных заведений Кении, отстает от быстро растущих потребностей рынка. Другой проблемой является затягивание реализации ряда проектов на долгий срок.

Примером тому служит включенный в 2007 г. в стратегию развития страны «Видение 2030» проект строительства инновационного кластера *Konza Technology City* в 60 км от Найроби, в создание которого правительство планировало инвестировать \$10 млрд, и который уже к началу 2022 г. должен был приносить значительные доходы в бюджет страны. Однако пока выполнена лишь часть проекта технополиса, который предназначен для размещения технических университетов, глобальных технологических компаний, научно-исследовательских организаций, ИКТ-инкубаторов и акселераторов, государственных учреждений. На сегодняшний день построен центр обработки данных при участии китайской компании *Huawei* и ведется строительство института *Kenya Advanced Institute of Science and Technology (KAIST)*. Его финансирование осуществляет южнокорейский *Exim Bank*. Инфраструктурные работы в кластере намечается завершить к концу 2022 г. Ожидается, что *Konza City* создаст более 60 тыс. рабочих мест [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кения занимает одну из ведущих позиций в африканской цифровой экосистеме. Продвижение Кении в области цифровых технологий показывает, что инновационные услуги могут способствовать созданию рабочих мест, сокращению бедности, повышению эффективности производительных секторов экономики, а также росту малых и средних предприятий. Финансовая доступность позволяет создавать новые бизнес-модели и расширять деятельность на новые территории.

Пандемия *COVID-19* повысила значение создания цифровых платформ, в частности, в области оказания медицинских услуг, поддержки коммерции и логистики, в расширении банковских услуг. Создание платформы электронного гражданина упростило доступ к государственным и коммунальным услугам и позволило правительству работать с большей прозрачностью. Столица страны Найроби является крупным технологическим кластером и коммерческим центром, поэтому рынок здесь весьма насыщен, а стоимость проживания растет, что вызывает необходимость создания и развития инновационной инфраструктуры и рабочих мест, в первую очередь для молодежи, в других городах Кении.

В последнее десятилетие значительно возросла роль мобильной индустрии в поддержке социально-экономического роста Кении, что отражается в увеличении вклада отрасли в ВВП, улучшении доступности мобильных сервисов, росте проникновения фиксированного интернета. Охват территории страны сетями 3G/4G, осуществление пилотного проекта 5G создают благоприятные условия для перехода к цифровой экономике. ИКТ в Кении становятся мощным фактором изменений в области развития сельских районов, способствуя преодолению разрыва между городом и деревней. Появляются национальные инновационные технические разработки. Цифровая трансформация все увереннее входит в разряд приоритетных направлений развития страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Новикова З.С. 2018. Мобильные технологии в странах Восточной Африки - новые возможности экономического роста. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 2 (43). С. 111-126. DOI: 10.31132/2412-5717-2018-43-2-111-125
2. Novikova Z.S. 2018. Mobile Technologies in the East African countries - New Opportunities for Economic Growth. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2 (43). Pp. 111-126 (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2018-43-2-111-125
3. Kenya Vision 2030. A Globally Competitive and Prosperous Kenya. 16.10.2018. <https://scgkenyaforum.org/content/uploads/docume> (accessed 07. 03. 2022)
4. Kenya - Country Commercial Guide. Kenya Information, Communication and Technology (ICT). 13.09.2021. <https://trade.gov/country-informatio-communication-and-technology-i-c-t> (accessed 05.03.2022)
5. Kenya's Digital Economy. People's Perspective. Full Report. August 2021. https://dijitaleconomy.ke/asset/download/Kenia's_Digital_Economy_Full_report_Aug_2021.pdf (accessed 09.03.2022)

¹³ Sokowatch rebrands to Wasoko as it raises \$125M Series B from Tiger Global and Avenir. 16.03.2022. <https://techcrunch.com/2022/03/16/sokowatch-rebrands-to-wasoko-as-it-raises-125m-series-b-from-tiger-global-and-avenir> (accessed 12.02.2022)

5. AU (2021). Africa Development Dynamics Report 2021. https://au.int/sites/default/files/documents/39862-doc-africadd_2020_en_web.pdf (accessed 18.02.2022)
6. Фитуни Л.Л. 2021. Российско-африканское сотрудничество в научно-технической сфере: стратегический и операционный подходы. *Азия и Африка сегодня*. № 5. С. 33-43. DOI: 10.31857/5032150750015008-0
Fituni L.L. 2021. Russian-African Cooperation in Science and Technology: Strategic and Operational Contexts. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 33-43 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015008-0
7. Ndung'u N.S. 2021. A Digital Financial Services Revolution in Kenya: the M-Pesa Case Study. https://www.researchgate.net/publication/349548752_A_Digital_Financial_Services_Revolution_in_Kenya_The_M-Pesa_Case_Study (accessed 06.03.2022)
8. Калиниченко Л.Н. 2018. Возобновляемая энергетика в странах Восточноафриканского Сообщества: роль в обеспечении устойчивого развития. *Ученые записки Института Африки РАН*. М.: ИАФР РАН. № 1 (42). С. 25-38. DOI: 10.31132/2412-5717-2018-42-1-25-38
Kalinichenko L.N. 2018. Renewable Energy in the Countries of the East African Community: a Role in Ensuring Sustainable Development. *Journal of the Institute for African Studies*. № 1 (42). Pp. 25-38 (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2018-42-1-25-38
9. Nobert M. 2020. Saving for Healthcare: A Deep Dive into M_TIBA's Savings Wallet. <https://medium.com/carepay-stories/saving-for-healthcare-a-deep-dive-into-m-tibas-savings-wallet-e0699dee7feb> (accessed 11.03.2022)
10. Ayemba D. 2022. Konza Technopolis project timeline and latest news. Jan. 26. <https://constructionreviewonline.com/biggest-projects/konza-technopolis-project-timeline-and-all-you-need-to-know/> (accessed 14.03.2022)
11. Kene-Okafor T. How Apollo Agriculture is solving small-scale farmers' credit problem in Kenya. <https://techpoint.africa/2020/07/27/apollo-agriculture-feature/> (accessed 15.02.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Калиниченко Людмила Николаевна, ст.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Lyudmila N. Kalinichenko, Senior Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Новикова Зинаида Степановна, кандидат экономических наук, ст.н.с. Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Zinaida S. Novikova, PhD (Economics), Senior Researcher, Centre for Transition Economy Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.08.2022

Современное состояние и особенности рынка наручных часов Японии

© Дробница И.К.^а, 2022

^аВсероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1921-5653; i.k.drobnitsa@gmail.com

Резюме. В статье дана короткая историческая справка о периоде становления японской часовой индустрии и приведены важнейшие статистические данные, характеризующие её современное состояние.

Фирменная структура часовой отрасли Японии представлена тремя компаниями-гигантами: «Seiko», «Citizen» и «Casio». В статье показано, какое место занимает часовой бизнес в общей структуре продаж этих компаний, выделены особенности их производственной и сбытовой стратегии, приведены важнейшие финансовые показатели, обозначены основные меры, принятые в связи с резким ухудшением рыночной ситуации на фоне пандемии.

Японские часовые компании еще в конце XX в. перевели основную часть своих предприятий в страны Юго-Восточной Азии с более дешевой рабочей силой. В то же время производство технически сложных наручных часов, требующее наличия квалифицированного персонала, осталось в основном в Японии. Именно оно стало базой для постепенного перехода японской часовой продукции в элитный сегмент рынка, хотя компании-производители решают вопрос такого перехода различными методами.

На основании данных международных источников, рассчитана примерная емкость японского рынка наручных часов, дана оценка роли импорта в удовлетворении внутреннего спроса, а также названы некоторые особенности последнего в Японии.

Ключевые слова: Япония, наручные часы, часовая промышленность, часовые компании, рынок, экспорт, импорт, каналы сбыта

Для цитирования: Дробница И.К. Современное состояние и особенности рынка наручных часов Японии. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 57-64. DOI: 10.31857/S032150750022731-6

The current state and features of the Japanese watch market

© Igor K. Drobnitsa^a, 2022

^aAll-Russia Market Research Institute, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1921-5653; i.k.drobnitsa@gmail.com

Abstract. The article presents a brief historical background to the formation period of the Japanese watch industry and provides the most important statistical data characterizing its current state.

The corporate structure of the Japan watch industry is represented by three giant companies: “Seiko”, “Citizen” and “Casio”. The article shows what place the watch business occupies in the overall sales structure of these companies, highlights the features of their production and sales strategy, lists the most important financial indicators, outlines the main measures taken in connection with a sharp deterioration of the market situation amid pandemic.

Back at the end of the 20th century, Japanese watch companies transferred the bulk of their enterprises to the countries of Southeast Asia with a cheaper labour force. At the same time, the production of technically complex wristwatches, requiring qualified personnel, remained mainly in Japan. It was this primordial Japanese production that became the basis for the gradual transition of Japanese watch products to the elite segment of the market, although manufacturing companies are solving the issue of such a transition by various methods.

In the final part of the article, the approximate capacity of the Japanese wrist watch market is calculated, based on data from international sources, the role of imports in meeting domestic demand is assessed, and some of its features in Japan are also indicated.

Key words: Japan, wrist watches, watch industry, watch companies, market, export, import, distribution channels

For citation: Igor K. Drobnitsa. The Current State and Features of the Japanese Watch Market. *Asia and Africa today*. 2021. № 10. Pp. 57-64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022731-6

ВВЕДЕНИЕ

Начало становления современной часовой промышленности Японии относится к далекому 1913 г., когда была основана первая в стране часовая фабрика. Однако более полувека японское производство часов развивалось в русле основных тенденций того времени, формировавшихся, в первую очередь, под влиянием лидера мировой часовой индустрии - Швейцарии. Выпускавшиеся в стране часы мало чем отличались

от продукции, производимой в других странах с более-менее развитым часовым производством, а об их особой самобытности в тот период не было и речи.

Мировую известность, массовое признание и огромную популярность у потребителей японские часы приобрели только в 70-е гг. прошлого столетия. Это было связано с поистине революционными технологическими прорывами в отрасли, полностью изменившими облик мировой часовой индустрии: речь идет об изобретении японскими учеными и часовщиками кварцевых часов, серийное производство которых началось в стране в 1967 г., а также о разработке электронных часов с жидкокристаллическим дисплеем, выпущенных на рынок в 1973 г. Эти и последующие инновационные разработки вызвали очень серьезный кризис в швейцарской индустрии часов: японские кварцевые часы были не только существенно точнее лучших механических часов, но и значительно дешевле последних. Огромную роль в популяризации японских часов сыграло и то, что они изначально были рассчитаны не на узкий круг знатоков, ценителей и богатых коллекционеров, а на массового потребителя из-за их максимальной доступности для покупателей. В мире появилась нация, способная в производстве часов реально конкурировать со Швейцарией.

ЯПОНСКАЯ ЧАСОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СЕГОДНЯ: НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

По числу производимых наручных часов Япония является третьим в мире продуцентом после КНР и Гонконга¹. По данным промышленной статистики ООН, в 2016 г. в стране было выпущено 144,4 млн часов [2, р. 562] для индивидуальных пользователей. Эти данные, однако, внушают определенные сомнения, поскольку некоторые предприятия в своих отчетах для международных организаций сообщают обо всех произведенных ими часах (включая настенные, настольные, часы для автомобилей и др.), а ряд из них учитывают также число собранных часовых механизмов. Возможно, большего доверия заслуживает статистическая информация, ежегодно публикуемая Японской часовой ассоциацией (*Japan Clock & Watch Association*), по данным которой общий объем отгрузок наручных часов с японских предприятий (как на внутренний рынок, так и на экспорт) в 2019 г. составил 66,2 млн шт. (в «пандемийном» 2020 г. - 44,3 млн шт.)² [3]. Однако статистика отгрузок дает представление лишь об объеме продаж часов оптово-сбытовым и экспортным компаниям, ничего не сообщая о нереализованных часах, переходящих в разряд складских запасов.

Таблица. Динамика производства наручных часов в Японии
Table. The evolution of wristwatch production in Japan

	2003 г.		2010 г.		2019 г.		2020 г.	
	Млн шт.	%						
Всего	85,4	100	65,9	100	66,2	100	44,3	100
Механические	3,1	3,6	3,0	4,6	2,8	4,2	2,2	5,0
Кварцевые	82,3	96,4	62,9	95,4	63,4	95,8	42,1	95,0
Аналоговые	56,4	66,1	43,3	65,7	44,2	66,8	28,7	64,8
Цифровые	25,9	30,3	19,6	29,7	19,2	29,0	13,4	30,2
	2003 г.		2010 г.		2019 г.		2020 г.	
	Млрд иен	%						
Всего	149,4	100	167,3	100	285,3	100	200,4	100
Механические	12,2	8,2	17,6	10,5	45,4	15,9	35,8	17,9
Кварцевые	137,2	91,8	149,7	89,5	239,9	84,1	164,6	82,1
Аналоговые	112,9	75,6	125,3	74,9	204,3	71,6	133,7	66,7
Цифровые	24,3	16,2	24,4	14,6	35,6	12,5	30,9	15,4

Источник: [3].

¹ Хотя однозначных и достоверных данных об объемах выпуска часовой продукции в КНР и его специальном административном районе - Гонконге - нет, эти объемы, по имеющимся оценкам, выше, чем в Японии; см., например, данные о крупнейших «штучных» экспортерах наручных часов, представленные в *The Swiss and World Watchmaking Industries in 2019*, р. 6. https://www.fhs.swiss/file/59/Watchmaking_2019.pdf

² Здесь и далее данные о производстве и внешней торговле Японии часовой продукцией будут в ряде случаев приводиться за 2019 г., т.к. экстремальный для мировой экономики 2020 г. вряд ли можно считать показательным при анализе долгосрочных тенденций.

В соответствии с общемировой тенденцией, производство наручных часов в Японии в количественном выражении постепенно сокращается, а в стоимостном - растет. За период с 2003 г. по 2019 г. «штучный» выпуск наручных часов в стране снизился более чем на 22% (с 85,4 млн до 66,2 млн), а общая стоимость произведенных часов, напротив, увеличилась почти вдвое (с 149 млрд (\$1,40 млрд) до 285 млрд иен (\$2,61 млрд)). Соответственно, средняя отпускная цена наручных часов выросла с 1,74 тыс. иен (\$16,3) в 2003 г. до 4,31 тыс. иен (\$39,5) в 2019 г.

Структура японского производства часов по типам часового механизма за прошедший с начала столетия период в количественном выражении практически не изменилась: в 2019 г., как и в 2003 г., около 96% объема выпуска приходилось на кварцевые часы, среди которых основным спросом пользовались аналоговые модели (с тремя стрелками). В то же время механические часы, занимая весьма скромную долю в структуре производства, явно лидировали по темпам роста среднего уровня цен (с 3,94 тыс. иен (\$36,8) в 2003 г. до 16,2 тыс. иен (\$148,6) в 2019 г.). Тенденция к росту цен сохранилась даже в 2020 г. (16,3 тыс. иен, или \$152,8). В этой связи совершенно закономерным выглядит рост доли «механики» в структуре выпуска часов в стоимостном выражении - с 8,2% в 2003 г. до 17,9% в 2020 г. (см. табл.).

«КИТЫ» ЯПОНСКОЙ ЧАСОВОЙ ИНДУСТРИИ: «SEIKO», «CITIZEN», «CASIO»

Если в Швейцарии часовая индустрия представлена несколькими десятками компаний, объединенных в часовые группы или являющихся независимыми производителями, то в Японии эта отрасль исторически монополизирована тремя промышленными гигантами - «Seiko», «Citizen» и «Casio». Еще одним крупным участником рынка длительное время была компания «Orient», однако в 1985 г. она создала совместное производство с «Seiko», а в 1997 г. организационно вошла в её состав. Общая доля «Seiko», «Citizen» и «Casio» в продажах на мировом рынке наручных часов в 2018 г. составляла 9,8%³ [4].

Старейшей среди трех указанных компаний является «Seiko» (её полное название - «Seiko Holdings Corporation»), созданная в 1881 г. под названием «K. Hattori». По сути, компания представляет собой промышленную группу, производя, помимо часов, часовые механизмы, электронные устройства, различные виды системных продуктов (программное обеспечение, устройства беспроводной связи, системы безопасности и др.) и даже ювелирные изделия. Тем не менее именно наручные часы традиционно дают больше половины всех доходов компании: так, в 2020 финансовом году (апрель 2020 г. - март 2021 г.) на них пришлось почти 52% (а в 2019 ф.г. - даже 56%) суммы чистых продаж «Seiko Holdings Corporation».

Часовое подразделение группы - «Seiko Watch Corporation» - в состоянии самостоятельно производить все необходимые компоненты, используемые в механических и кварцевых часах «Seiko». Речь идет не только об основных внутренних компонентах часов (циферблатах, зубчатых колесах, роторах, кварцевых элементах и др.), но и о расходных материалах (батареях, маслах для смазки и светящихся составах, наносимых на стрелки и циферблаты). Сборка наручных часов «Seiko» осуществляется, главным образом, на фабрике в г. Мориока (административный центр префектуры Иватэ); часовые механизмы и другие внутренние компоненты производятся на фабриках «Seiko» в г. Сидзукуиси, Нинохе (префектура Иватэ) и Сиодзири (префектура Нагано), а также на предприятиях компании в Китае, Таиланде, Малайзии и Сингапуре.

Последние два года оказались очень тяжелыми для «Seiko Watch Corporation», продажи которой снизились со 141,7 млрд иен (\$1,28 млрд) в 2018 ф.г. до 105,0 млрд иен (\$0,99 млрд) в 2020 ф.г., т.е. на 26% - в национальной валюте и на 23% - в долларовом выражении. И если в 2019 ф.г. снижение было достаточно скромным и обуславливалось, главным образом, непростой внутриполитической ситуацией на одном из важнейших для компании рынков сбыта - в Гонконге, то в 2020 г. на фоне пандемии и связанным с ней резким сокращением числа иностранных туристов - потенциальных покупателей японских часов - очень значительным. Особенно заметно снизились продажи в сегменте недорогих часов и часов средней ценовой категории (*affordable-priced watches*)⁴, в то время как рынок престижных часов (*high-end watches*) значительно легче перенес ухудшение рыночной конъюнктуры (в первую очередь, за счет стабильного спроса как в самой Японии, так и со стороны США и Китая), а сбыт элитных часов *Grand Seiko* и другого престижного модельного ряда - *Seiko Prospex* смог даже несколько вырасти. В очень непростой рыночной ситуации «Seiko Watch Corporation» продолжала вести систематическую работу, направленную на расширение торгового оборота. В 2019 г. она открыла новый бутик в одном из наиболее престижных деловых районов То-

³ Наиболее высокую среди указанных компаний долю в мировом объеме продаж имеет «Citizen» (3,8%), далее следуют «Seiko» (3,7%) и «Casio» (2,3%) [4].

⁴ Речь идет исключительно о сегменте розничных продаж, показатели продаж в магазинах электронной коммерции продолжали стабильно расти даже в этот период.

кио - Гинзе и несколько аналогичных бутиков за пределами Японии, а в сентябре 2020 г. - бутик «*Grand Seiko*» в столице Тайваня - г. Тайбэй [5].

Компания «*Citizen*» была основана в 1930 г. и давно стала одной из крупнейших в Японии вертикально-интегрированных компаний по производству часов, компьютерной техники, промышленной и бытовой электроники, станков, измерительных приборов и оптики. Наручные часы являются приоритетным направлением производственной деятельности «*Citizen*»: в 2019 ф.г. их продажи составили 141,6 млрд иен (\$1,30 млрд), или почти 51% общей суммы продаж компании. Помимо наручных часов, «*Citizen*» выступает крупным производителем часовых механизмов *Miyota*, которые выпускаются одноименной фирмой, входящей в её состав. На сегодняшний день «*Miyota*» производит все основные типы механизмов для наручных часов (как кварцевых, так и механических), а также механизмы для хронографов и часов с различными функциональными усложнениями. Эти механизмы благодаря своей надежности и более низким по сравнению со швейцарскими аналогами ценам широко используются не только японскими, но и многими европейскими, а также американскими производителями часов.

География производства часов и механизмов компании «*Citizen*» достаточно широка и находится в основном за пределами Японии. Большинство часовых предприятий расположены на территории КНР и Гонконга, а также в ряде других стран Азиатского региона - Индии, Малайзии и Таиланде; заводы «*Citizen*» есть также в США, Канаде и Австралии. В самой Японии часовые заводы компании сосредоточены в г. Кагосима (административный центр одноименной префектуры) и г. Меко (префектура Ниигата).

2019-й финансовый год (закончился в марте 2020 г.) оказался крайне тяжелым для компании «*Citizen*», продажи которой упали более чем на 13% (со 163,5 млрд иен в 2018 ф.г.). Негативное влияние пандемии коронавируса не ограничилось для компании резким сокращением туристического потока в Японию, но усугубилось также массовым закрытием её магазинов в странах североамериканского региона - крупнейшем рынке сбыта часов «*Citizen*». Кроме того, в последние несколько лет, на фоне роста популярности смарт-часов, наблюдается значительное падение глобального спроса на кварцевые механизмы *Miyota*, производство которых многие годы было одним из ключевых направлений часового бизнеса «*Citizen*» [6].

Компания «*Casio*» (полное название - «*Casio Computer Co., Ltd.*») была создана в 1946 г. и первоначально занималась изготовлением и продвижением на рынок микрокалькуляторов, а позже расширила сферу деятельности, начав выпуск фотокамер и музыкальных инструментов. Производством часов «*Casio*» стала заниматься только с 1974 г., однако к настоящему времени часовое подразделение стало крупнейшей сферой деятельности компании, обеспечивая основную часть её доходов: например, в 2019 ф.г. продажи часов составили 164,3 млрд иен (\$1,51 млрд), или 58,5% всей суммы продаж «*Casio*». В отличие от «*Seiko*» и «*Citizen*», «*Casio*» производит только кварцевые часы, при этом в аналоговых часах используются механизмы *Miyota*, а в цифровых - собственные механизмы компании.

Своеобразной визитной карточкой «*Casio*» являются противоударные и водонепроницаемые часы *G-Shock*, впервые увидевшие свет в 1983 г. Благодаря своим конструкционным особенностям (вогнутому корпусу и расположению основных элементов часов в своеобразной капсуле, не поддающейся повреждению), эти часы практически невозможно разбить. Современные модели *G-Shock*, помимо противоударности, оснащены целым рядом других полезных функций, что поддерживает устойчивый интерес к ним со стороны потребителей: по данным компании, ежегодно в мире продаются около 10 млн таких часов. Во многом именно это помогло «*Casio*» легче, чем другим японским часовым компаниям, пережить ухудшение рыночной конъюнктуры, в т.ч. связанное с пандемией [7].

Разумеется, кроме «*Seiko*», «*Citizen*» и «*Casio*», в Японии есть и другие часовые компании, однако объемы их производства несопоставимо ниже, чем у компаний-лидеров, а известность, как правило, не выходит за пределы тех префектур, в которых они имеют свои производственные площадки.

ГДЕ ПРОИЗВОДЯТСЯ ЯПОНСКИЕ ЧАСЫ? ИЗ МАССОВОГО - В ЭЛИТНЫЙ СЕГМЕНТ

Еще в 80-е гг. прошлого века японские часовые компании в целях удешевления продукции начали перемещать наиболее трудоемкие производственные и сборочные процессы в соседние страны Юго-Восточной Азии. Вначале основным местом организации японского часового производства за рубежом стал Гонконг, где было достаточно квалифицированной и сравнительно дешевой рабочей силы. В дальнейшем, по мере того как Гонконг стал сам активно участвовать в процессах офшоринга, производственная деятельность японских компаний стала перемещаться в КНР и Таиланд, а частично - в Сингапур и Малайзию. Например, основные площадки по выпуску японских часов в КНР расположены в городах Гуанчжоу (столице провинции Гуандун), Шенчжень (провинция Гуандун) и Далянь (провинция Ляонин).

По данным исследования, проведенного профессором истории бизнеса П.-И. Донце из университета г. Киото, доля наручных часов, произведенных японскими предприятиями за пределами страны, состав-

лявшая в 2000 г. в общем объеме национального часового производства лишь 24%, уже к 2010 г. выросла до 46% [8]. В своих расчетах автор опирался на статистические данные, приводимые японским источником по рынку часовой продукции «*Nihonno tokei sangyo*».

Есть все основания полагать, что в настоящее время доля часов, выпускаемых зарубежными филиалами японских часовых компаний, еще выше той, которую указывает П.-И. Донце. Об этом косвенно свидетельствуют многократные различия статистических показателей экспорта наручных часов из Японии, приводимых, с одной стороны источником ООН «*UN ComTrade*», а с другой - Японской часовой ассоциацией. Первый из указанных источников учитывает только поставки с предприятий на территории Японии, а второй - экспорт всех японских часовых фабрик, включая заграничные филиалы.

По данным «*UN ComTrade*», в 2019 г. Япония экспортировала 2,35 млн наручных часов на общую сумму \$241,4 млн (в 2020 г. - 1,58 млн часов на сумму \$243,0 млн) [15]. Аналогичные данные Японской часовой ассоциации сообщают об экспорте в 2019 г. 57,6 млн наручных часов на сумму 163,7 млрд иен (\$1502 млн) (в 2020 г. - 38,8 млн часов на сумму 123,2 млрд иен (\$1155 млн)) [3]. Сопоставление указанных данных свидетельствует о том, что в 2019 г. экспорт наручных часов с предприятий, расположенных на территории Японских островов, составил лишь 4,1% физического объема и 16,1% стоимости экспорта всех японских часовых фабрик (в 2020 г. - соответственно, 4,1% и 21,0%). Таким образом, процесс офшоринга основных сфер деятельности японских часовых компаний продолжается и в новом столетии.

Приведенные выше статистические данные позволяют сделать еще один важный вывод: за границу японские компании переводят производство относительно недорогих часов, изготовление которых не требует особой квалификации и специальных навыков. В то же время выпуск технически сложных и престижных часов, остается, как правило, на территории Японии. Средняя цена японских наручных часов, направленных в 2019 г. на экспорт со всех фабрик, включая зарубежные, составила \$26,1, тогда как средний уровень цен на часы, экспортированные непосредственно из Японии, достиг \$102,7 (в 2020 г. разница стала еще заметнее и составила, соответственно \$29,8 и \$153,8) [3, 15].

Столь существенное различие ценовых уровней отнюдь не случайно. Примерно с середины второго десятилетия нынешнего века ощущается настойчивое стремление японских часовых компаний к переходу из массового сегмента рынка, в котором они пребывали со времени своего основания, в более высокий и даже элитный сегмент. Это стремление заметно, прежде всего, у компаний «*Seiko*» и «*Citizen*» и проявляется, в первую очередь, в приоритетном развитии тех направлений, которые связаны с развитием технически сложных, инновационных моделей, а также в возрождении интереса к механическим часам. Реализация новой производственной стратегии осуществляется, главным образом, на базе часовых предприятий, расположенных в Японии.

Еще в 2012 г. тогдашний президент «*Seiko Watch Corporation*» С. Хаттори заявил о намерении компании перепозиционировать свою деятельность и постепенно выйти в элитный сегмент рынка наручных часов [9]. В 2018 г. о намерении продолжать движение в направлении более высокого рыночного сегмента заявил и С. Такахаши, сменивший С. Хаттори на посту президента «*Seiko Watch Corporation*» [10].

Для перехода в люксовый сегмент часового рынка «*Seiko*» резко активизировала усилия по расширению производства и сбыта своих престижных коллекций *Credor* и, особенно, *Grand Seiko*. Особенностью этого модельного ряда изначально являлось обеспечение исключительно высокой точности хода часов. С этой целью «*Seiko*» были разработаны собственные стандарты, которые отличаются даже более жесткими требованиями к точности, чем те, которые предъявляются в Швейцарии.

В настоящее время выпуск часов *Grand Seiko* составляет примерно 35 тыс. шт. в год, что в несколько раз больше, чем в 2010 г. За последние 10 лет уровень цен на часы *Grand Seiko* вырос примерно вдвое и находится в диапазоне \$5-15 тыс., в то время как на большинство обычных моделей *Seiko* он составляет \$200-550 [11, 12]. В 2017 г. часовое подразделение группы «*Seiko*» - «*Seiko Watch Corporation*» официально выделило «*Grand Seiko*» в самостоятельный бренд, который будет позиционироваться и продаваться отдельно от остальных часов «*Seiko*». Для нового бренда была разработана даже собственная маркетинговая стратегия.

Несколько иначе решает задачу перехода в элитный сегмент часового рынка компания «*Citizen*». Работая, как и «*Seiko*», над совершенствованием и продвижением своих инновационных моделей, наиболее востребованных потребителями, основную ставку «*Citizen*» сделала на совершенствовании своей организационной структуры и на приобретении компаний-производителей часов и их основных компонентов. Еще в 2008 г. она купила дорогой американско-швейцарский бренд «*Bulova*», в 2012 г. приобрела швейцарскую группу «*Prothor Holding*», а в 2016 г. приобрела контроль над швейцарскими часовыми компаниями «*Frederique Constant*» и находящимися под её управлением компаниями «*Alpina*» и «*DeMonaco*». Продукция всех трех швейцарских производителей находится в диапазоне от \$1 тыс. до \$10 тыс. Кроме того, «*Frederique Constant*» фактически является мануфактурой, поскольку полностью осуществляет весь цикл производст-

ва часов - от дизайна до изготовления деталей и сборки. В 2018 г. президент «Citizen» Т.Токура заявил, что компания рассматривает возможность приобретения и других часовых компаний люксового сегмента [13].

Несколько в стороне от наметившейся в японской часовой индустрии тенденции к переходу в более высокий сегмент рынка остается только компания «Casio». Очевидными препятствиями для этого являются сохраняющаяся специализация компании на выпуске исключительно электронных часов и её четкое позиционирование в сегменте массовой продукции. Тем не менее и в динамике цен на продукцию «Casio» просматривается явная повышательная тенденция. Если в начале 2000-х гг. наиболее популярные среди потребителей часы *G-Shock* продавалась в рознице за 20-30 тыс. иен (\$152-228), то сейчас цены на некоторые модели с расширенным функционалом составляют 100 тыс. иен (\$940) и даже выше [14].

Несмотря на то, что японские компании еще в начале нынешнего десятилетия начали поставки элитной часовой продукции на экспорт, основной сбыт она по-прежнему находит на внутреннем рынке. Это составляет одно из наиболее важных отличий японской часовой промышленности от швейцарской, «люксовая» продукция которой рассчитана, прежде всего, на зарубежных потребителей. Средняя цена японских наручных часов, направленных в 2020 г. на экспорт с местных и зарубежных фабрик, составила 3,18 тыс. иен (\$29,8), тогда как часы, ориентированные на внутренний рынок, стоили почти в 4,5 раза дороже - 14,0 тыс. иен (\$131,6) [15]. Такая разница была обусловлена в значительной степени быстрым ростом в последние годы интереса японцев к престижным механическим часам.

В своем стремлении перейти в элитный сегмент часового рынка японские производители часов делают ставку на инновационный характер технологий, используемых при изготовлении часовой продукции, а также на функциональность, точность и надежность самих часов. В отличие от своих швейцарских коллег, японские производители никогда не стремились превращать часы в ювелирные изделия. Даже в стоимостном выражении доля направленных на экспорт часов в корпусах из драгоценных металлов составила в 2020 г. всего 3,4% (\$8,17 млн из \$243,0 млн), а по физическому объему она и вовсе была на уровне 0,2% (3,42 тыс. из 1582 тыс. шт.) [15].

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА НАРУЧНЫХ ЧАСОВ ЯПОНИИ

С учетом стоимости часовой продукции, отгружаемой японскими производителями на внутренний рынок, и стоимости её импорта (за исключением ввоза из стран, где действуют филиалы японских часовых предприятий), общая емкость рынка наручных часов Японии в 2019 г. оценивалась как минимум в \$3,46 млрд (в 2020 г. этот показатель упал до \$2,47 млрд). В то же время информационный ресурс *Statista*, учитывающий непосредственно объемы розничных продаж часов на внутреннем рынке Японии, дает существенно более высокие оценки емкости этого рынка в 2019 г. - 886,7 млрд иен (\$8,13 млрд), а в 2020 г. - 749,0 млрд иен (\$7,02 млрд) [16]. Схожие со *Statista* данные приводит и исследовательская компания *Yano Research Institute* из Токио: в обзоре японского рынка наручных часов, подготовленном в 2018 г., его потенциал в 2019 г., прогнозировался на уровне 845 млрд иен (\$7,74 млрд) [17].

Столь существенная разница в оценках емкости рынка наручных часов Японии связана, прежде всего, с тем, что данные *Statista* и *Yano Research Institute* учитывают продажи часов через все существующие каналы сбыта, включающие как обычные магазины, так и интернет-торговлю, в то время как расчетные данные, полученные на основе статистики отгрузок и импорта, фиксируют лишь продажи через традиционные магазины.

Без учета торговли через интернет более 2/3 потребительского спроса на часы в Японии удовлетворяется в настоящее время за счет импорта, оставшаяся треть - за счет собственного производства. Однако уже в течение продолжительного времени внутренняя составляющая спроса растет более высокими темпами, чем внешняя; так, если импорт вырос в период с 2007 г. по 2019 г. менее чем на 58% (с \$1484 млн до \$2344 млн)⁵, то отгрузки японских часовых фабрик на внутренний рынок увеличились за то же время почти втрое (с \$376 млн до \$1115 млн). В результате доля импорта во внутреннем потреблении часов снизилась в Японии с 80% в 2007 г. до менее 68% в 2019 г., а доля национальной продукции, напротив, выросла с 20% до 32%⁶.

⁵ Без учета импорта из КНР, Таиланда, Сингапура и Малайзии, где находится большое число японских часовых предприятий (*прим. авт.*).

⁶ В аналитических целях здесь вновь используется 2019 г., т.к. в 2020 г. произошло резкое снижение всех показателей, не связанное с экономическими причинами: отгрузки часов на внутренний рынок упали на 35% (до \$724 млн), а часовой импорт - более чем на 25% (до \$1748 млн). Рассчитано по [3, 15].

В настоящее время импорт продолжает оставаться важнейшим источником поставок эксклюзивных механических часов (технически сложных, с редкими функциями, коллекционных и т.д.), выпуск которых либо пока не освоен японскими компаниями, либо не соответствует основным принципам их деятельности. Так, несмотря на то что в 2020 г. на механические часы иностранного производства приходилось менее 2,6% физического объема импорта всех наручных часов в Японию (461,8 тыс. из 18,0 млн шт.), их доля в стоимости ввоза составила более 71% (\$1,44 млрд из \$2,02 млрд), а средняя цена таких часов достигла \$3116 [15].

Эксклюзивные часы, ввозимые в Японию, имеют почти исключительно швейцарское происхождение. Доля альпийской республики неуклонно растет и уже превысила 4/5 стоимости японского часового импорта, в то время как в «штучном» выражении на неё приходится лишь незначительная часть ввоза (например, в 2020 г. - 640,1 тыс., или чуть более 3,5%). Элитные производители часов из других стран (в частности, Германии, Франции и Италии) практически неизвестны японским потребителям.

Высокий удельный вес КНР в часовом импорте Японии связан, прежде всего, с существованием в этой стране крупной производственной базы японских компаний. В то же время Япония закупает и большой объем исконно китайских часов, которые являются основной составляющей дешевого сегмента её внутреннего рынка. В 2020 г. китайская продукция (15,4 млн шт.) составила более 85% физического объема ввоза часов в Японию.

Согласно исследованию, проведенному несколько лет назад информационным ресурсом *Statista*, среди «люксовых» швейцарских брендов наибольшей популярностью в Японии пользуются «Rolex» (часы этой марки мечтали приобрести 38% японцев, задумывающихся о покупке дорогих часов), «Omega» (28,3%), и «Cartier» (23,2%) [18].

Исследование, проведенное в 2020 г. одним из крупнейших в мире интернет-магазинов часов *Chrono24* показало, что японские любители и коллекционеры дорогих часов зачастую отдают предпочтение продукции небольших независимых компаний, а не широко разрекламированным брендам с «громкими» именами. Еще одной отличительной особенностью японского рынка часов является его достаточная консервативность: производители, пытающиеся выделиться излишне оригинальным или броским дизайном своих часов, вряд ли будут пользоваться высоким спросом в Японии [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Японская часовая индустрия проделала длительный путь в своем развитии, но основные принципы, заложенные в 70-е гг. XX в. на этапе её становления, остались неизменными: это ставка на инновации, точность хода, функциональность и надежность в эксплуатации. Японские часовые мастера всегда исходили из того, что наручные часы должны оставаться, прежде всего, прибором для измерения времени и никогда не стремились превратить их в предмет роскоши или дорогую игрушку. И даже в последние годы, когда в часовой промышленности Японии наметилась явная тенденция к переходу в более высокий рыночный сегмент, это осуществляется, в первую очередь, за счет акцента на традиционные ценности национального часового искусства. Именно по этой причине часы как некий «статусный символ», ювелирное украшение или высокотехнологичное устройство, напичканное дорогостоящими, но бесполезными с практической точки зрения функциями, никогда не пользовались массовым спросом у японских потребителей.

Отличительной особенностью японской часовой индустрии является и то, что она ориентирована, прежде всего, на внутренний рынок, а не на удовлетворение зарубежного спроса, как у большинства других ведущих мировых производителей наручных часов.

Важную работу по координированию деятельности японских часовых организаций разного уровня проводит Японская часовая ассоциация (*Japan Clock & Watch Association, JCWA*), созданная еще в 1948 г. для содействия развитию японской часовой индустрии и внутреннего рынка. Значимая роль в развитии внутреннего часового рынка принадлежит и Японской Ассоциации импортеров часов (*Japan Watch Importers' Association*). Ее основные функции заключаются в содействии росту импорта в Японию часов всех видов и повышению осведомленности потребителей об уже существующих и новых иностранных часовых брендах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. The Swiss and World Watchmaking Industries in 2019, p. 6. https://www.fhs.swiss/file/59/Watchmaking_2019.pdf (accessed 01.08.2021)
2. Industrial Commodity Statistics Yearbook 2016. Vol. 1, p. 562. UN Statistics Division. https://unstats.un.org/unsd/industry/Docs/ICSY_2016_v1.pdf (accessed 01.08.2021)

3. The Japanese Watch and Clock Industry in 2020. An Overview on its Global Operation. Japan Clock and Watch Association. <https://www.jcwa.or.jp/en/data/industry/index.html> (accessed 02.08.2021)
4. "Watches the Guide". The leading players in the global watchmaking industry in 2018 - Vontobel Equity Research. <https://www.watchesguide.com/en/guide/economy> (accessed 03.08.2021)
5. Seiko Consolidated Financial Statements for the Fiscal Year Ended March 31, 2020, pp. 3-4. https://www.seiko.co.jp/en/ir/2020/05/25/e_fstaFY2019.pdf; Seiko Consolidated Financial Statements for the Fiscal Year Ended March 31, 2021, pp. 5-6. <https://www.seiko.co.jp/en/ir/2021/05/18/763637781bd7459648dcaf93b20b6acb357b5351.pdf> (accessed 04.08.2021)
6. "Citizen" Annual Report 2020, pp. 12, 13, 16, 17. <https://www.citizen.co.jp/global/files/AR2020.pdf> (accessed 05.08.2021)
7. "Casio" Integrated Report 2020, p. 7. https://world.casio.com/media/files/ir/annual/Integrated_2020_s_en.pdf (accessed 06.08.2021)
8. Pierre Yves Donze: "From Nation-based to Global Competition in the Watch Industry" - Kyoto University, March 2014, p. 26.
9. "РБК Daily", 28.09.2012.
10. Interview: Watchonista Sits Down with Seiko President Shuji Takahashi, 18.04.2018. <https://www.watchonista.com/articles/interviews/interview-watchonista-sits-down-seiko-president-shuji-takahashi> (accessed 07.08.2021)
11. R.-J. Broer: One Company - Three Brands: Seiko, Grand Seiko, Credor - Chrono24 Magazine, 03.05.2018. https://www.chrono24.com/magazine/one-company-three-brands-seiko-grand-seiko-credor-p_26453/#gref (accessed 08.08.2021)
12. R. Farago: Seiko Credor or Grand Seiko, 15.01.2020. <https://thetruthaboutwatches.com/2020/01/seiko-credor-vs-grand-seiko> (accessed 08.08.2021)
13. C.Greitler, L. Du: With luxury push, Japan gives Swiss watch-making industry a run for its money, 16.03.2018. <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/03/16/business/corporate-business> (accessed 09.08.2021)
14. R.Takahashi: Japanese watch companies bide their time for comebacks - "The Asahi Shimbun", July 6, 2020. <http://www.asahi.com/ajw/articles/13485837> (accessed 10.08.2021)
15. UN ComTrade. International Trade Statistics Database. <https://comtrade.un.org> (accessed 13.08.2021)
16. Retail value of the domestic watches market in Japan from 2010 to 2019 with a forecast for 2020. <https://www.statista.com/statistics/694782/japan-domestic-watches-market-size> (accessed 17.08.2021)
17. Domestic Watch Market in Japan: Key Research Findings 2019. https://www.yanoresearch.com/en/press-release/show/press_id/2403 (accessed 17.08.2021)
18. Luxury wrist watch consumers in Japan aspire to purchase as of 2016, by brand. <https://www.statista.com/statistics/741011/japan-luxury-watches-consumers-want-to-buy-by-brand> (accessed 20.08.2021)
19. H.Masayuki: The Unique Japanese Watch Market - Chrono24 Magazine, 12.07.2020. https://www.chrono24.com/magazine/the-unique-japanese-watch-market-p_72071/#gref (accessed 20.08.2021)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дробница Игорь Константинович, старший научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт, Москва, Россия.

Igor K. Drobnitsa, Senior Researcher, All-Russia Market Research Institute, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 26.07.2022

China's Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry: Implications and the main US response

© Cheng Guo^{a,b}, 2022

^a Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, China

^b RUDN University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4927-6596; ivanc25@yahoo.com

Abstract. The Sino-US relations have faced an unprecedented challenge and deteriorated to the lowest point in 4 decades during the Trump presidency. The ongoing Sino-US strategic rivalry led to the speculation that the two giants would head into the “New Cold War”. China's Belt and Road Initiative (BRI) also becomes a main target of this strategic rivalry. This article offers the strategic analysis of China's BRI from the US perspective at different levels, focusing on the changing role of BRI and its implications among US think tanks during the Trump presidency. It also provides the policy recommendations from the US think tanks in responding the BRI challenge, emphasizing the Indo-Pacific strategy as the main counter-strategy towards the BRI, and finally reviewed both the Trump Administration's and the Biden Administration's main efforts in countering the BRI.

The Biden Administration focuses on countering China as its foreign policy priority, particularly countering China's BRI through variety of means as diplomatic coordination, democratic values, and the global infrastructure alternative made by the US-led Collective West. Thus, China's BRI will be the major target in the US China policy-making in the long run.

Keywords: Sino-US relations, strategic rivalry, the Belt and Road Initiative, the Indo-Pacific strategy, the Trump Administration, the Biden Administration

For citation: Cheng Guo (China). China's Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry: Implications and the main US response. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 65-72. DOI: 10.31857/S032150750018982-2

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» в китайско-американском стратегическом соперничестве: последствия и реакция США

© Чэн Го^{a,b}, 2022

^a Нанкинский университет науки и технологий, Нанкин, КНР

^b РУДН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4927-6596; ivanc25@yahoo.com

Резюме. Китайско-американские отношения столкнулись с беспрецедентным вызовом и ухудшились до самой низкой точки за четыре десятилетия во время президентства Д.Трампа. В значительной степени «стратегическое соперничество» стало основным тоном нового раунда стратегических корректировок США в отношении Китая. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), которую многие американские ученые интерпретируют как продукт большой стратегии Китая, также становится главной целью этого «стратегического соперничества».

Ключевые слова: китайско-американские отношения; стратегическое соперничество; инициатива «Пояс и путь»; Индо-Тихоокеанская стратегия; администрация Трампа, администрация Байдена

Для цитирования: Cheng Guo (China). China's Belt and Road Initiative in the Sino-US strategic rivalry: Implications and the main US response. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 65-72. DOI: 10.31857/S032150750018982-2

INTRODUCTION

For a long time, the US have been very proud of its huge alliance system around the world, while China's Belt and Road Initiative (BRI), initiated in 2013, has played the role as the symbol of China's global policy of “partnership” rather than “alliance”, by establishing various multilateral forms and levels of partnership worldwide, aiming to boost the economic development among countries along the route through multilateral cooperation.

The BRI's core component, the infrastructure connectivity, plays the role as the key and fundamental element to reinforce the economic integration at both national and regional levels and strengthen the people-to-people ex-

change in a global context. Since China's implementation of its BRI in Africa, Latin America and the Eurasian continent, the US stance has been very complicated.

On the one hand, BRI plays the role as China's global grand strategy from the US perspective, poses a strategic threat for the US global strategy; on the other hand, despite the BRI challenge, Washington also observed the benefit from the possible US cooperation with BRI in order to maximize the US economic interests.

The Trump presidency has transformed the traditional US policy towards China from the "conengagement" to "comprehensive confrontation". It also dramatically changed the basic parameter of the course of Sino-US relations from a "competitive stability" to the "strategic rivalry".

Since 2017, BRI has been focused more attention among the US strategic circle. Since 2018, US domestic think tank's research and policy debates around BRI had heated up significantly. Meanwhile the US executive and legislative branches had achieved greater consensus in counterbalancing the BRI.

Washington believes that BRI could not only change the geostrategic structure of Eurasian continent, but also challenge the US core interests on a wide range of issues such as technical standards, military security and international development. In addition, the Trump Administration has begun to enrich and refine the "Indo-Pacific" strategy, enlarge China's negative global image and its BRI such as the "economic coercion and debt trap", meanwhile reforming its international financing mechanism to compete with BRI constantly.

In general, the big game around the BRI significantly reflects the increasingly intensified Sino-US rivalry in the long run.

THE MAIN EVOLUTION OF THE US RESPONSE TOWARDS THE BRI

It should be noted that the overall, cross-regional and linkage characteristics of the strategic rivalry are particularly significant in the US efforts towards the BRI. After China initiated BRI back in 2013, the US did not respond clearly and coherently. Although it refused China's invitation to join the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), senior Obama Administration officials have rarely spoken about or explicitly criticized the BRI [1, pp. 12-13].

President Obama even ultimately dialed back his rhetoric on the AIIB, mentioning that AIIB "could be a positive thing" [2]. Over the past 9 years, the BRI has gradually become an important pillar of China's foreign policy. However, with the continuous achievements of BRI, the US perception towards it has become increasingly negative. Washington clearly believe that BRI is an integral part of China's grand strategy and key geopolitical instrument to control the Eurasian continent, which would challenge the US global interests and the US-dominated world order. Thus, the BRI has become an important driving factor for the phenomenon of "threat inflation" from the US perception.

Washington have effectively promoted a series of negative propaganda toward the BRI globally such as so-called "debt trap theory" and "security risk theory" [3]. At the same time, on the issue of counterbalancing the BRI, the US think tanks also proposed variety of systematic and operational recommendations.

SENIOR D.TRUMP ADMINISTRATION OFFICIAL'S STANCE TOWARDS THE BRI

The Administration's overall attitude towards BRI can be characterized as "negative inflation" according to its statements. Its main accusation towards BRI can be concluded as the BRI reflects that China pursues a "predatory economy" globally by creating an "economic coercion" which damages the sovereign and interests of relevant countries and undermines the US global leadership.

The starting point of the Trump Administration's explicit countermeasures against the BRI can be tracked back in June 2017, when President Trump and the Indian PM Modi's joint address accusing China's BRI creating the "debt trap" [4]. Then Secretary of Defense J. Mattis pointed out that there are many belts and roads in a globalized world, and no nation should dictate the "One Belt, One Road" [5]. Secretary of State R. Tillerson accused BRI has put related countries on the back of huge debts and furthermore creates its own rules and norms [6]. His successor M. Pompeo not only criticized BRI on multiple occasions, but also pressured relevant countries to be wary of the Chinese investment. The most famous attacks on BRI comes from Vice President M. Pence, claiming that the US would not "offer a constricting belt or a one-way road," in a clear swipe at the BRI [7].

SENIOR MILITARY COMMANDERS' STANCE

It is worth noting that during Trump era, several senior US military commanders have publicly criticized the BRI from the security perspective, which reflects BRI's increasingly strategic roles in the Washington policy-making. Some claimed that BRI enables China to influence global shipping lanes, is China's coordinated and strate-

gic effort to marginalize the US influence, which would lead the global chokepoints to be under pressure [8]. Some other accused that China aimed to shape a world in line with its "authoritarian model" and undermine international norms through BRI, such as the free flow of commerce and information [9].

US CONGRESSIONAL MEMBERS' STANCE

A variety of US congressional members have also made negative comments on the BRI, demanding the counter-efforts. For example, in January 2018 Democratic Senator Gary Peters claimed the BRI as "China's strategy to ensure control of maritime and continental interests and, ultimately, to dominate Eurasia and exploit natural resources", which creates unprecedented challenge to the US key interests [10]. In June 2019, the Senate Committee on finance held a hearing entitled "China's Belt and Road Initiative", which is the first-ever congressional hearing focusing on BRI, thus the bipartisan consensus of "BRI threat" has been rapidly formulated [11].

US THINK TANKS' CHANGING STANCE TOWARDS BRI

Comparing with the evaluation and analysis towards BRI during 2013-2017, since 2018, the research focus and main stance of the American think tanks on BRI have indicated the following changes:

First, at the economic level, the changing stance among the US experts is to hype China enhances its global influence of its "authoritarian" system through BRI, increase its control over countries along the route by creating "debt traps" and continuously strengthening its "economic coercion" towards relevant countries in order to serve its geostrategic goal of so called "neo-imperialism" or "neo-colonialism" [12].

The **second** change is the focus among the US experts on the study of BRI's security impact at the military level. Many US experts believe that BRI is "enduring China's military ambitions through economic means", focusing on the main regions of BRI destination as the Horn of Africa, the coasts of the Bay of Bengal, the Indian Ocean, and the South Pacific. The main security issues covers wide range, such as security impact of BRI's 5G infrastructure building, the dual use of port facilities under BRI, and the impact of China's Beidou navigation system on the security system of relevant countries [13, pp. 13-18; pp. 19-23].

The **third** change is the highly focus among the US experts on the Digital Silk Road (DSR) at the technological level, concerning that China would use DSR to increase the collection of key big data from BRI countries and export its information monitoring system to the relevant developing countries through related projects undertaken by its tech giants, mainly Huawei and ZTE [14, pp. 282-285].

The **fourth** change is the increasing accusation among the US experts of the "non-compliant operation" and "corrupt behavior" of Chinese enterprises and financial institutions in the BRI countries, and China's "low environmental and social standards" for loans, which has undermined the rules and standards in the field of international development and created a "race to the bottom" problem [15, pp. 360-365].

The **fifth** change is to explore more in-depth specific measures to jointly counter the BRI with the US allies within the mechanism such as G7 and Quad, including intelligence sharing, infrastructure co-financing, and soft infrastructure assistance [16].

THE COURSE OF THE BRI CHALLENGE: THE US PERSPECTIVE

BRI has become an important factor that influences the US in redefining the "China threat". US think tanks experts generally believe that the BRI will have a significant impact on both the US national and global interests. At the theoretical level, the BRI could create and promote a new type of Sinocentric world order and a Chinese system of globalization. Furthermore, China's continental offensive under its BRI throughout the "Eurasian heartland" and African continent would shake the foundations of the US hegemony during post-WWII period [17].

The actual and potential challenges of the BRI on the US national interests among the experts mainly include the following aspects:

In terms of trade and economy:

First, from the micro-economic aspect, BRI affects global supply chains and the international trade and financial system, thereby undermining the centrality of the US in the global economic system.

Second, from the commercial aspect, it challenges the commercial interests of American companies as BRI has strengthened the competitive advantage of Chinese companies in the countries along the route.

Third, from the aspect of the currency fluctuation, the BRI will significantly promote the internationalization of the Chinese Renminbi (RMB) and gradually erode the primacy of the US dollar in the international monetary and global trading system.

In terms of technological development:

First, it will lead to the internationalization of China's technology standards, especially the cutting-edge technology such as 5G and AI, which inevitably undermines the US global technological leadership.

Second, BRI allows China to meet the needs from majority of developing countries on technologies as data centers, cloud services, and 5G infrastructure more cheaply and in a more coordinated way than the US [14, pp. 279-282]. By building next-generation digital networks across the world, China could gain access to vast amounts of data, which could help it build artificial intelligence (AI) technologies and which it could exploit to gain sensitive data from other countries.

Third, China's efforts to develop its next-generation digital networks could also lock other states into China's technological ecosystems incompatible with products made by non-Chinese firms, which could close off many markets in developing countries to non-Chinese firms.

In terms of security:

It will make relevant countries re-examine their diplomatic, economic and military relations with the US, especially the dual-use infrastructure and related privileges that China supports in the BRI projects around the world, which will affect the US military deployment and damage the US military projection capability globally.

MAIN US THINK TANKS' POLICY RECOMMENDATIONS FOR COUNTER-STRATEGY AGAINST BRI

Focusing on how US can effectively respond to the BRI challenge, the main policy recommendations offered by the US think tanks can be summarized into the following points:

Firstly, at the international level,

1. The US need to formulate principles and standards, and use multilateral mechanisms such as the G20, the World Bank, and the Asian Development Bank to strengthen the international support for American-style principles and standards as an alternative against China's BRI and use multilateral mechanisms to increase constraints on China's so called "debt trap diplomacy".

2. In the field of international development, the US should enhance the attractiveness of the American model, and enhance its actual support capability for the development financing of relevant countries and regions. On the one hand, the US needs to maintain its tactics to expose and criticize China's "predatory economy"; on the other hand, it also needs to use "real money" to increase support for relevant countries and provide "American alternatives".

Secondly, at the domestic level, it is necessary to strengthen cross-agency coordination and deepen the strategic research on BRI. Due to BRI's large scale, long process, and its wide range of influence, it involves the work of variety of US government agencies, which has reinforced the Trump Administration's efforts towards a Whole-of-government approach.

At the global level, among the strategic dialogue and diplomatic consultation between the US and Japan, EU and other US allies, issues toward the BRI can be added or relevant working groups can be established. In the US embassies and consulates abroad, it is necessary to arrange officials who specialize in the BRI issue.

In the field of international development, the US government needs to retool its foreign economic policy and development aid, while the Congress needs to increase its funding accordingly and vigorously promote private sector investment in infrastructure construction, meanwhile guiding global institutional investors to support infrastructure projects in relevant countries and regions.

Finally, in terms of the specific projects, the US should urgently implement its version of the connectivity initiative, by using the "comparative advantages" of traditional allies and partners, while generating their synergy in counterbalancing BRI. US need to urgently cooperate with Japan, Australia, India, to define and advocate so-called high-quality infrastructure, while monitoring China-supported infrastructure projects from a process and an outcome perspective, to focus on the key aspects such as project bidding, government procurement, environmental and social standards, debt sustainability, etc., meanwhile continuing promoting the propaganda of "full life cycle cost" of Chinese infrastructure construction.

THE INDO-PACIFIC STRATEGY AS COUNTER-STRATEGY TO BRI

President Trump firstly proposed a "free and open Indo-Pacific strategy" in November 2017, using the "Indo-Pacific" as a geopolitical and geostrategic framework for advancing diplomatic strategies, proclaiming a "new partnership" between the US and the region.

This strategy aims to renew and replace the Obama Administration's "pivot to Asia" strategy. According to the Trump Administration's National Security Strategy, "Indo-Pacific" has a broader definition of "the vast area from

the west coast of the Indian Ocean to the east coast of the US" [18], which is the most populous and most economically active region in the world.

The US Indo-Pacific strategy can finally take shape and be continuously enriched during the Trump era, is indeed closely related to the BRI. Comparing with the Obama Administration, the term "Asia-Pacific" involves economic and cooperative connotations, while the term "Indo-Pacific" is directly associated with geopolitical competition and alliance confrontation.

From Washington's point of view, China's BRI is actually an "Indo-Pacific" strategy with Chinese characteristics [19]. The "Indo-Pacific" Strategy has a distinctive feature for China, which aims to ensure the US regional allies and partners be aware of the risks of China's BRI. Obviously, there is a strong linkage and resonance between the "Indo-Pacific" strategy of the Trump Administration and the "Indo-Pacific" strategy of India, Japan, and Australia, all of which are trying to achieve a closer relationship between economic and security policies [20, pp.146]. The convergence reflects the US attempt to control the geopolitical impact of the infrastructure connectivity, which is also the key element of China's BRI.

In the security field, the "Indo-Pacific" strategy focuses on the four major agendas as maritime security; humanitarian assistance and disaster reduction; peacekeeping capacity enhancement; and combating transnational crime. The Bay of Bengal is located at the junction of the Indian Ocean and East Asia, and its geo-strategic position is increasingly prominent. In addition, Sri Lanka and other countries are important partners of China's BRI. The Trump Administration has paid more attention to the region. In addition, it aims to further urge the QUAD members and other countries to assume more responsibilities in regional affairs, enhancing bilateral and multilateral cooperation.

Table shows the Trump Administration's main global initiatives to counter BRI.

Table. Trump Administration's main global initiatives to counter BRI

	2018	2019	2020
Indo-Pacific Region	Infrastructure Transaction and Assistance Network (ITAN): high-quality infrastructure; Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership (DCCP): promote Internet private sector network investments; Asia EDGE: energy projects;	Blue Dot Network (BDN): technical standards and certification systems of infrastructure development projects;	Clean Network Initiative (counter the Digital Silk Road)
Africa	Prosper Africa: doubling bilateral trade and investment between the US and Africa; Connect Africa Initiative: infrastructure, technology, and value chains; 2X Women's Initiative: mobilize \$1 bln capital to invest in women in African countries;		
Latin America	América Crece initiative: establish maritime trade and invest in infrastructure projects		

Compiled by the author based on: Initiatives. Trump White House Archives. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/search/?s=initiatives> (accessed 31.07.2022)

Thus the Trump Administration has established multiple networks towards the Global South to counter the BRI and offer American alternatives through its initiatives in a wide range of domains, such as trade and investments, infrastructure quality, digital network, and technical standards.

THE MAIN US FINANCIAL INSTITUTIONS' CONTRIBUTION

In 2018, the former Overseas Private Investment Corporation (OPIC) invested over \$640 mln into projects in the region, which is a vast increase from the \$503 mln investment in 2017, and investments continue to increase under the newly formed International Development Finance Corporation (IDFC). Meanwhile, the Millennium Challenge Corporation (MCC) signed compacts in the region worth \$830 mln, and is currently expanding compacts with Indonesia and Timor-Leste.

From 2018-2019, the US Trade and Development Agency (USDТА) spent over \$24 mln to support infrastructure development projects in the Indo-Pacific. Particularly, the USAID and OPIC play key role in expanding partnerships with governments, civil society, and the private sector in the region: since 2019, USAID has dedicated an ad-

ditional \$250 mln to support economic growth, including in energy, infrastructure, digital connectivity, and trade [21].

TRILATERAL PARTNERSHIP WITHIN THE QUAD

The US has cooperated with Japan, India and Australia, as QUAD members, to jointly pursue coordination on infrastructure investment to counter the BRI.

At the national level, the 2018 US-India-Japan Trilateral partnership agreed to continue to collaborate to promote increased connectivity in the Indo-Pacific, as an overt alternative to the BRI; in May 2018, the Indo-Pacific trilateral infrastructure forum has been launched to fill the massive gap in infrastructure and connectivity in the region; the 2018 US-Australia-Japan trilateral partnership has signed an agreement on development finance supports a five-country electrification partnership in Papua New Guinea and scopes prospective projects in the energy, digital and transportation sectors of Southeast Asia and Pacific Island.

In 2019, the US, Japan and Australia jointly initiated the Blue Dot Network (BDN). At the private sector level, in February 2018, Washington held a successful Trilateral Infrastructure Working Group meeting, by signing the agreement to provide grants, loans and insurance to help local companies tackle various infrastructure projects linking South Asia and Southeast Asia. US, India and Japan private sectors agreed to share information on their current Indo-Pacific projects with their trilateral counterparts, with joint loans and ventures [22, pp. 24-26].

BIDEN ADMINISTRATION'S MAIN EFFORTS TO COUNTER BRI

Since taking office, the Biden Administration not only continued the Trump Administration's comprehensive confrontational China policy, but also undertook a more collaborative, multilateral approach to China by establishing and coordinating the anti-China coalition, to maximize leverage on countering China's rising global influence, represented by the BRI. At the policy level, domestically, the Strategic Competition Act of 2021 was amended to provide more US aid to Africa and Latin America to counter BRI's financial aid [23]. The US Innovation and Competition Act of 2021 authorizing \$110 bln for basic and advanced technology research over a five-year period, in order to compete with China's BRI particularly in the high-tech sector [24]. In February 2022, the US House of Representatives passed the America Competes Act, an extensive piece of legislation that aims to strengthen the US competitive edge over China, mainly focusing on countering China's BRI [25].

At the international level, during the G7 Summit in June 2021, President Biden urged the G7 allies to offer loans to developing nations, which led the creation of the US global infrastructure alternative, the Build Back Better World Partnership (B3W). B3W is the first-ever US-led initiative to counter China's BRI [26]. B3W is to work with the US partners to finance and develop infrastructure in a manner so-called "transparent, sustainable, adheres to high standards" seeks address the \$40 trln worth of infrastructure needed by developing countries by 2035. During the G7 Summit in June 2022, the US and its G7 allies launched the Partnership for Global Infrastructure (PGII), the repackaged version of the Build Back Better World initiative, to invest \$600 bln on infrastructure among the developing countries in next 5 years through private sector.

In general, the Biden Administration has taken real money and more effective measures to specifically compete with China's BRI through its global allies network and its "democratic values" strategy. The Biden Administration is intended to attract the attention of the majority of the democracies among the Global South in terms of democracy and human rights, while demonizing Chinese system as "authoritarianism", in order to counter China and BRI through ideological means. On December 9-10, 2021, President Biden hosted the first of two Summits for Democracy, a global gathering of leaders from 100 countries, with majority from Africa and Latin America [27].

In particular, the Biden Administration's tactical change from "countering BRI by US" into "countering BRI by US-led coalition" will have the serious and long-term impact on the implementation of BRI. China will have to face the challenges from the US and the other G7 members in multiple fronts.

CONCLUSION

During the 9-year implementation of BRI, China has signed cooperation memorandums with more than 140 countries and international organizations to jointly build the global "Belt and Road". A large number of major cooperation projects have been undertaken, and majority of countries along the route have achieved economic development and progress through cooperation.

However, several countries are forced to take sides, or fluctuated between China and the US due to Washington's comprehensive pressure. Based on the basic need to develop the domestic economy, these relevant countries

finally overcame this dilemma, re-examined their foreign policy in the context of the Sino-US strategic rivalry and actively carried out economic cooperation with China.

As China's first global cooperation initiative, BRI embodies a connectivity-oriented diplomatic strategy and helps China to explore and develop facilitating international leadership. In fact, the BRI itself has also been transformed during the recent years: in response to the rising concerns of the international community towards BRI, China has begun to gradually adjust the BRI structure in accordance with the requirements of utilization, by emphasizing the BRI development towards quality development, including improving the actual effectiveness and risk control of cooperative projects, strengthening the financing sustainability, and enhancing the openness and transparency of international cooperation.

Among the international cooperation cases, a number of American companies such as General Electric are also actively participating in the BRI and reaped considerable benefits. A report released by the Atlantic Council, also pointed out that the Belt and Road Initiative could provide a "new platform for cooperation" between China and the US.

The nature of the US Sino-American rivalry under Biden in the field of the China's Belt and Road Initiative will be discussed in more detail context in the next material of our magazine.

REFERENCES

1. Johnson C.K. President Xi Jinping's 'Belt and Road' initiative. Center for Strategic and International Studies. 2016. 28. Pp. 1-24.
2. Dyer G. Obama Says AIB Could Be 'Positive' for Asia. *Financial Times*, April 28, 2015. <https://www.ft.com/content/80271e0c-eddc-11e4-90d2-00144feab7de> (accessed 18.07.2022)
3. Chance A. American Perspectives on the Belt and Road Initiative: Source of Concern, possibilities for US-China cooperation. Institute for China-America studies. November 2016. <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2017/02/American-Perspectives-on-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf> (accessed 28.07.2022)
4. Panda A. 6 Major Takeaways from Indian PM Narendra Modi's First Summit with Donald Trump. <https://thediplomat.com/2017/06/6-major-takeaways-from-indian-pm-narendra-modi-first-summit-with-donald-trump/> (accessed 30.07.2022)
5. Russel D., Berger B. Weaponizing the Belt and Road Initiative. Asia Society Policy Institute. 2020. https://asiasociety.org/sites/default/files/202009/Weaponizing%20the%20Belt%20and%20Road%20Initiative_0.pdf (accessed 12.07.2022)
6. Tillerson R.W. Defining Our Relationship with India for the Next Century, Remarks at the Center for Strategic and International Studies. October 18, 2017. Pp. 7-8.
7. Remarks by Vice President Pence at the 2018 APEC CEO Summit, Port Moresby, Papua New Guinea, November 16, 2018. <https://kr.usembassy.gov/111618-remarks-by-vice-president-pence-at-the-2018-apec-ceo-summit/> (accessed 28.07.2022)
8. OBOR partially aims to marginalise US influence in Pacific: Admiral Harry Harris. *The Economic Times*. March 16, 2018. <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/obor-partially-aims-to-marginalise-us-influence-in-pacific-top-us-admiral/article-show/63330657.cms?from=mdr> (accessed 05.07.2022)
9. Advance Policy Questions for Admiral Philip Davidson. Hearing of the Senate Armed Services Committee. April 17, 2018. https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Davidson_APQs_04-17-18.pdf (accessed 10.07.2022)
10. Senate Hearing "Global Challenges and US national security strategy". Senate Committee on Armed Services. January 25, 2018. <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg39552/html/CHRG-115shrg39552.htm> (accessed 29.07.2022)
11. Hearing on China's Belt and Road Initiative. US Senate on Finance. June 12, 2019. <https://www.finance.senate.gov/imo/media/doc/43886.pdf> (accessed 30.07.2022)
12. Murray C. An analysis of China's Belt and Road initiative and its neo-colonial ambitions. *Routes*. 2022. 2(3). Pp. 176-182; Kleven A. Belt and Road: colonialism with Chinese characteristics. Lowy Institute. May 6, 2019. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/belt-and-road-colonialism-chinese-characteristics> (accessed 29.07.2022)
13. Gondon D., Tong H.Y., Anderson T. Beyond the Myths - Towards a Realistic Assessment of China's Belt and Road Initiative: The Security Dimension. The International Institute for Strategic Studies. 2020.
14. Cheng G. China's Digital Silk Road in the age of the digital economy: Political analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. 22(2). Pp. 271-287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>
15. Carrai M.A. The Rise of Screening Mechanisms in the Global North: Weaponizing the Law against China's Weaponized Investment. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2020. Vol. 8. Issue 2. Pp. 351-383.
16. Zhu Z. Can the Quad Counter China's Belt and Road Initiative? *The Diplomat*. March 14, 2018. <https://thediplomat.com/2018/03/can-the-quad-counter-chinas-belt-and-road-initiative/> (accessed 29.07.2022)
17. Cheng G., Chen L., Degterev, D.A. Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. 19 (1). Pp. 77-88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
18. National Security Strategy of the United States of America. The White House. December 18, 2017. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 30.07.2022)
19. Feng Y., Gabuev A., Haenle P., Ma B., Trenin D. The Belt and Road Initiative: Views from Washington, Moscow, and Beijing. Carnegie Center. April 8, 2019. <https://carnegieendowment.org/2019/04/08/belt-and-road-initiative-views-from-washington-moscow-and-beijing-pub-78774> (accessed 15.07.2022)
20. Hu M., Meng W. The US Indo-Pacific Strategy and China's Response. *China Review*. 2020. Vol. 20. № 3. Pp. 143-176.
21. Lew J.J., Roughead G. China's Belt and Road: Implications for the United States. Council on Foreign Relations. *Independent Task Force Report* № 79. 2021. <https://www.cfr.org/report/chinas-belt-and-road-implications-for-the-united-states/download/pdf/2021->

- 04/TFR%20%2379_China%27s%20Belt%20and%20Road_Implications%20for%20the%20United%20States_FINAL.pdf (accessed 31.07.2022)
22. Chacko P., Wilson J. Australia, Japan and India: A trilateral coalition in the IndoPacific? Perth, US Asia Center. September 2020. 38 p.
 23. S.1169 - Strategic Competition Act of 2021. US Senate Foreign Relations Committee. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1169/text> (accessed 31.07.2022)
 24. S.1260 - United States Innovation and Competition Act of 2021. Senate Committees on Commerce, Science, and Transportation. <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text> (accessed 30.07.2022)
 25. Wells D., Garrison J. House passes COMPETES Act bill aimed at boosting US competitiveness with China. *USA Today*. February 4, 2022. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/02/04/house-passes-america-competes-act-aimed-competing-china/6641085001/> (accessed 31.07.2022)
 26. Zhao M.H. The Belt and Road Initiative and China-US strategic competition. *China International Strategy Review*. 2021. 3(2). Pp. 248-260. DOI: 10.1007/s42533-021-00087-7
 27. Li X. "Summit for Democracy": a symbol of the new "iron curtain". *Global Times*. December 12, 2021. <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1241306.shtml> (accessed 31.07.2022)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Cheng Guo (China), PhD (History); Researcher, School of Foreign Studies, Nanjing University of Science and Technology; PhD student, Department of Political Analysis and Management, RUDN University, Moscow, Russia.

Чэн Го (КНР), кандидат исторических наук, научный сотрудник, Школа иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологий; аспирант кафедры политического анализа и управления, РУДН, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 10.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 15.09.2022

Энергетическая безопасность как один из ключевых факторов внешней политики Пакистана

© Макаревич Г.Г.^a, 2022

^a Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru

Резюме. Среди множества факторов, способных влиять на внешнюю политику страны отдельно можно выделить фактор энергетической безопасности. В статье рассматривается место энергетической безопасности во внешней политике Пакистана. Автор полагает, что социально-политическое развитие страны напрямую зависит от состояния энергетического сектора и перспектив его развития, а потому проводимый внешнеполитический курс во многом исходит из нужд укрепления энергетической безопасности.

В статье рассматриваются существующие угрозы энергетической безопасности. Анализируется место энергетического сектора в экономике Пакистана и структурные проблемы отрасли, дается обзор внешнеторгового баланса страны. К стратегически важным направлениям энергетической политики Пакистана отнесена реализация Китайско-пакистанского экономического коридора, развитие отношений со странами Персидского залива, попытка договориться о реализации энергетических проектов со странами Центральной Азии. Среди попыток противодействовать социально-политическим угрозам энергетической безопасности анализируется контртеррористическая деятельность вооруженных сил страны и отмечается её двойственность, перечисляются инициативы по укреплению региональной морской безопасности в зоне Индийского океана, в частности - Региональные патрули морской безопасности, а также рассматривается проблема нестабильности в Афганистане в контексте необходимости обеспечения энергетической безопасности Пакистана.

В ходе исследования использовался историко-системный метод для анализа места энергетической безопасности во внешней политике Пакистана и статистический метод для оценки значения энергетического сектора в экономике страны.

Ключевые слова: Пакистан, энергетический сектор, Китайско-пакистанский экономический коридор, контртеррористические операции, Региональные патрули морской безопасности, движение «Талибан»

Для цитирования: Макаревич Г.Г. Энергетическая безопасность как один из ключевых факторов внешней политики Пакистана. *Азия и Африка сегодня*. 2022, № 10. С. 73-80. DOI: 10.31857/S032150750020217-0

Energy security as a crucial Pakistan's foreign policy determinant

© Gleb G. Makarevich^a, 2022

^a Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8037-0973; gmakarevich@imemo.ru

Abstract. Considering many factors that can affect the nation's foreign policy, one can point out the factor of energy security. The article deals with the place of energy security in Pakistan's foreign policy. The author puts forward a hypothesis according to which the socio-political development of Pakistan directly depends on the state of its energy sector and the prospects for its development, and therefore the nation's foreign policy in fact stems from the needs of strengthening energy security.

The article discusses the general concepts of energy security, lists the existing threats, the role of the energy sector in the Pakistani economy and the structural problems of the industry are analyzed with an overview of the country's foreign trade balance having been given. The strategically important tracks of Pakistan's energy policy include the implementation of the China-Pakistan economic corridor, the development of relations with the Gulf countries, an attempt to agree on the implementation of energy projects with the countries of Central Asia. Among Pakistan's attempts to counter socio-political threats to energy security, counter-terrorism operations of the nation's armed forces are considered, and its duality is noted, initiatives to strengthen regional maritime security in the Indian Ocean and in particular - Regional Maritime Security Patrols, as well as Pakistan's role in the civil war in Afghanistan in the context of the Taliban takeover.

The author concludes that energy security will remain one of the key factors in Pakistan's foreign policy until the burning issues in the areas discussed in the article are resolved. Otherwise, Pakistan will remain a country with an extremely vulnerable economy, which will not allow Islamabad to play the role in world politics it hopes for.

Keywords: Pakistan, energy security, energy sector, China-Pakistan economic corridor, counter-terrorism operations, Regional Maritime Security Patrols, Taliban

For citation: Makarevich G.G. Energy security as a crucial Pakistan's foreign policy determinant. *Asia and Africa today*. 2022, № 10. Pp. 73-80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750020217-0

ВВЕДЕНИЕ

Место каждой отдельной страны в мировой политике определяется множеством факторов. Наряду с традиционными факторами политического и экономического развития, а также факторами безопасности, некоторые государства вынуждены считаться с комплексными фундаментальными проблемами, оказывающими влияние не только на все сферы общественной жизни, но и формирующими внешнеполитическую повестку. Такой проблемой для Пакистана является энергетическая безопасность.

По нашему мнению, энергетическая безопасность является одним из ключевых факторов внешней политики Пакистана. Стремясь добиться устойчивого экономического развития, Исламабад будет укреплять энергетическую безопасность путем взаимодействия с КНР, странами Персидского залива и государствами Центральной Азии с тем, чтобы через решение двусторонних и региональных проблем улучшить ситуацию в энергетической сфере.

Хотя рассматриваемого вопроса в своих работах касались многие авторы, относительно малое количество литературы посвящено комплексному исследованию энергетической безопасности Пакистана. Необходимо отметить материалы открытого семинара Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, работы специалиста по экономике стран Южной Азии Н.В.Галищевой, посвященные экономике Пакистана, работы пакистанских специалистов в области энергетики. Нами были привлечены данные как из национальных баз данных, так и международных. Использовались материалы региональной и специализированной прессы - в частности, статьи журнала вооруженных сил Пакистана *Hilal*.

В ходе исследования использовался историко-системный метод для анализа места энергетической безопасности во внешней политике Пакистана и статистический метод для оценки значения энергетического сектора в экономике страны.

УГРОЗЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Международное энергетическое агентство (МЭА) определяет энергетическую безопасность как бесперебойное наличие ресурсов по приемлемым ценам. Анализ проблемы в долгосрочной перспективе фокусируется на оценке возможности инвестирования в развитие энергетического сектора в зависимости от темпов экономического развития и особенностей окружающей среды. Краткосрочная же перспектива подразумевает реакцию на внезапное изменение в балансе спроса и предложения на рынках энергоресурсов¹.

Однако анализ проблемы в сугубо экономическом ключе не позволяет раскрыть её значения для отдельных стран и требует комплексного рассмотрения. Энергетическая безопасность подразумевает не только баланс спроса и предложения энергоресурсов, но и возможности для топливно-энергетического комплекса (ТЭК) обеспечивать достаточное предложение доступных и качественных топливно-энергетических ресурсов (ТЭР), способность экономики рационально расходовать энергоресурсы, и устойчивость к самому широкому кругу потенциальных угроз: экономических, социально-политических, техногенных, природных, управленческо-правовых [1].

Экономические угрозы могут подразумевать дефицит инвестиционных ресурсов, энергорасточительность экономики, высокие цены на ТЭР, слабую диверсифицированность электроснабжения. Всё вышеперечисленное актуально для Пакистана в силу общей нестабильности макроэкономического развития страны.

Социально-политические угрозы являются не менее значимым поводом для беспокойства, среди них - терроризм, экстремизм и сепаратизм.

Техногенные угрозы (аварии, взрывы, пожары) регулярно приводят к сбоям в работе энергетического сектора.

Природные угрозы (стихийные бедствия) видятся наименьшей проблемой ввиду относительно благоприятного экономико-географического положения Пакистана.

Управленческо-правовые угрозы (неполнота проработки решений по перспективному развитию энергетики; неэффективность энергосберегающей политики) также имеют большое значение из-за сравнительно серьезных проблем в управлении страной - иллюстрацией служит ситуация с коррупцией².

¹ Energy security. Ensuring the uninterrupted availability of energy sources at an affordable price. *International Energy Agency*. <https://www.iea.org/areas-of-work/ensuring-energy-security> (accessed 08.05.2022)

² Pakistan loses four spots in corruption perception ranking: report. *The Dawn*. 28.01.2021. <https://www.dawn.com/news/1604096> (accessed 10.05.2022)

ЗНАЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ ПАКИСТАНА

Экономика Пакистана не отличается развитым промышленным сектором, частью которого является топливно-энергетический комплекс. Эта макроэкономическая характеристика обусловлена особенностями экономического районирования, которое применялось еще в колониальный период: территория современного Пакистана рассматривалась как преимущественно аграрный регион. Поэтому после раздела Британской Индии в 1947 г. и образования независимых Индии и Пакистана стала очевидна асимметричность экономического потенциала двух стран - Индии достался сравнительно крупный промышленный комплекс, перед Пакистаном же встала задача ускоренной индустриализации, реализация которой была затруднена в т.ч. и недостатком в топливно-энергетических ресурсах.

Степень серьезности экономических угроз энергетической безопасности демонстрирует ситуация в электроэнергетике. Экономика страны до сих пор отличается низкими показателями потребления электроэнергии на душу населения, которое не превышает 500 кВт·ч³. В испытывающей схожие проблемы Индии показатель равняется 800 кВт·ч⁴, а в обеспеченном энергоресурсами Иране - 3000 кВт·ч⁵.

Пакистан не обладает крупными запасами собственных энергоресурсов: доля горнодобывающей промышленности в ВВП составляет не более 3%, добываемые в стране нефть, газ и уголь удовлетворяют потребности в электроэнергии лишь на 20% [2, с. 90]. Правительство страны сделало ставку на импорт ресурсов вместо разведки собственных месторождений, что можно объяснить дефицитом инвестиций, недостатком инфраструктуры и приемлемого количества квалифицированных кадров, необходимых для освоения месторождений.

Предпринятая в начале 2000-х гг. попытка перейти на использование более дорогих импортируемых энергоресурсов стала причиной нынешнего структурного энергетического кризиса в экономике страны. Начиная с 2007 г. правительство Пакистана регулярно сталкивается с невозможностью обслуживать долги перед управляющими энергетическими компаниями, которым правительство выдавало специально выпущенные облигации, поскольку денежных средств для оплаты электроэнергии не имелось - такая практика получила наименование «кругового долга» (*circular debt*) [3]. Отсутствие оплаты приводило к решению компаний либо работать не на полную мощность, либо вообще останавливать работу энергетических предприятий, что приводило к перебоям в электроснабжении и отсутствию доступа к электроэнергии со стороны как домохозяйств, так и производителей в аграрном секторе, промышленности и сфере услуг. Регулярные перебои в электроснабжении не способствуют устойчивому экономическому развитию и влияют на социально-политическую ситуацию в стране.

Как следует из *табл.*, ТЭС занимают ключевое место в пакистанской электроэнергетике, что подразумевает необходимость бесперебойной поставки сырья для их работы.

Таблица. Распределение источников выработки электроэнергии в Пакистане
Table. Distribution of power generation in Pakistan

Источники	Объем выработки, %
Теплоэлектростанции	60
Гидроэлектростанции	30
АЭС (Карачи и Чашма)	8
Возобновляемые источники электроэнергии	2

Составлено автором по: Pakistan Economic Survey 2020-2021, Energy. Government of Pakistan. P. 287.

В этом ключе еще более значимым видится тот факт, что энергоресурсы составляют треть пакистанского импорта [4], а около половины всего пакистанского импорта приходится на КНР, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Кувейт и Индонезию⁶. Можно допустить, что тесные партнерские отношения с КНР и странами Персидского залива не в последнюю очередь объясняются экзистенциальной необходимостью для Па-

³ Electric power consumption (kWh per capita) - Pakistan. *The World Bank*. <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?locations=PK> (accessed 12.05.2022)

⁴ Electric power consumption (kWh per capita) - Pakistan, India. *The World Bank*. <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?locations=PK-IN> (accessed 06.08.2022)

⁵ Electric power consumption (kWh per capita) - Pakistan, India, Iran, Islamic Rep. *The World Bank*. <https://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC?locations=PK-IN-IR> (accessed 10.08.2022)

⁶ Pakistan Economic Survey 2020-2021, Trade and Payments. Government of Pakistan. http://www.finance.gov.pk/survey/chapters_21/08-Trade%20and%20payments.pdf (accessed 15.05.2022)

кистана обеспечивать собственную энергетическую безопасность, от которой зависит развитие всей экономики.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПАКИСТАНА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

За последние годы Китай стал главным партнером Пакистана на международной арене. «Всепогодное» сотрудничество Пакистана и КНР подразумевает не только схожее видение проблем безопасности в регионе, но и торгово-экономическое сотрудничество.

Главным проектом китайско-пакистанских экономических отношений является Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК, *China-Pakistan Economic Corridor, CPEC*) - первый запущенный в рамках китайской инициативы «Пояса и Пути» комплекс проектов, нацеленный на создание развитой инфраструктуры на территории Пакистана, с помощью которой КНР сможет диверсифицировать торговые маршруты на случай обострения отношений с США и возможного перекрытия традиционно используемого КНР морского пути через Малаккский пролив [5].

51 проект общей стоимостью в \$65 млрд⁷ подразумевает создание 27 особых экономических зон (*Special Economic Zones*), первой из которых стал порт Гвадар в провинции Белуджистан; 8 зон планируется создать в провинции Хайбер-Пахтунхва, по 7 - в Панджабе и Белуджистане, 3 зоны в провинции Синд и по одной зоне на территории Гилгит-Балтистана и в федеральной столичной территории Исламабад [6].

В рамках рассматриваемой проблемы особенно важен тот факт, что две трети экономических инициатив нацелены на развитие энергетической сферы Пакистана. При этом 70% построенных в рамках мегапроекта предприятий будут работать на угле, импортировать который Пакистан будет из КНР [7]. И хотя посредством КПЭК нивелируются такие угрозы, как дефицит инвестиционных ресурсов и слабая диверсифицированность электроснабжения (мегапроект призван придать импульс развития всей стране, а потому в менее развитых провинциях даже создается больше особых экономических зон), неизбежно встает вопрос о наличии пространства для маневра пакистанской энергетической политики, в частности, и внешней политики в целом. Зависимость от китайских инвестиций, технологий и инженеров в перспективе может оказаться более ощутимой проблемой, чем перечисленные выше угрозы.

Кроме того, на руководстве Пакистана лежит ответственность и за отражение социально-политических угроз в рамках реализации проектов КПЭК: различные террористические группировки (например, Техрик-е Талибан Пакистан⁸ и Армия освобождения Белуджистана⁹) совершают атаки на объекты КПЭК¹⁰, при этом их целью зачастую становятся граждане КНР¹¹. Угроза терроризма заставляют пакистанских политиков оправдываться перед китайскими партнерами и привлекать дополнительные ресурсы для обеспечения безопасности китайских граждан¹².

Уверенность пакистанских лидеров в необходимости реализации КПЭК демонстрирует, что развитие энергетического сектора все же является одним из приоритетов для правительства страны.

Конечной точкой КПЭК является порт Гвадар - его географическая близость к монархиям Персидского залива обозначает важность сотрудничества Пакистана с нефтедобывающими арабскими странами. Государства Аравийского полуострова (в особенности ОАЭ и Саудовская Аравия) привыкли рассматривать Пакистан как важный элемент регионального комплекса безопасности. Вооруженные силы Пакистана внесли значительный вклад в обучение личного состава вооруженных сил стран Залива, пакистанские военные специалисты в субрегионе высоко ценятся и поныне¹³. Нежелание Пакистана участвовать в военной

⁷ How Chinese investments are capturing Pakistan's economy. *Deutsche Welle*. 02.08.2021. <https://www.dw.com/en/china-pakistan-investment-ties/a-58734281> (accessed 17.05.2022)

⁸ Техрик-е Талибан Пакистан (Движение Талибан Пакистана) - террористическая организация, выступающая за переформатирование системы власти в Пакистане на основах исламского права, за образец она принимает развитие Афганистана в 1996-2001 гг. (*прим. авт.*).

⁹ Армия освобождения Белуджистана - террористическая сепаратистская организация, выступающая за создание национального государства этноса белуджи, проживающего на территории Пакистана, Ирана и Афганистана (*прим. авт.*).

¹⁰ 2 children killed in suicide attack on vehicle carrying Chinese nationals in Gwadar. *The Dawn*. 20.08. 2021. <https://www.dawn.com/news/1641659> (accessed 17.05.2022)

¹¹ Pakistan rebel group warns China of harsher attacks. *Al Jazeera*. 27.04.2022. <https://www.aljazeera.com/news/2022/4/27/pakistan-separatist-group-warns-china-of-more-deadly-attacks> (accessed 19.05.2022)

¹² Army chief assures 'full security' to Chinese citizens working in Pakistan. *The Dawn*. 19.07.2021. <https://www.dawn.com/news/1636041> (accessed 15.05.2022)

¹³ Pak-Gulf Defense and Security Cooperation. Center for Pakistan and Gulf Studies. <https://cpakgulf.org/documents/Pak-Gulf-Security-Ties-final.pdf> (accessed 20.05.2022)

операции в Йемене и в конфликте между Ираном и членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) не стало поводом для значительного пересмотра стратегического характера отношений между государствами [8].

Хотя тесное сотрудничество Исламабада с арабскими монархиями в области безопасности и является определенной гарантией устойчивых связей в области энергетики, более надежным способом обеспечить энергетическую безопасность страны могла бы стать попытка сбалансировать торговый дефицит со странами Залива. Так, общая стоимость экспорта товаров в ОАЭ за 2019-2020 ф.г.¹⁴ составила \$714 млн, а импорта (преимущественно углеводороды) - \$3,6 млрд¹⁵. И хотя руководство Пакистана стремится прилагать усилия для диверсификации источников энергоресурсов, закупка которых стала причиной регулярных энергетических кризисов вследствие «кругового долга», - существуют инвестиционные проекты по разработке нефтяных и газовых месторождений в Пакистане¹⁶, ведутся переговоры о возможности создания зоны свободной торговли между Пакистаном и ССАГПЗ¹⁷, нивелировать экономическую угрозу зависимости от энергоресурсов стран Залива Исламабаду пока не удастся.

Имеется и иной источник импорта энергоресурсов, реализовать доставку которых Пакистану не удастся в полной мере вот уже три десятка лет. С момента образования новых независимых государств в Центральной Азии как глобальные (Россия, США, КНР), так и региональные (Индия, Пакистан, Иран) игроки рассматривали сотрудничество с богатыми энергоресурсами странами как необходимое условие для обеспечения своего устойчивого положения на мировом энергетическом рынке. Поэтому неудивительно, что геэкономические интересы заинтересованных стран сразу же преобразовались в интересы геополитические, что стало основным препятствием на пути реализации множества инициатив [9].

Отметим несколько энергетических проектов, которые Пакистан рассматривал как необходимые для укрепления собственной энергетической безопасности:

CASA-1000 (Central Asia, South Asia) - проект создания системы передачи электроэнергии (общей мощностью в 1000 МВт), вырабатываемой в Кыргызстане и Таджикистане в летний период, в Афганистан и Пакистан.

ТУТАП (Туркменистан-Узбекистан-Таджикистан-Афганистан-Пакистан) - дополнение к *CASA-1000*, подразумевающее интеграцию систем линий электропередач (ЛЭП) вышеперечисленных стран для возможности бесперебойного экспорта электроэнергии в Афганистан и Пакистан.

ТАП (Туркменистан-Афганистан-Пакистан) - проект построения систем ЛЭП по южно-афганскому маршруту (через Герат и Кандагар) к пакистанской границе.

ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия) - проект газопровода, призванный доставлять добываемый в Туркменистане природный газ в Южную Азию. Отдельно отметим, что на данный проект возлагает большие надежды руководство Туркменистана, поскольку страна остро нуждается в диверсификации экспорта.

Газопровод «Мир» (Иран-Пакистан, в прошлом Иран-Пакистан-Индия) - проект газопровода, необходимый как Пакистану для обеспечения энергобезопасности, так и Ирану для возможности дальнейшего выхода на рынки Южной Азии [10]. Индии пришлось выйти из проекта строительства газопровода «Мир» из-за давления США, которые не заинтересованы в укреплении позиций Ирана.

Основная проблема реализации большинства проектов состоит в высокой рискованности экономической деятельности на территории Афганистана. Нестабильная ситуация в стране вряд ли изменится вскоре после вывода войск США и их союзников. Даже в условиях отсутствия вооруженной оппозиции режиму движения «Талибан» (ДТ) и окончания интенсивной фазы гражданской войны реализация всех проектов с участием Афганистана затруднительна из-за неопределенного статуса режима талибов и непредсказуемости как их действий, так и действий их возможных противников внутри страны.

Таким образом, во внешнеполитическом измерении энергетической политики Пакистана отчетливо проявляют себя социально-политические угрозы - экстремизм, терроризм и сепаратизм. Видится необходимым рассмотреть последние инициативы по противодействию данным угрозам через призму энергетической безопасности.

¹⁴ Финансовый год в Пакистане охватывает период с 1 июля по 30 июня (*прим. авт.*).

¹⁵ Pakistan Economic Survey 2020-2021, Trade and Payments. Government of Pakistan. <http://www.finance.gov.pk/survey/chapters/21/08-Trade%20and%20payments.pdf> (accessed 20.05.2022)

¹⁶ Pakistan, UAE and Saudi Arabia discuss energy projects. *The Gulf News*. 07.01.2021. <https://gulfnews.com/world/asia/pakistan/pakistan-uae-and-saudi-arabia-discuss-energy-projects-1.76337158> (accessed 20.05.2022)

¹⁷ Pakistan committed to free trade agreement with GCC states. *The Gulf News*. 09.08.2017. <https://gulfnews.com/business/pakistan-committed-to-free-trade-agreement-with-gcc-states-1.2071445> (accessed 19.05.2022)

МЕРЫ ПАКИСТАНА ПРОТИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Пакистан на протяжении двух с лишним десятилетий стремился использовать различные радикальные группировки для достижения собственных внешнеполитических целей, но ситуация кардинальным образом изменилась после терактов 11 сентября 2001 г. и вторжения США и их союзников в Афганистан - Пакистан вынужден был отказаться от связей с террористами и присоединиться к «глобальной войне с террором», чтобы сохранить стратегическое партнерство с США и коллективным Западом.

Вместе с тем все острее вставал вопрос о противодействии терроризму в отношениях с КНР: Пекин был озабочен не только опасностью, которую террористы представляли для китайских специалистов в реализации долгосрочных экономических проектов, но и наличием связей пакистанских террористов с исламистскими сепаратистскими группировками, действующими в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР. По некоторым оценкам, лидеры уйгурских сепаратистов проходили тренировки в специальных лагерях на территории Пакистана еще в 80-е гг. прошлого века [11]. Поэтому борьба с терроризмом стала ключевой задачей для военно-гражданского руководства страны, нуждающейся в стабильных партнерских отношениях для поддержания энергетической безопасности. Так, согласно расчетам сотрудника Исламабадского института политических исследований в Пакистане А.М.Мирзы, за последние 20 лет «глобальной войны с терроризмом» с учетом разрушенной инфраструктуры страна потеряла \$200 млрд, а десятки тысяч гражданских и военных лиц лишились жизни [12].

Не стоит преуменьшать вклад Пакистана в борьбу с терроризмом, но нельзя и упускать из виду информацию, согласно которой руководство Пакистана готово вести непримиримую борьбу с одними террористическими организациями (Техрик-е Талибан Пакистан и Армия освобождения Белуджистана), но закрывать глаза на деятельность иных организаций (Лашкар-е Таиба¹⁸) [13]. Пакистанскому руководству необходимо сделать выбор между возможностью использовать радикальных исламистов в качестве внешнеполитического инструмента и необходимостью укрепления энергетической безопасности страны, которой терроризм несет прямую социально-политическую угрозу.

Гораздо более последовательной видится стратегия Пакистана на морских пространствах, а именно - в западной части Индийского океана. Несмотря на неудачи в противодействии экономическим угрозам энергобезопасности в контексте отношений со странами Персидского залива, Пакистан успешно наращивает потенциал в обеспечении региональной безопасности в регионе Индийского океана [14].

Главная инициатива Пакистана последних лет - Региональные патрули морской безопасности (*Regional Maritime Security Patrols, RMSP*). Инициатива рассчитана на противодействие нетрадиционным угрозам безопасности (морской терроризм, пиратство, контрабанда наркотиков, торговля людьми) военно-морскими силами региональных держав, поскольку они в первую очередь ощущают издержки из-за существующих в регионе угроз безопасности¹⁹. В зону ответственности патрулей входит акватория Африканского рога, север Аравийского моря и центральная часть Индийского океана, главными партнерами Пакистана выступают Саудовская Аравия, ОАЭ и Оман²⁰.

Пакистанская стратегия на этом направлении видится цельной и продуманной - при отсутствии возможности отказаться от импорта топливно-энергетических ресурсов из стран Персидского залива в ближайшей перспективе и колоссальном дефиците торгового баланса, использование сравнительных преимуществ в области безопасности дает Пакистану относительно твердые гарантии продолжения сотрудничества с государствами Аравийского полуострова по широкому кругу вопросов, в том числе и по вопросам энергетической безопасности.

Реализации энергетических проектов с государствами Центральной Азии мешает неопределенность в Афганистане. На данный момент правительство Пакистана отрицает наличие рычагов давления на ДТ и опасается признавать талибов в качестве официальной власти в Афганистане, но настаивает на необходимости поддерживать с ними диалог, чтобы не допустить дальнейшей эскалации, которая отдалит перспективу диверсификации импорта электроэнергии и энергоресурсов из государств Центральной Азии²¹.

¹⁸ Лашкар-е Таиба - террористическая организация, выступающая за освобождение территории Кашмира, находящейся под управлением Индии. Считается виновной в организации ряда террористических атак в Мумбаи 26 ноября 2008 г. (прим. авт.).

¹⁹ Regional Maritime Security Patrols. *Pakistan Today*. 03.06.2019. <https://archive.pakistantoday.com.pk/2019/06/03/regional-maritime-security-patrols-rmsp/> (accessed 25.05.2022)

²⁰ Pakistan's naval chief talks regional security and tech wish list. *Defense News*. 03.06.2020. <https://www.defensenews.com/interviews/2020/06/03/pakistans-naval-chief-talks-regional-security-and-tech-wish-list/> (accessed 25.05.2022)

²¹ Disengaging Taliban, abandoning Afghans will create space for terrorist outfits, warns FM Qureshi. *The Dawn*. 02.09.2021. <https://dawn.com/news/1644071/disengaging-taliban-abandoning-afghans-will-create-space-for-terrorist-outfits-warns-fin-qureshi> (accessed 30.05.2022)

Можно предположить, что в ближайшей перспективе Исламабад будет использовать все имеющиеся ресурсы для построения удобной для него конфигурации сил в Центральной Азии, что может значительно укрепить энергетическую безопасность страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Энергетическая безопасность не является исключительно экономическим явлением, а потому и рассматриваться при его анализе должна вся совокупность факторов. В силу специфики историко-политического развития Пакистана социально-политические угрозы энергетической безопасности видятся главным вызовом для стабильного экономического и политического развития страны.

Пакистан не обладает крупными запасами топливно-энергетических ресурсов и не отличается развитой горнодобывающей промышленностью. Это обуславливает зависимость страны от импорта энергоносителей, высокая стоимость которых приводит к регулярным энергетическим кризисам в стране, неспособной к бесперебойному финансированию энергетических предприятий. Пакистанское руководство вынуждено рассчитывать на укрепление энергетической безопасности с помощью внешнеполитических партнеров.

Внешнеполитическое измерение энергетической политики Пакистана имеет три главных вектора: сотрудничество с КНР и строительство Китайско-пакистанского экономического коридора как главного двустороннего мегапроекта, стратегическое партнерство со странами Персидского залива и стремление установить надежные связи со странами Центральной Азии.

Китайско-пакистанский экономический коридор имеет краеугольное значение для пакистанского энергетического сектора, но ставит вопрос о возможности чрезмерной зависимости Пакистана от китайских инвестиций, технологий и человеческого капитала. Кроме того, КПЭК требует от Исламабада привлечения дополнительных ресурсов для обеспечения безопасности мегапроекта, а каждый теракт несет значительные репутационные издержки. Борьба с терроризмом, о которой неоднократно заявляло военное гражданское руководство страны, осложняется нежеланием Пакистана отказываться от использования радикальных группировок в своих внешнеполитических целях, а потому остается половинчатой.

Не имея объективных возможностей диверсифицировать импорт энергоносителей и преодолеть дефицит торгового баланса с арабскими монархиями, Исламабад делает упор на военно-политическое взаимодействие со странами региона, что должно обеспечить стабильное развитие отношений со странами Залива.

Главной проблемой на центральноазиатском направлении является ситуация в Афганистане. Пакистан стремился наладить связи с центральноазиатскими республиками на протяжении последних десятилетий, был разработан ряд энергетических проектов доставки электроэнергии и топливно-энергетических ресурсов, но их реализация оказалась слишком рискованной в виду продолжавшейся гражданской войны. После вывода войск США и их союзников перспективы реализации проектов не стали отчетливее. Вопросы о влиянии Пакистана на ДТ, его способности контролировать всю территорию Афганистана, а также о желании центральноазиатских государств сотрудничать с Пакистаном в энергетической сфере, реализуя общие проекты на территории Афганистана, остаются открытыми.

Энергетическая безопасность останется одним из ключевых факторов пакистанского внешнеполитического планирования до тех пор, пока не будут решены основные проблемы на рассмотренных в статье направлениях. В ином случае Пакистан останется страной с крайне уязвимой экономикой, что не позволит Исламабаду играть ту роль в мировой политике, на которую тот рассчитывает.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Воропай Н.И., Сендеров С.М. Энергетическая безопасность: сущность, основные проблемы, методы и результаты исследований. *Открытый семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса» ИИП РАН*. Москва. ИИП РАН. 2011, с. 4-64.
Voropay N. I., Senderov S.M. 2011. Energy Security: substance, main issues, methods and results of research. *Open seminar "Economic issues of the energy complex" of INP RAS*. Moscow. Pp. 4-64. (In Russ.)
2. Галищева Н.В. Экономика Пакистана. Москва. МГИМО-Университет. 2018, с. 373.
Galishcheva N.V. 2018. Economy of Pakistan. Moscow (In Russ.)
3. Aftab S. 2014. Pakistan's energy crisis: causes, consequences, and possible remedies. The Norwegian Peacebuilding Resource Centre (NOREF). <https://www.files.ethz.ch/isn/177484/ade59fba5daf67a11a1c217434abf440.pdf> (accessed 12.05.2022)
4. Iqbal N., Ghani E., Din M. 2014. Pakistan's Dependency on Imports and Regional Integration. *The Lahore Journal of Economics*. № 19, pp. 395-409.
5. Замаева Н.А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020, № 25, с. 226-243.

- Zamaraeva N.A. 2020. China - Pakistan Relations: bilateral and regional challenges. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. № 25. Moscow. Pp. 226-243. (In Russ.)
6. Shahzad S.M. 2016. CPEC: a Game Changer. *Hilal*. № 8, pp. 35-37.
 7. Mascood T. 2017. CPEC: a Defining Project. *Hilal*. № 10, pp. 4-6.
 8. Siddiq A. 2020. The Convergence of Pakistan and Gulf Strategic Interests: An Assessment. Center for Middle Eastern Studies. Ankara, pp. 26. https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Kitap_Serisi-1-2.pdf (accessed 12.05.2022)
 9. Галищева Н.В. Центральноеазиатский вектор внешнеэкономической политики Пакистана: основные проблемы и перспективы. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018, № 2, с. 328-341.
Galishcheva N.V. 2018. The Central-Asian vector of the Pakistani foreign economic policy: problems and perspectives. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 328-341. Moscow. (In Russ.)
 10. Мехдиев Э.Т., Содиков Ш.Д. О межрегиональных энергетических проектах с участием стран Центральной Азии (ТАПИ, ТУТАП, Иран - Пакистан, CASA-1000). *Международные отношения*. 2017, № 3, с. 13-18.
Mekhdiev E.T., Sodikov Sh.D. 2017. About interregional energy projects with the participation of Central Asian Countries (TAPI, TUTAP, Iran - Pakistan, CASA-1000). *International Relations*. № 3. Pp. 13-18. Moscow. (In Russ.)
 11. Khan R.A. 2012. Pakistan and China: Cooperation in Counter-terrorism. *Strategic Studies*. Vol. 32, № 4, pp. 70-78.
 12. Mirza A.M. Pakistan Has Contributed Significantly to the Fight Against Terrorism. *The Diplomat*. 08.01.2021. <https://thediplomat.com/2021/01/pakistan-has-contributed-significantly-to-the-fight-against-terrorism/> (accessed 01.09.2022)
 13. Revisiting Counter-Terrorism Strategies in Pakistan: Opportunities and Pitfalls. *International Crisis Group, Asia Report № 271*. 22.07.2015. <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/271-revisiting-counter-terrorism-strategies-in-pakistan-opportunities-and-pitfalls.pdf> (accessed 01.09.2022)
 14. Макаревич Г.Г. Военно-морская стратегия Пакистана: эволюция и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021, № 7, с. 29-37. DOI: 10.31857/S032150750014631-6
Makarevich G.G. 2021. Maritime Strategy of Pakistan: Development and Future Prospects. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 29-37. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750014631-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Макаревич Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра Азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Gleb G. Makarevich, Junior Researcher, Group on South Asia and the Indian Ocean, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 11.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 01.09.2022

Africa in the 21st century: New insights into the problem of security

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Abstract. A sharp increase in geopolitical tensions following the start of a special military operation in Ukraine and the introduction of unprecedented Western sanctions against Russia has reverberated around the planet, and Africa is no exception in this regard. Under the circumstances, old threats to African countries have intensified and new ones have emerged, shaped by a complex interplay of local and international political and economic factors. If left unchecked, these threats may undermine Africa's economic progress and have a knock-on effect on the continental integration agenda. Suitably, scholarly interest in African security has been and will keep growing as the interplay becomes more complicated.

The Centre for Sociological and Political Sciences Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences held the international conference "Between Promise and Peril: African Security in the 21st Century". The scope of the conference covered such security-related topics in the African context as peacekeeping and counter-insurgency, private military companies and hybrid warfare, nuclear terrorism and peaceful atom, state fragility and neo-patrimonialism. A grave peril is that Africa once again becomes a proxy battlefield for conflicts between great powers. Participants paid special attention to the dynamics between local and foreign factors of destabilization in African countries. A particular focus of presenters was also made on the dilemma of state-building in Africa and its impact on African security. Most participants agreed that Africa's security is no longer a regional issue but a global one as the geopolitical and geoeconomic significance of the continent is increasing steadily.

Keywords: Africa, security, hybrid warfare, information warfare, nuclear energy, state-building

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Africa in the 21st century: New insights into the problem of security. *Asia and Africa today*. 2022. № 10. Pp. 81-84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022722-6

Африка в XXI веке: новый взгляд на проблемы безопасности

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Резюме. Заметный рост геополитической напряженности, связанный с началом спецоперации Вооруженных сил России на Украине, повлиял на ситуацию, сложившуюся в мире. Африка в этом смысле - не исключение: усилились старые угрозы безопасности и возникли новые, обусловленные сложным взаимодействием местных и международных политических и экономических факторов. Конференция «Надежды и угрозы: безопасность в Африке в XXI веке», проведенная в июне 2022 г. Институтом Африки РАН, была посвящена обсуждению вопросов миротворчества, терроризма и роли частных военных компаний и др.

Ключевые слова: Африка, безопасность, гибридные войны, информационные войны, атомная энергетика, государственное строительство

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Африка в XXI веке: новый взгляд на проблемы безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 81-84. DOI: 10.31857/S032150750022722-6

In 2022, the world entered swiftly into a state of uncertainty and tension. The profound and deepening rupture between Russia and the West has sent waves of alarm and frustration across the globe, with no country remaining immune to its impact.

The evolution of traditional threats and emergence of new causes of insecurity and instability on the African continent became an ascendant theme of the online international conference “**Between Promise and Peril: African Security in the 21st Century**”, which was held conjointly by the Institute for African Studies (IAS) of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), University of the Free State (UFS) (Bloemfontein, South Africa) and the Independent University of Banja Luka (NUBL) (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina).

The conference, which took place in June 2022, gathered speakers from the aforementioned three institutions, as well as representatives of Stellenbosch University (Stellenbosch, South Africa), Security Research Centre (Banja Luka), and the private sector, who shared their ideas on the global, regional and national dimensions of the security challenges that Africa is currently facing.

In his opening remarks, Russia’s Ambassador to South Africa **Ilya Rogachev** drew attention to the fact that the global geopolitical fight for Africa has only been intensifying, which undermines the sovereignty of African countries and escalates the risks of political and military destabilization. In particular, Ambassador Rogachev noted that an example of detrimental interference in African affairs is “Countering Malign Russian Activities in Africa Act”, which is set to become a law in the United States somewhere in 2022 and which will allow Americans to impose sanctions against African governments, government officials, and other individuals and entities who facilitate the development of Russo-African relations in a number of spheres, among them military and technical cooperation. In conclusion, Rogachev stressed that when analyzing causes of conflicts, unconstitutional takeovers of power and other disruptive phenomena in Africa, it is imperative to look for foreign beneficiaries of these events.

Following his address, Rector of the Independent University of Banja Luka, Prof. **Zoran Kalinić** highlighted the importance of deepening academic cooperation among the co-organizing institutions in the field of African Studies.

The next speaker in the opening session, Deputy Director of the Institute for African Studies, Prof. **Leonid Fituni** insisted that African countries and Russia have found themselves in the same boat in terms of them having become the *de facto* resource colonies of the West and that this situation has become untenable for Moscow, with Russia entering the struggle for decolonization that Africa had already been waging for decades.

Dean of the Faculty of Political Science at the Independent University of Banja Luka, Dr. **Ostoja Barašin** gave an overview of the history and concept of hybrid war, which has come to characterize a number of modern armed conflicts, including in Africa.

The final opening remarks were given by Dr. **Dragana Popović**, Director at the Institute for Scientific Research at the Independent University of Banja Luka, who emphasized the need to look at three pillars of security - environmental, socio-economic and resource sustainability, which are key requisites for implementing Africa's master plan - Agenda 2063.

The conference consisted of three discussion panels, titled respectively “*Africa’s Security Landscape: Regional and International Outlook*”, “*Africa’s New Perils: Beyond Conventional Warfare Threats*”, and “*Addressing Sources of Insecurity in Africa: Promise and Pitfalls*”.

The theme of the *first panel*, chaired by Dr. **Predrag Obrenović** (NUBL), reflected the growing role of the continent and its stability for the world, but also how this changing role affects social and political processes inside Africa.

The panel started with a paper by Prof. **Hussein Solomon** (UFS), who attempted to answer the question of why most strategies on countering insurgency and countering terrorism (COIN-CT) in Africa and elsewhere in the world have failed despite the substantial support provided by the international community. He identified specific challenges and policy errors undermining COIN-CT efforts on the continent, such as the misguided recruitment and selection practices in Africa’s national armies and law enforcement agencies, the presence of terrorist and insurgent sympathizers inside the government, the judiciary and the army, the disregard for the well-being of rank-and-file members of the armed forces. The results of these are widespread desertions, security breaches, criminalization and the generally low morale of African soldiers involved in COIN-CT operations, which leads to repeated failures.

Dr. **Tatyana Denisova** (IAS) examined economic drivers of insurgencies in West and Central Africa, coming to a conclusion that the crisis of public administration in many African countries and accompanying state incapacities impel various groups to compete violently for access to natural resources and for control over trade and supply chains in order to survive and for their leaders to enrich themselves. In the near absence of formal economy, criminal enterprises flourish and interweave with insurgents, engendering “war economy” and stimulating the degradation of public consciousness, values and attitudes of local inhabitants, which serves to perpetuate armed conflicts.

Dr. **Dragisa Jurisic** (Security Research Centre, Banja Luka) argued that African countries have a hard time managing security challenges because interests of various global and regional actors often differ. The UN, AU, EU, NATO, Africa’s eight Regional Economic Communities (RECs), *ad hoc* military groupings such as MNJTF and G5 Sahel, as well as non-Western powers such as China, India, Japan, Russia, Turkey and a number of Gulf countries, all

are inclined to pursue their own narrow interests in Africa contingent on their domestic political and economic circumstances and usually at the expense of the security of other actors, which has become one of the main reasons for the continent's current instability.

Yury Vidakas (IAS), whose focus was on United Nations peacekeeping operations in Africa and Moscow's views in their regard, referred to the Foreign Policy Concept of the Russian Federation to highlight the conceptual basis of Russia's commitment to settle armed conflicts and facilitate post-crisis nation-building on the African continent.

Siniša Bundalo (NUBL) offered an analysis of France's current policy for Africa. To compensate for the failure of the concept of *Françafrique*, which positioned former French colonies in Africa as a French backyard and which has been discredited throughout African countries, Paris has been promoting the Francophonie (Organisation internationale de la Francophonie - OIF), which pays more attention to cultural and humanitarian cooperation. More problematic, however, is the impending transformation of France's military strategy for Africa, which brings up the controversy of Paris's traditional great power ambitions and limited present-day resources.

Dr. **Sergey Kostelyanets** (IAS) reviewed the role of private military and security companies (PMSCs) in military-political conflicts and international peacekeeping in Africa. The presenter emphasized the growing profile of private paramilitary enterprises, both African and foreign, in supplying security services to international and regional organizations, national governments and businesses. The proliferation of PMSCs undermines the monopoly of African states on violence; PMSCs also often serve as refuge for former warlords and various criminal elements, who strive to gain legal rights to carry weapons. At the same time, contracts with PMSCs allow international and regional actors to reduce the commitment of regular soldiers, the latter being undesirable due to public opinion risks (in particular, in developed countries) or low professionalism, and react more swiftly to political-military crises.

The *second panel*, chaired by Dr. **Sergey Kostelyanets**, centred on new security threats in Africa, such as hybrid and information warfare, nuclear terror, and energy issues. The panel was inaugurated by Prof. **Vladimir Shubin** (IAS), who discussed the term "hybrid war" and argued that it is used fallaciously. The true kind of "hybrid war", in the presenter's opinion, is the regime change strategy utilized by Washington in recalcitrant countries.

Dr. **Predrag Obrenović** and Dr. **Dragana Popović** continued the discussion of "hybrid warfare" and questioned the accuracy of the term, which may denote nothing but methods of war that had existed long before its origination. The authors, nevertheless, acknowledged the role of technological achievements in changing the nature of political-military conflicts, which have become characterized by the blurred lines between acts of war, international crimes, propaganda campaigns, etc.

Oleg Shulga (IAS) illustrated how "hybrid wars" have become a factor of destabilization in Africa. He referred to the "hybrid war" of the Western coalition against Libya in 2011, which entailed a propaganda campaign to demonize the Gaddafi regime, support of Libya's anti-Gaddafi forces on the ground, and an air campaign that targeted government facilities, and warned that similar hostile actions against African countries that, for instance, refuse to sever ties with Russia are highly likely in the future.

Dr. **Zdravko Todorovic** (NUBL) painted the big picture of threats to Africa in the context of rising geopolitical tensions and the looming fourth technological revolution. The ongoing global energy crisis is one of the markers of the revolutionary geopolitical and geoeconomic shifts and will have profound effects on the security of the African continent.

Dr. **Eben Coetzee** (UFS) spoke of the prospects of nuclear terrorism in Africa. He noted that risks are increasing as more and more African states are becoming interested in constructing nuclear power stations, while Islamic extremism on the continent is on the rise, just as transnational organized crime is. Thus nuclear terror may become feasible in Africa in the foreseeable future.

Dr. **Eldar Salakhedinov** (IAS) concluded the *second panel* with an evaluation of the influence of geopolitics and information warfare on energy security in Africa. He noted that the conflict in Ukraine has given a new impetus to competition among great powers for influence in Africa, with cooperation in nuclear sphere, i.e. nuclear plant construction, being an increasingly important foreign policy tool for such countries as Russia, France, China, South Korea, the USA and Japan.

The *third panel*, chaired by Dr. **Eben Coetzee**, dealt with an analysis of domestic and institutional sources of insecurity and instability in African countries. The opening report by **Gerrie Swart** (Acuity Africa Advisory) focused on unconstitutional changes of government in African countries and corresponding reactions of the African Union. The presenter attributed the recent poor track record in reacting to political destabilization in such countries as Chad, Guinea, Mali, Sudan and Burkina Faso to the AU's failure to apply norms and principles of the organization consistently, the uneven implementation of the AU decisions by member states, and the growing reluctance of member states and RECs to accept external intervention in internal crises even from the AU itself.

Dr. **Albert Schoeman** (UFS) presented a study of hybrid political orders on the example of Somaliland. Hybrid political orders, according to the author, acknowledge the role of traditional authorities and place a greater em-

phasis on people, as well as politics at the grassroots level, and may become a post-Western state-building approach better suited for fragile states in Africa.

Dr. **Jude Cocodia** (UFS) used another example from the Horn of Africa - that of Somalia - to illustrate how international media may be employed to demonize a conflicting party with dire consequences for a country. The Islamic Courts Union (ICU), which took power in Somalia in 2006, managed to bring order to the country devastated by decades of civil war, yet half a year later it was subverted by an invasion of Ethiopian army. Addis Ababa acted with the support of the US, which considered the ICU an adversary in the context of its War on Terror. The outcome of the invasion has been radicalization of Somalis, the emergence of a real terrorist threat - al-Shabaab, and the continuation of hostilities in Somalia.

Benjamin Mokoena (Stellenbosch University) brought up the topic of impediments to countering Islamist violent extremism on the example of Kenya. He highlighted state fragility, which implies insecurity, poor governance, unequal economic development, widespread corruption, and abusive structures of authority, as a fundamental constraint to the ability of African countries, in particular Kenya, to counter violent Islamism and terrorism.

In the concluding report, **Ruben Pretorius** (UFS) addressed the role of neo-patrimonialism as a destabilizing factor in Sub-Saharan Africa. Neo-patrimonialism is viewed as the principal driver of autocratization and an inhibitor of democratization. This is especially visible in resource rich countries, where the proceeds from selling natural riches in global markets greatly overshadow any other sources of revenue.

During the *Q&A session* at the end, participants expanded on the prospects of peacekeeping in Africa at the sub-regional level, the possibility of negotiations with insurgents and terrorists, the issue of state sovereignty in Africa, global sanction wars and their effects on foreign policy of African countries, Russia's nuclear cooperation with South Africa, the evolution of political situation in Somalia, etc. Most participants agreed that Africa's security is no longer a regional issue but a global one as the continent is swiftly gaining in geopolitical and geoeconomic weight.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

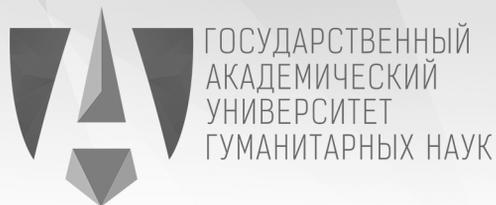
Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Поступила в редакцию
(Received) 02.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.09.2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).